

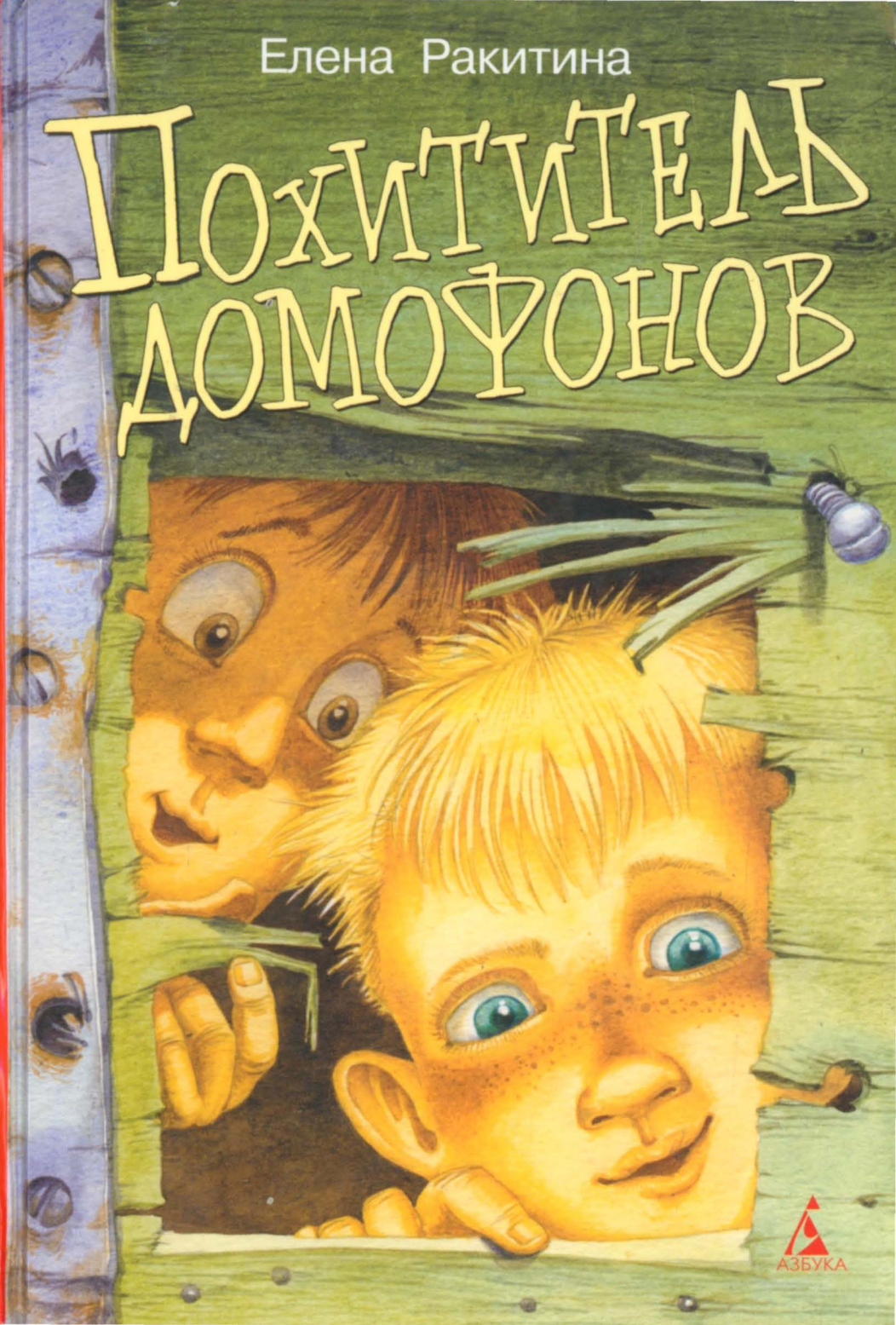
ЕЛЕНА
РАКИТИНА

Елена Ракитина

ПОХИТИТЕЛЬ ДОМОФОНОВ

ПОХИТИТЕЛЬ ДОМОФОНОВ

Елена Ракитина

ПОХИТИТЕЛЬ ДОМОФОНОВ

Елена Ракитина
пишет чрезвычайно
смешные рассказы!

Недаром ее называют
продолжательницей традиций известного
детского писателя Виктора Драгунского.

Ваши любимые дети ходят в начальную школу?
Или пока только играют в школу?
Открывайте скорее вместе с ними эту книгу, в ней
каждая страница как раз для таких
ребят!

Герои рассказов — неразлучные
друзья — спасают семейство черепах, клеят «папью-
машу», задерживают преступника прямо на колесе
обозрения и даже путешествуют, как завещал
из телевизора великий Миклухо-Маклай!

ЕЛЕНА
РАКИТИНА

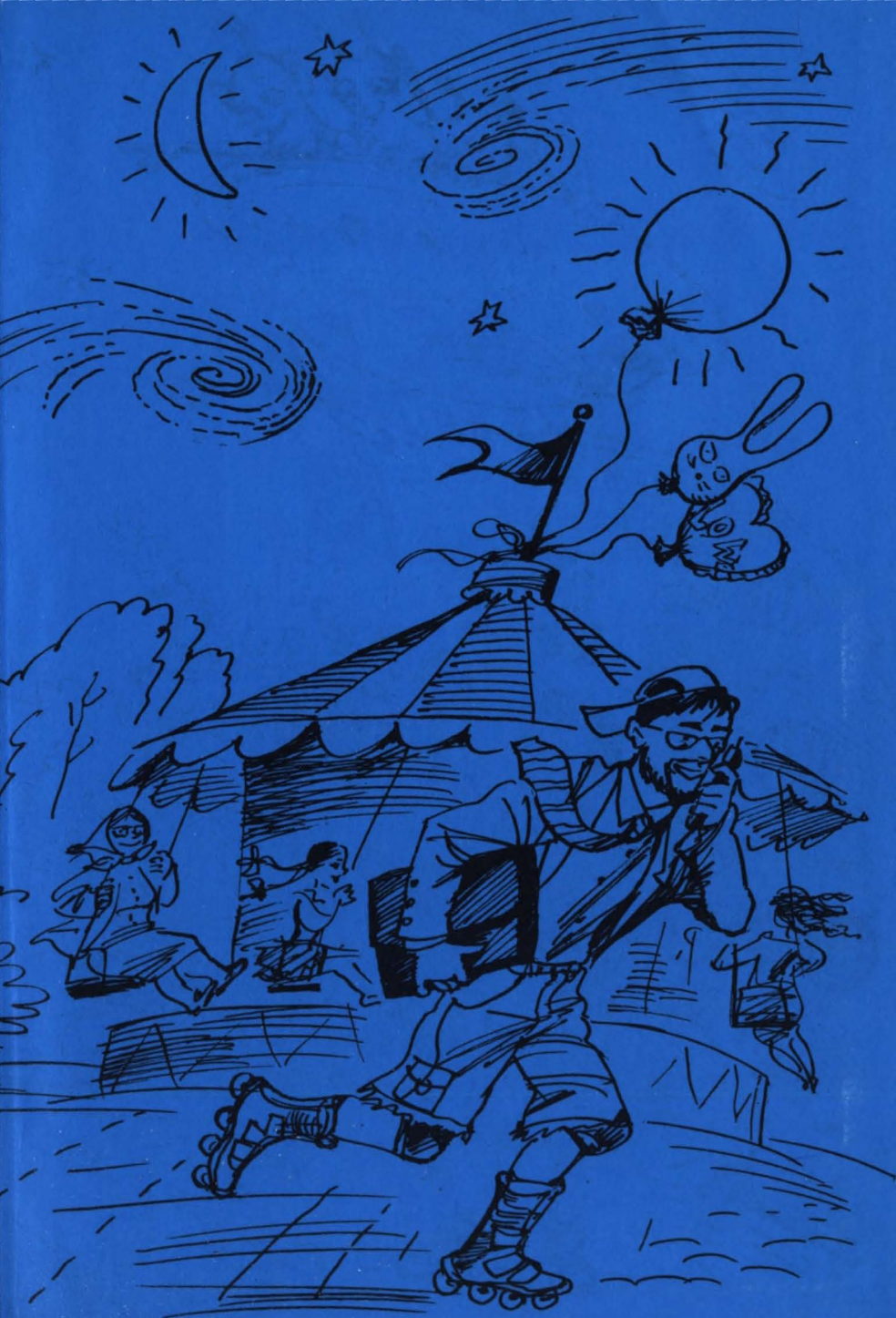
ПОХИТИТЕЛЬ ДОМОФОНОВ

АЗБУКА

**НОВАЯ
ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

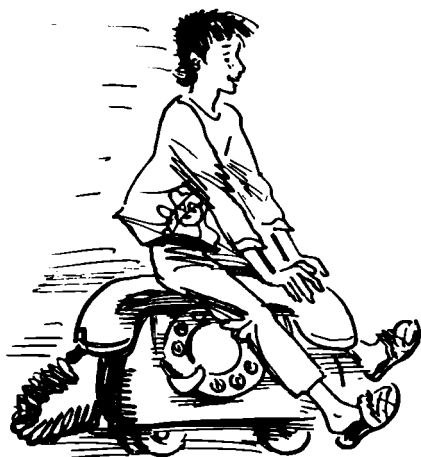

ЕЛЕНА РАКИТИНА

ПОХИТИТЕЛЬ ДОМОФОНОВ

Санкт-Петербург
Издательский Дом «Азбука-классика»
2009

УДК 82-93
ББК 84 (2Рос-Рус)6
Р19

Иллюстрации *Ольги Граблевской*

Иллюстрация на обложке
Дмитрия Непомнящего и Ольги Попугаевой

Ракитина Е.

Р19 Похититель домофонов : Повесть. — СПб. : Издательский Дом «Азбука-классика», 2009. — 272 с. : ил. — (Новая детская литература).

ISBN 978-5-395-00246-4

Елена Ракитина пишет трогательные, поучительные, а главное — чрезвычайно смешные рассказы! Недаром ее называют продолжательницей традиций известного детского писателя Виктора Драгунского.

Ваши любимые дети ходят в начальную школу? Или пока только играют в школу? Открывайте скорее вместе с ними эту книгу, в ней каждая страница как раз для таких ребят!

Герои рассказов — неразлучные друзья — спасают семейство черепах, клеят «папью-машу», задерживают преступника прямо на колесе обозрения и даже путешествуют, как завещал из телевизора великий Миклухо-Маклай!

УДК 82-93
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-395-00246-4

© Е. Ракитина, 2009
© Издательский Дом
«Азбука-классика», 2009

КАК Я УЧИЛСЯ РАЗГОВАРИВАТЬ ПО ТЕЛЕФОНУ

Я раньше внимания не обращал на то, как я по телефону разговариваю. Не задумывался, и все. До того самого момента не задумывался, пока Мария Степановна не сказала нам рисовать скворца. По природоведению, в тетради.

Сказала, что эти птицы скоро прилетят и мы должны знать, как они выглядят.

А Егорка, как услышал про этого скворца, совсем расстроился, потому что он рисует плохо. И стал меня уговаривать:

— Пошли ко мне природоведение делать, пошли ко мне природоведение делать... Поможешь хоть немножко.

Знаю я это «немножко»: от клюва до хвоста.

Только мне не жалко: Егор ведь не просто товарищ, как Леша Герасимов или Вова Петров. Егор — мой сосед по парте, сосед по дому и человек, с которым я дружу большую часть жизни, еще с детского сада.

Ну вот, пришли мы к нему, шапками немножко в прихожей покидались, и я к телефону побежал — маме звонить. Это чтобы она не волновалась, что я нормально добрался, никакие на меня машины не наехали и собаки не наскочили. Я каждый день маме звоню, а она на следующий опять волнуется. Даже не верится, что, когда я вырасту и у меня дети заведутся, я тоже таким буду.

Я позвал маму, «здрасьте» не забыл сказать и подумал тогда еще, какой я вежливый. А тетенька, что трубку взяла, ответила как обычно:

— Сейчас. Лена, твой ребенок звонит.

Егорка очень переживал: разрешит мне мама у него остаться или не разрешит, и тоже ухом к трубке прижимался. Не всем ухом, конечно, а только краешком, но слышал весь разговор хорошо. А жаль! Потому что, как только я трубку положил, он надо мной смеяться начал.

— Меня, — говорит, — давно уже по телефону ребенком не называют.

— А кем же? — спрашиваю. — Егором Дормидонтовичем, что ли?

Тут он самодовольно улыбнулся, зачем-то подмигнул сразу двумя глазами (одним не научился еще) и ответил загадочно:

— Сейчас услышишь!

Пока Егорка номер набирал и маму звал, я за табуреткой бегал: шапку с люстры доставать нужно было.

— Быстрее, — крикнул он. — Слушай!

Я подбежал, схватил трубку, а там говорят:

— Татьяна Алексеевна, вас к телефону!

Ну, Егорка маме сразу про безударные гласные рассказывать начал, потому что он за них в тот день пятерку получил. Потом

про то, что ел в столовой, потом про то, что дома есть будет. А я, стоя на табурете, пытался лыжной палкой шапку сбить. Как только Егор ее туда закинул?

— Ну и что? — говорю, когда он наконец «пока» сказал.

— А то! — важно отвечает Егорка. — У тебя голос писклявый, а у меня взрослый. Я и раньше слышал, только тебя расстраивать не хотел.

От моего удара люстра жалобно звякнула, и шапка наконец свалилась.

— Вот еще! — усомнился я и легонько стукнул Егорку палкой по голове. — Нормальный у меня голос...

А Егор увидел, что я сомневаюсь, и посоветовал:

— Ты по телефону в кружку говори — сразу ребенком обзывать перестанут.

Это когда мы были маленькие и играли в матросов на перевернутых стульях, то всегда дудели в кружки «Бу-бу-бу!», будто у нас, у каждого, настоящий пароходный гудок.

Потом я скворца рисовал и все думал: «Неужели в самом деле такие голоса разные?» И еще думал, что ведь действительно мы

с Егором уже не маленькие, через несколько месяцев, одиннадцать что ли, девять лет будет. А там и до юбилея недалеко. Сколько ж можно ребенком дразниться?

Конечно, как только я домой пришел, то даже раздеваться не стал — схватил кружку и бегом к телефону! Плотнo-плотнo ее к губам прижал и набрал мамин номер. Я говорил зычно, как медведь в зоопарке, но, когда маму звали, сказали: «Лен, твой ребенок балуется».

Я кружку убрал, заговорил обыкновенным голосом, но мама все равно обиделась и сказала, что ей за меня стыдно.

Когда на следующий день я пришел в школу, Егорка сразу спросил:

— Ну как? Помогла кружка?

— Нет, — вздохнул я, — еще от мамы попало.

А он говорит:

— Вот видишь, такой писклявый голос, что даже кружка не помогла!

Я тогда надулся и разговаривать с ним перестал, и в столовую один бегал, и в гардероб, и домой. Даже думал, что дружбе конец!

И все-таки мы помирились.

А проблема осталась — я часто о ней думал, можно сказать, каждый день, только с Егоркой больше не советовался.

Да и он заважничал.

Как-то повезло Илье Петухову — перестал он в школу ходить: в больницу лег.

Мария Степановна сказала:

— Это надолго. Как бы Илье от класса не отстать! Нужно каждый день по телефону диктовать его маме домашние задания. Дело ответственное. Кому же из вас его поручить?

Все закричали:

— Мне! Мне!

А я громче всех! И руку тянул, и подпрыгивал.

Мария Степановна выбрала меня. Ох, я и обрадовался! Только зря, потому что Егорка сказал тихонько:

— Я сам диктовать буду, у тебя голос детский. Подумают, что из детского сада.

Я насупился, а Егорка прошептал:

— Вот чудак-человек! Ну, детский голос — такой уж есть. Чего ж тут обижаться?

И от этих его слов мне еще обиднее стало. Но особенно я не спорил, не ломать же дружбу из-за пустяков!

Две недели я садился рядом с Егоркой и слушал, как он мое поручение выполняет. Сверял по дневнику, что он говорит, потому что я ответственный и поручение мое. И каждый день, когда Егорка диктовал домашнее задание, я вслушивался и вслушивался в его голос, вслушивался и вслушивался — и никак не мог понять, почему же он взрослый.

Я и Егорке об этом сказал, а он ответил:
— Не обижайся, Мишка, но ты, видать, от зависти разницы не замечаешь.

Во как!

Мама как-то спросила меня, почему я сам не звоню Петуховым, а перепоручил Егору. Я вздохнул и рассказал про его особенный голос.

— Вот глупости! — улыбнулась мама. — У вас с ним обычные детские голоса. Даже похожие! Когда ты у него в гостях, а я звоню, то часто вас путаю. Егор трубку возьмет, а мне кажется, что ты.

— Правда?! — обрадовался я.

— Правда, — засмеялась мама.

Когда моя мама смеется, она становится похожей на белочку из мультфильма. И за это я ее еще больше люблю.

— А почему же тогда на маминой работе его ребенком не называют, а меня называют?

— Наверное, потому, что он по телефону разговаривает как взрослый, — сказала мама и улыбнулась.

— Это как же, как взрослый, если у нас голоса одинаковые?

— Как взрослый, это значит, что он умеет правильно, по-взрослому говорить по телефону.

Я ничего не понял и переспросил маму еще раз:

— Ну, как это, как?

— По-взрослому... — загадочно протянула мама. — Не хочешь, чтобы с тобой говорили как с маленьким, узнай все сам. Как взрослый.

— Ну и узнаю, подумаешь! — сказал я.

Это я специально сделал вид, что это для меня пустяки, чтобы мама не сомневалась, что я уже действительно вырос и любая задача мне по плечу.

И когда я лег спать, то стал думать (до этого времени не было), у кого можно спросить, как правильно говорить по телефону?

У учительницы? Можно, конечно. Но ведь никто из ребят не спрашивает об этом. Может, нам Мария Степановна когда-то на уроке рассказывала, все запомнили, а я прослушал? Она и так часто повторяет: «Миша! Будь внимательнее!», а когда я снова не слышу: «Я тебе, тебе говорю, Черкашин!»

А ведь я в классе единственный Миша! Все всё слышат, а я почему-то не всегда и не всё...

Может быть, у тети Оли узнать, маминой подруги? Но она обязательно маме скажет, и получится, что я сам не смог разобраться. Папа уехал, но он бы тоже маме сказал. Интересно, почему все взрослые так любят обсуждать детей? Наверное, когда они о детях говорят, то себя еще взрослее чувствуют, и им это приятно.

И тут меня осенило! Чего голову ломать? Пойду завтра к Егору послушаю, что он по телефону маме говорит, и все выясню.

Обрадовался, что догадался, и заснул. И мне приснился сон, будто я совсем-совсем взрослый, выше папы. Но одет почему-то как сейчас, в пижаму с Винни-Пухом. И еще приснилось, что вместо машины

у меня большущий телефон на колесах. И я на нем езжу. Сверху.

На следующий день после школы я сказал Егорке:

— Завтра рисование. Айда к тебе, помогу?

Он обрадовался, и мы пошли, очень довольные друг другом. Дорогой я все думал, что надо бы хорошо запомнить, слово в слово, что именно Егор говорит по телефону, потому что переспрашивать неудобно. Пришли — а у него мама дома! В отпуск ушла! Только это так говорится, что «ушла», а на самом деле на кухне и никуда не уходит.

И понял я, что у Егорки мне не узнать, как правильно по телефону разговаривать. А Петухову звонить уже не нужно было, он выздоровел и на всех переменах больницы хвастался.

Так мне стало тогда грустно, хоть плачь!

— Чего там рисовать задали? — уныло спросил я Егорку.

— «Мой любимый зверек»! — радостно сообщил он и протянул альбом.

Я быстро нарисовал жирафа, потому что он у нас любимый зверек на двоих, и почему-то он тоже получился грустный.

— Какой-то несчастный... — протянул Егорка, — больной, что ли?

— Жизнь такая, — буркнул я и пошел домой звонить маме.

А тетя с маминой работы опять сказала: «Лена, это твой ребенок». И я еще больше загрустил. За уроки сел — читаю учебник и не понимаю ни-че-го! Потому что про этот телефон все время думаю! Просто наказание какое-то. И зачем, думаю, его вообще изобрели? Только нервы людям вроде меня портить!

И тут я вспомнил про телефоны мобильные! Вот как я все узнаю! Выйду гулять —

за полчаса разберусь, что к чему. И так мне весело стало! Если б умел на руках ходить — пробежался бы!

Кое-как уроки доделал и выскочил на улицу. Иду, камушки ногой подбрасываю и смотрю, не разговаривает ли кто-нибудь по телефону. Только на нашей улице прохожих было мало. Я сбегал к троллейбусной остановке, потом к аптеке. Но и там людей было немного, и все как на подбор молчаливые. Тогда я помчался к большому магазину, расцвеченному веселыми огоньками.

Там я много чужих разговоров услышал. Но все они были короткими. Например: «Ты где?» — и все. Или «Я скоро буду». Никто даже «здрасьте» не говорил. Только один дяденька в шапке с помпоном сказал: «Привет!» А потом долго спрашивал по телефону: покупать сметану или нет, а яйца, а вермишель, а кефир с хлебом? Ну что это за разговор?

На следующий день, собравшись с духом, я пошел в библиотеку. Библиотекарем у нас работает очень строгая тетенька, почти бабушка, в больших очках с толстыми стеклами. И что хуже всего, я не помнил, как ее

зовут, хотя нам это много-много раз говорили. Ладно, думаю, может, там ребят много будет — у кого-нибудь спрошу тихонько. Прихожу, а там только две старшеклассницы, большие, как моя мама, и худенький мальчик в круглых очках.

Я тогда громко сказал: «Здравствуйте!», потому что вежливых людей все любят.

Старшеклассницы почему-то рассмеялись, а библиотекарь спросила строго:

— Ты из какого класса, мальчик?

А голос у нее громкий, как у генерала, никакой кружки не надо.

Я сказал:

— Из Марии Степаньевного. Михаил Черкашин.

Пусть видят, что я человек взрослый. И добавил:

— Мне очень книга нужна. Просто срочно!

— Как называется, кто автор? — спросила библиотекарь и деловито поправила очки.

— Автора не знаю, как называется — тоже... — растерялся я. — Мне нужно про как разговаривать...

Только я не успел сказать, что — по телефону, потому что старшеклассницы опять

захихикали. Они на меня во все глаза смотрели, как на мартышку какую-нибудь из цирка.

Мне стало неловко, я криво улыбнулся и вздохнул.

Библиотекарь погрозила старшеклассникам пальцем, как маленьким, а меня спросила участливо:

— Тебе нужна книга по логопедии?

А я такого слова никогда не слышал даже. Ладно, думаю, пусть будет по логопедии. Лишь бы уйти отсюда поскорее. И кивнул.

А библиотекарь опять спрашивает:

— Миша, ты говоришь с дефектами?

А я и такого слова не слышал! Но молчать неудобно, потому что все с меня глаз не сводят, и я ответил:

— Конечно!

А потом подумал, вдруг это не очень хорошо, и прибавил:

— Только по четвергам с дефектами, а в остальные дни — без.

Тут все как засмеются! Даже библиотекарь!

А я стою красный, словно рак, и не знаю, как улизнуть.

Тогда библиотекарь попросила:

— Ну-ка, скажи «Кукушка кукушонку купила капюшон, как в капюшоне он смешон».

Старшеклассницы прыснули со смеху. И мальчик тоже. А у меня слезы на глазах выступили от смущения и обиды.

Я повторил, но как-то неудачно:

— Кукушка капюшону купила кукушо-на... — и замолчал.

А мальчик в очках уже стал икать от смеха.

— И «К» и «Ш» ты говоришь хорошо, — сказала библиотекарь, — а теперь «У Сени и Сани в сетях сом с усами».

Я опять повторил неправильно. То ли от волнения, то ли от невнимательности у меня почему-то получилось:

— Сеня и Саня в сетях с усами.

Старшеклассницы и мальчик в очках уже на меня не смотрели, а только похрюкивали, прижав ладони ко рту. Книги выбирать они давно перестали.

Неизвестно, сколько бы я еще скороговорок перепутал, но тут зашла Мария Степановна.

— Рада тебя здесь видеть, Миша! — улыбнулась она. — Какую выбрал книгу?

А я молчу — боюсь, вдруг опять смеяться начнут.

Библиотекарь сказала:

— Он пришел за книгой по логопедии.

— Что вы, Евдокия Сергеевна! — возразила наша учительница. — Этот мальчик все звуки произносит чисто и правильно!

Тут зазвенел звонок (никогда еще я ему так не радовался!), и мы с Марией Степановной пошли в класс. Она спросила, зачем мне нужна эта книга. А я сказал, что «для расширения кругозора». Я эту фразу по телевизору слышал, думал, Марии Степановне понравится! Но она удивилась и только потому перестала расспрашивать, что мы в кабинет зашли.

— Где ты был? — прошептал Егор, когда я сел рядом.

Я смутился и говорю:

— Секрет.

Тогда он обиделся и на всех переменках с Вовой Петровым бегал.

А я чувствовал себя виноватым, потому что мы еще в детском саду решили, что у нас никаких секретов друг от друга не будет. Я все думал об этом и злился, что мы по-

ссорились из-за телефона. И решил, что после уроков снова в библиотеку пойду. Пусть хоть двадцать скороговорок говорить заставят, хоть сто — не сдамся, получу книгу.

Только Егорка к концу дня, наверное, по мне соскучился. И когда мы портфели собирали, сказал:

— Зайдем в «Детский мир», туда новые игрушки завезли. Посмотрим?

А я сказал:

— Не могу. Я сейчас не домой иду, а в библиотеку.

— Зачем? — удивился Егорка.

Я опустил глаза:

— Важное дело, понимаешь?

Егорка посмотрел на меня с презрением, будто я враг какой-то, и ушел. И все из-за телефона этого!

Прибежал я в библиотеку и говорю:

— Евдокия Сергеевна!!! Мне нужна книга о том, как разговаривать по телефону. Очень-очень сильно!

— По телефону? — переспросила Евдокия Сергеевна. — Это хорошо.

И она принесла большую красивую книгу, на обложке которой крупными буквами

было написано «Энциклопедия этикета». «Какого такого этикета? — подумал я. — Может, это про человека, который этикетки собирает?»

Хотел спросить, но постеснялся, уж больно много ребят в библиотеке было. Подумал: «Ну их, опять хрюкать будут».

Положил книжку в портфель и домой рванул, только всю дорогу волновался: вдруг она все-таки про этикетки?

Дома только шапку снял, сел в прихожей и начал эту книжку читать.

О чем только не рассказывалось в ней! И как в автобусе себя вести, и как в гостях, как в театре, как в магазине и даже как за столом. А «этикет», оказывается, это не лекционер этикеток, а французское слово, которое означает правила поведения.

Очень мне книга понравилась — я бы все подряд читал, но нужно было звонить маме.

Тогда я отыскал главу «Телефонный разговор». «Еще до того как вы снимете телефонную трубку, подумайте: действительно ли этот звонок необходим», — прочел я. Здесь сомнений не было, звонок был необходим, мама его ждала.

«Точно ли вы выбрали время для него?» Да, решил я, очень точно, я ведь всегда в это время звоню.

Потом я прочитал, что, позвонив, надо представиться. Узнал, что надо поинтересоваться, не отвлекаю ли я своим звонком собеседника, удобно ли ему говорить, то есть один ли он в комнате. Что нельзя говорить «Привет» и «Здрасьте», а только «Здравствуйте».

Много-много чего я узнал и сразу себя другим человеком почувствовал. Уже совсем было собрался маме звонить, три раза все как надо вслух повторил, но тут мама позвонила сама.

Оказывается, она волновалась, куда я подевался... А я промолчал про библиотеку, пусть, думаю, завтра сюрприз будет.

И представил, какое хорошее будет завтра. С Егоркой обязательно помирюсь, потому что завтра рисование, а я всегда потихоньку от Марии Степановны Егорке помогаю. И маме позвоню по-взрослому!

Вечер тянулся долго-долго. Мама взяла работу на дом и что-то писала, папа опять был в командировке.

Я долго читал про этикет, тренировался шепотом, что буду говорить по телефону, а потом положил книжку под подушку, чтобы лучше запомнилось.

На следующий день рисование было первым уроком. «Мир?» — спросил я Егорку, но он отвернулся и карандаши к себе поближе придвинул. Не нужна мне, мол, твоя помощь.

Мария Степановна сказала:

— Тема сегодняшнего урока «Кем я хочу быть?». Правда, интересно?

Все ребята загалдели, что интересно, и стали выкрикивать каждый свое: «Я — дрессировщиком!», «Я — продавцом!», а Егор насутился.

Я хотел быть шофером-дальнобойщиком, как папа, и стал рисовать большую машину, дорогу, а вокруг нее лес. Даже зайца в кустах нарисовал, даже инспектора ГАИ. Рисовал и искоса поглядывал, что у Егорки выходит. Я точно знал, что он хочет быть аквалангистом, но на рисунке было что-то совершенно непонятное: одну половину листа Егорка закрасил синим карандашом, а другую оставил чистой. И все. Я еще рисовал, а Егор уже

свой альбом отложил и чинил карандаши большой точилкой, смешной такой, в виде бегемотика.

— Что, Синицын, уже закончил? — спросила Мария Степановна.

Егорка ответил, что уже.

Мария Степановна подошла и взяла его альбом.

— Что же это такое, Егор? — удивилась она. — Половина листа белая, половина синяя. Кем же ты хочешь быть?

— Аквалангистом, — ответил Егор, — то, что синее, — это море.

— А ты где?! — еще больше удивилась Мария Степановна.

— Я в глубине. Меня не видно, — сказал Егорка, и все засмеялись. А Вова Петров громче всех, даже со стула упал.

Только я не смеялся, потому что Егорка — мой друг, несмотря ни на какие телефоны. Он тогда на меня посмотрел благодарно и под партой руку пожал.

Домой мы возвращались вместе. Хороший был день. И Мария Степановна Егору ничего не поставила — просто сказала перерисовать.

— Пошли ко мне? Уроков на завтра не задали, — предложил Егорка.

Я немножко стеснялся звонить при нем, вдруг опять смеяться начнет, но согласился.

— А у нас телефон новый. С громкой связью! — сказал Егор, когда мы пришли.

— Это как? — удивился я.

— Можешь без трубки говорить, а будет все слышно. Вот, звони маме.

И Егорка нажал на какую-то кнопку.

Я набрал номер и, когда мне сказали «Алло», без запинки протараторил:

«Здравствуйте! Вас беспокоит Михаил Черкашин! Если вас не затруднит, пригласите, пожалуйста, к телефону Елену Владимировну!» И тетенька почему-то испуганно пробормотала: «Елена Владимировна, вас к телефону».

Я посмотрел на Егора, а он заявил:

— О, у тебя тоже голос взрослый стал! Я давно заметил, еще в позапрошлую среду!

А потом мы играли в шашки и собирали из конструктора гоночную машину, а потом я рисовал в Егоркином альбоме аквангиста, медуз и рыбок. А Егорка поочередно подмигивал то правым, то левым гла-

зом. Он наконец выучился и теперь тренировался, чтоб не забыть.

Хороший был день, как я и думал.

СОКРОВИЩА МОЕЙ БАБУШКИ

В это воскресенье мы ходили в гости к бабушке Наде, папиной маме. Это только так говорится «ходили» — три остановки трамваем, пять на метро.

И трамвай, и метро пахли бабушкой, потому что я о ней думал. То есть не бабушкой, а пирожками. Что, в общем-то, одно и то же. Когда я думаю о бабушке, то сразу вспоминаю пирожки. Она их много печет, когда мы приезжаем, и еще с собой полный кулек дает. Какая-то «Красная Шапочка наоборот» получается.

Дома у бабушки все стены завешаны картинками, фотографиями в рамочках и без рамочек, моими аппликациями и рисунками, какими-то салфетками с вышитыми медведями и цветочками, грамотами, календарями и открытками. Просто как в музее! Комнат у бабушки две, стен, значит, восемь! А еще коридор и кухня. И нигде, как говорит моя

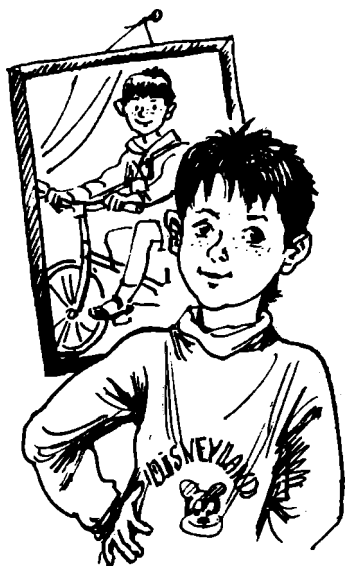
мама, нет живого места. А еще мама говорит, что от такой пестроты нигде отдохнуть глазу. Но почему-то она всегда только про один глаз говорит, второй, значит, у нее отдыхать не хочет, а любит на все вокруг, как и я.

Мне даже кажется, стены — живые, потому что они не просто стены, как у нас дома, в голубую полосочку, а рассказчики! Я, когда прихожу к бабушке, всегда хожу вдоль стен, люблю, рассматриваю и прислушиваюсь, о чем они говорят. Вот, например, выпел со значками висит — их еще папа с дедушкой собирали. Чего там только нет: и значки с гербами городов, и значки с портретами героев войны, и значки с автомобилями, и даже значок донора — маленькая блестящая красная капелька! Это моей бабушке значок вручили, потому что она почетный донор. Ну как бы я об этом узнал? Бабушка не говорила из скромности, а стена запросто взяла и рассказала!

А еще на стенах висит много дедушкиных фотографий, они все черно-белые, а некоторые даже рыжие, потому что выгорели на солнце.

Дедушку я никогда не видел. Он умер, когда я еще не родился. Но я его очень люблю и всегда с ним здороваюсь, когда прихожу. Не вслух, а так, про себя. Потому что это мой с ним секрет.

Больше всего мне нравится та фотография дедушки, где ему восемь лет. Там он очень на меня похож. Или я на него? Такой же красивый курносый нос и уши оттопыренные. Он сидит на велосипеде и смеется. Мне сто раз рассказывали, что велосипед не дедушкин, что ему разрешили только на нем сфотографироваться, а прокатиться не дали.

И потом, когда не дали прокатиться, дедушка плакал.

В дедушкином детстве редко у кого были велосипеды.

А еще я люблю рассматривать разные грамоты и дипломы. Дедушкины — за какие-то «рационализаторские предложения», бабушкины — за успехи в труде, а папины — за активное участие в жизни пионерского лагеря.

И папины рисунки люблю рассматривать, и папины выжигания на дощечках. Только они высоко висят, под самым потолком. Их очень плохо видно.

Иногда папа меня сажает на шею, чтобы я все-все рассмотрел. Но я хочу смотреть долго, а папе скучно. И к тому же я тяжелый, и у него от меня шея болит.

— Бабушка! Тебя тоже папа на шею сажал, чтобы ты все так высоко развесила? — спросил я в это воскресенье.

А она сказала:

— Вот еще! Дождешься твоего папу! У меня есть стремянка.

Стремянка — это, оказывается, такая специальная домашняя лесенка. Она за дверью

стояла, сама железная, а ступеньки красные.

Я по ней сразу под самый потолок вскарабкался, чтобы получше папины выжигания рассмотреть.

Они были очень пыльные, я попросил у бабушки тряпку и все их протер.

Мама сказала:

— Молодец!

А бабушка рукой махнула:

— Через неделю такие же будут.

Вот за что я люблю мою бабушку, так это за то, что она никогда не унывает! Как это правильно и хорошо! Ведь пыль и грязь на самом деле — пустяки. Надо бы нам с ней и маму в этом убедить! А то убираем каждую субботу — время тратим.

Дощечки были темно-желтые, а рисунки на них коричневые. Их много-много висело, штук двадцать. Но мне больше всего понравилась Золушка. Она была такая маленькая, такая грустная и босиком. Платьице рваное, в больших заплатках. А в руках — красивая хрустальная туфелька с большущим каблучком. С таким большущим, что если бы она такие туфельки надела, то до потолка без

всякой стремянки достала бы! Я спросил папу, сколько ему было лет, когда он выжигал эту Золушку. Папа сказал:

— Не помню.

А бабушка улыбнулась:

— Вот именно! Если бы не я, никогда бы вам ничего не узнать! Ну-ка, посмотри сзади.

Тогда я снял дощечку и перевернул ее. И там было написано ручкой «Маме на день рождения», а потом карандашом «9 лет». И я чуть со стремянки не свалился, когда это увидел! Надо же, 9 лет, прямо как мне! Я стал переворачивать другие картинки, и везде на них было написано «9 лет», только на одной «10». Видно, к тому времени папе надоело заниматься выжиганием.

— Папа, — закричал я, — почему ты меня не научил выжигать?! Это как выжигают, спичками?

— Специальным прибором, — сказал папа и снял меня со стремянки, — вот сейчас мы его найдем, принесем домой, и я тебя научу.

И спросил бабушку:

— Мама, ты не выбросила мой прибор для выжигания?

— Что ты! — обрадовалась бабушка. — Берегла для внуков! Посмотри в чемодане под кроватью.

Мы с папой стали на четвереньки и полезли под кровать, а там этих чемоданов — склад! И я спросил папу:

— Что, наша бабушка на чемоданной фабрике работала?

А папа сказал:

— Да нет. Просто за всю жизнь накопилось.

Мы тогда спросили у бабушки, в каком именно чемодане нужно искать. А бабушка сказала, что не помнит. И мы стали открывать их все подряд. И на помощь маму позвали, потому что чемоданы оказались ужасно пыльными, гораздо более пыльными, чем картинки под потолком. И мы все вместе искали папин прибор для выжигания: папа вытаскивал тяжелые чемоданы, мама вытирала их тряпочкой, я открывал замки, а бабушка сидела на диване и удивлялась, сколько полезных вещей мы находим.

Чего только не было в этих чемоданах: платья, в которых бабушка в молодости ходила на танцы, папины ползунки и мягкие

тапочки, которые называются «пинетки», дождевики, блокноты, старые прописи и солдатики, даже дуршлаг без ручки.

Папа ужасно дуршлагоу обрадовался, еще больше, чем солдатам.

— Это же мое забрало! — говорит. — Я во дворе с ним в рыцарей играл. Бери, Мишка! Дарю!

И я взял.

А мама почему-то нахмурилась.

В другом чемодане лежали паяльник, сиденье от велосипеда, клубки шерсти, перчатки и папины резиновые игрушки. А еще коньки, какие-то капюшоны, две колоды

карт, шашки и ручка от мясорубки. А еще красивая шляпа с пером. Правда, она была немного помята, но, если как-нибудь разгладить, вполне можно играть в мушкетеров.

А потом мы нашли коробки с фотографиями и целый час рассматривали снимки. Там было много чужих тетенок и дяденек, но я бабушку и дедушку везде узнавал. Потому что у дедушки уши оттопыренные, а бабушка смотрит все время куда-то то вправо, то влево, то вниз, то вверх, но почему-то всегда мимо фотографа.

Я не успел спросить, почему она туда смотрит, потому что тут мы нашли чудесные ракушки, на которых было написано «Привет из Крыма!», рыжие фотопленки, папин гербарий, калоши, насос для велосипеда, старые пластинки и красивые коробочки с пустыми бутылочками из-под духов.

Я спросил:

— Почему ты их не выбросила, бабушка, они же пустые?

А бабушка сказала, что эти духи ей дарили на работе на 8 Марта, и когда она эти

коробочки видит, то всегда вспоминает, какой хороший у них был коллектив.

— И к тому же, — говорит, — они еще пахнут, понюхай.

И я стал открывать эти бутылочки и нюхать. Они пахли конфетами, и ландышами, и чем-то радостным и душисто-праздничным. Я попросил бабушку подарить мне одну бутылочку. А бабушка сказала решительно:

— Забирай все!

Вот как она меня любит!

Но мне было жалко тащить себе все, потому что как же память о коллективе? И я бабушке одну оставил, самую большую и красивую.

А мама вздохнула, когда я эти коробочки отложил. И я подумал, что нам с папой обязательно нужно ей духи купить. А потом подумал, что, может, если в эти бутылочки воду налить, она тоже пахнуть будет? И я тогда их маме подарю. Хоть завтра. И никакого 8 марта ждать не надо.

Удивительно, но пока мы искали прибор для выжигания, на полу три кучки вещей образовалось. Это папа, мама и я отклады-

вали нужные нам вещи. В моей кучке были солдатики, дуршлаг, три пистолета с пистонами, деревянный меч, шайба, коробочки от духов и детские журналы «Мурзилка». В папиной — барометр, гантели, подтяжки и взрослые журналы «Наука и жизнь». А в маминой — только какой-то кусок полосатой ткани, который бабушка сама же маме и подарила.

— Очень хорошая ткань, сошьешь что-нибудь, — сказала она.

Я спросил:

— А можно матрасик для Тишки?

Но бабушка почему-то сказала, что это маме на платье.

Я удивился, но не стал очень над этим задумываться, потому что интересные вещи все сыпались и сыпались, и каждый бабушкин чемодан казался мне сундуком с сокровищами!

Мы нашли подстаканники, старые шторы, красивые елочные игрушки, наборы открыток «Сочи» и «Трускавец», домино, где не хватало двух плашек, спицы, морскую звезду и старинный телефон без трубки.

Я спросил:

— Бабушка, зачем тебе этот телефон? Он же поломанный!

А она ответила:

— По этому телефону твой дедушка звонил и приглашал меня на каток. Еще когда мы учились в школе. А потом по этому телефону он признавался мне в любви.

И я спросил:

— А если бы не этот телефон, то вы бы не поженились, и папа не родился, и меня бы не было?

И бабушка подтвердила:

— Вот именно!

И я тогда взял этот телефон на колени и погладил его ладошкой. Он был весь в трещинках и немножко в краске, а на диске, кроме цифр, были нарисованы еще и буквы.

— А буквы зачем? — удивился я.

— Затем, что раньше номера были с буквами. Вот у дедушки твоего был номер Е-394-24! — почему-то с гордостью ответила бабушка.

Я посмотрел на телефон и подумал, как он, наверное, рад, что его снова взяли человеческие руки! И как ему хочется зазвонить! И снова слушать разговоры людей! И снова

гудеть длинными гудками, а иногда и короткими, когда занято...

И я сказал тогда:

— Бабушка! Я тебе все оставляю: и солдатиков, и пистолеты с забралом, и «Мурзилку». Только этот телефон отдай мне, пожалуйста!

— Вот еще! — строго посмотрела на меня бабушка. — Ты его разобьешь! Или разберешь на запчасти!

— Нет, — покачал я головой, — мы с папой к нему трубку приделаем и разговаривать будем.

Папа обрадовался, а мама не очень, она поморщилась и спросила:

— Ну, какую же вы трубку приделаете?

— От нашего поломанного зеленого телефона, — сказал я, — правда, папа?

И папа ответил как бабушка:

— Вот именно!

Мама только руками всплеснула:

— Ну что же это за телефон будет: сам черный, а трубка зеленая?

— Ее можно покрасить черной краской, — успокоил я маму.

И она снова почему-то вздохнула!

А бабушка сказала, что она нам целую банку такой краски подарит, если найдет, конечно.

Этот телефон лежал в последнем бабушкином чемодане. Остальные мы уже посмотрели.

— Где же прибор для выжигания? — удивился я.

— Наверное, в кладовке, — предположила бабушка, — или на антресолях!

Но мама заторопилась домой, сказала, что уже поздно. И что прибор этот мы потом поищем, в следующий раз.

Мы сложили чемоданы снова под кровать, а все, что себе нашли, — в сумки. И очень довольные пошли домой.

— Папа, а ты маме по какому телефону в любви признавался? — спросил я, когда мы вышли на улицу.

— Я без телефона, вживую.

— Жалко, что не по телефону-автомату, — сказала мама, — он бы у нас замечательно в прихожей смотрелся.

И я подумал, как хорошо, когда мама все понимает! Просто здорово! А папа сказал ей:

— Вот ты иронизируешь, а старые вещи — это, между прочим, память. А ты, заметь, без конца все выбрасываешь!

А мама обиделась и говорит:

— Зато у нас в доме порядок! И мы знаем, где у нас что лежит!

Тогда папа тоже обиделся:

— Что же, у моей мамы беспорядок?

А я сказал:

— Как ты не понимаешь, папа! У нас же нет столько чемоданов! И кроватей нет, только диваны, а под них ничего не засунешь! И кладовок нет, и антресолей! А если мы не захотим что-то выбрасывать, мы бабушке отнесем, у нее места много.

И папа со мной согласился.

А потом мы пришли домой. Я поставил бабушкин телефон на стол, рядом с учебниками. Когда мы с папой его починим, я оставляю его в своей комнате. И буду по нему звонить Егорке и бабушке каждый день. Как хорошо, что она все для меня сохранила: и «Мурзилку», и солдатиков, и этот телефон.

А прибор для выжигания мы в следующий раз найдем! И я что-нибудь им выжгу:

может быть, папин портрет с дуршлагом на голове, который так похож на рыцарское забрало.

ВЕСЕННИЕ ПРИЗНАКИ

Я раньше не задумывался о признаках. А они везде. Только не все их замечают.

Сегодня первым уроком было природоведение. Мария Степановна развесила какие-то плакаты с Солнцем, Землей, веселыми стрелочками и спросила:

— По каким признакам можно понять, что пришла весна?

Егорка сказал, что по календарю. Даша Котикова отметила, что по яркому солнцу. Леша Герасимов добавил, что прилетают птицы и тает снег.

А я руку держал и боялся, вдруг кто-нибудь сейчас вспомнит то, что хочу сказать я. Зря переживал — никто не вспомнил! И Мария Степановна наконец одобрительно кивнула:

— Ну, Миша, теперь ты. Самый главный признак весны — это...

И я выпалил:

— Самый главный признак весны — это мотоциклы.

Все засмеялись, а Лешка даже пальцем у виска покрутил. И у Марии Степановны стало такое лицо, будто она видит меня впервые.

— Почему? — озадаченно спросила она.

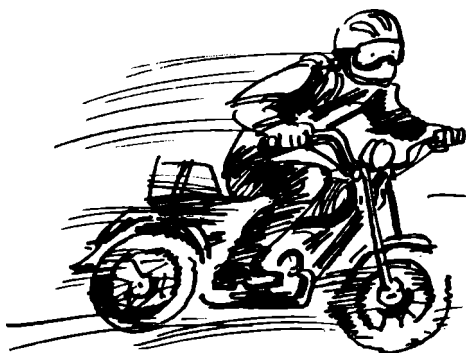
Я объяснил:

— Когда солнце яркое — это еще не признак. Потому что оно не для всех яркое. Можно и не заметить. Если пятерку получишь, самый хмурый день будет солнечным, а если двойку, то наоборот: сам идешь, как туча, и все вокруг серое. А что птицы прилетают, так они, может, в лес прилетают. А в нашем дворе главные птицы — воробьи, вороны и голуби. И они круглый год есть. Другие, может, прилетают, но редко, их и не видно.

А что на календаре весна, так разве она настоящая?! Снег еще может долго, до конца марта лежать.

И я остановился, чтобы воздуху набрать побольше. И посмотрел на ребят. Все слушали меня с интересом. Еще бы, не знают главного признака, а смеются!

— А самый главный признак весны — это мотоциклы! Зимой они стоят в гаражах, а чуть только станет асфальт сухим, сразу затарахтят по дорогам. И если я слышу, что мчится мотоцикл, — в окно смотреть не надо! Сразу понятно — весна!

— Но все-таки, Миша, ты заметил, что дни становятся длиннее? Ведь этот признак важнее мотоциклов? — спросила Мария Степановна.

Я задумался. Конечно, зимой в шесть часов, когда уроки сделаешь, — уже темно. А весной в шесть часов светло и весело, можно идти гулять.... Но я не хотел уступать.

— Если сидеть с закрытыми глазами, Мария Степановна, то совсем и не видно, что день стал длиннее. А мотоцикл как пое-е-дет,

как заревет!!! Его и с закрытыми глазами услышишь. Значит, они нам про весну говорят больше!

— Надо же! — удивилась Мария Степановна. — Никогда не замечала!

Но все-таки учительница меня похвалила и сказала, что это интересное наблюдение. Я с гордостью посмотрел вокруг. Сначала думать надо, а потом смеяться.

Признаки, они такие. Не сразу поймешь, что к чему.

Зачем вот мы про весну учим, когда с ней и так все ясно? Это неинтересно. Мне бы хотелось узнать признаки Миш. Чтобы я мог отличать людей по имени Миша из всех идущих мне навстречу. И чтобы они меня отличали.

Мы бы говорили друг другу:

— Привет! Как она, Мишкина жизнь?

И улыбались.

Потому что улыбка — признак радости. Еще признак радости — с гиканьем носиться по коридору, а если по улице, то кричать что есть мочи. Но это не у всех. У мамы признак радости мурлыкать песенки. Но это тоже не у всех. Папа, например, мурлычет,

когда сердится. И если мой папа начинает петь, я иду мыться в ванную, пока он не успокоится.

Так что, когда я иду купаться, это еще не признак того, что я грязный.

И еще не признак того, что я буду купаться! Я могу просто в ванне лежать, а мочалку даже не намывать. Но чтобы сухая мочалка не была признаком того, что я не купался, я ее опускаю в воду. Она выпускает пузырьки, малюсенькие-премалюсенькие, видимо-невидимо! Это признак того, что там был воздух. Воздух вообще везде. И во мне, и в папе с мамой, и в Егорке, и даже в Марии Степановне! Это признак того, что мы живем на планете Земля.

А у планеты нашей признаков — ого-го!!! На ней воды много, разные там ручейки, моря, океаны. И из космоса она совсем как голубика. Я такую фотографию в энциклопедии нашел. Цвет — это важный признак, потому что его сразу видно. И космонавтам, и инопланетянам заезжим. А еще у Земли признак атмосфера, потому-то люди на ней и живут. Если бы не было атмо-

сферы, то нас бы как признака тоже бы не было.

А если бы нас не было, то что бы было? И что у этого оставшегося было бы признаком? То же, что сейчас, или что-то другое?

— Черкашин!

Это признак того, что меня зовут. И еще признак, что мои папа с мамой — Черкашины. И что вообще все родственники у меня Черкашины. Вот как!

Мария Степановна подошла ко мне вплотную и попросила встать.

Я поднялся и растерянно на нее посмотрел. Глаза у Марии Степановны были строгие и чужие.

— О чем я сейчас говорила? — нахмурилась она и поправила очки. — Повтори хотя бы последнее предложение.

Это был признак того, что учительница недовольна. Я посмотрел на Марию Степановну повнимательнее и увидел брошку, такой серебристый букетик с крохотными блестящими камушками. Это был признак того, что наступил какой-то праздник. Только не Новый год, потому что он во второй четверти кончился.

— Какой сейчас урок, Миша? — со вздохом спросила Мария Степановна.

Я посмотрел на свою парту, а потом на соседние. Они были без признаков. Вообще! Главный признак парты — это учебник, а они почему-то отсутствовали.

Я посмотрел на Егорку. Он сделал круглые глаза и начал хватать ртом воздух как рыба. Как будто пел. Признак того, что подсказывать он не умеет.

Я глянул на доску. Она была чистой. Ну хоть бы какая-то таблица висела, что ли?!

— Давай дневник! — грустно сказала Мария Степановна.

Я протянул. Учительница вернулась к своему столу и что-то записала. Наверное, про плохое поведение. Это был признак того, что новые ролики мне не купят и даже новых колес я не дождусь. Значит, буду грохотать старыми, как мотоцикл.

Еще это был признак того, что мама пощиплет губы и никаких мурлыканий, а папа, наоборот, запоет. И признак того, что я буду купаться... И признак того, что мочалка будет мокрой. И конечно, из нее опять будут вылетать пузырьки. Потому что воздух есть

езде. И во мне, и в Егорке, и даже в Марии Степановне.

Егорка дергал меня за рукав и шептал тихонечко:

— Мишка, ты чего?

Это был признак того, что урок продолжается. Когда он закончится, Егорка сможет разговаривать громко. Как будто услышав меня, прозвенел звонок — признак свободы и того, что в классе сейчас будет веселая кутерьма. Действительно, все похватали портфели и куда-то помчались.

— На экскурсию, что ли? — удивился я.

— Какая экскурсия? Ты что, Мишка? Домой пошли! — стал торопить меня Егор.

Я непонимающим взглядом обвел наш кабинет, потом вытряхнул из папки все тетради. И по русскому, и по математике, и по безопасности жизнедеятельности. Везде было написано: «Первое марта. Классная работа». И пониже все, что мы записывали на уроке. Это был признак того, что я был в школе.

Я подошел к учительнице и взял дневник. Там стояла жирная противная двойка.

Признак того, что я не буду купаться в ванной. Меня туда просто не пустят.

И мочалка будет сухой, признак того, что с воздухом. Мы вообще все с воздухом, даже Мария Степановна.

Я сказал:

— Спасибо!

Это был признак того, что я вежливый и что меня хорошо воспитывают дома и в школе.

Мы вышли на улицу. Егор вздохнул:

— Не расстраивайся!

Это бы признак того, что он мой друг, а также признак того, что сам он двоек не получает. А вот это уже верный признак, что Егорка почти отличник. И по всем этим самым признакам у него мама поет, наверное, целыми днями.

— Ты давно пел, Егорка? — спросил я задумчиво.

— Десять минут назад... — почему-то испуганно пробормотал он.

— А я не слышал... — удивился я, — а я что делал в это время?

— Пел... — тихонько сказал Егор и посмотрел на меня как на больного. — Мы все пели. Новую песню.

— Какую?! — не поверил я. — Когда?!

— Ну, на пении... На последнем уроке. Мария Степановна про композитора Шаинского рассказывала... И это...

Вместе весело шагать по просторам...
По просторам, по просторам...

Затянул он уныло и куда-то не туда.

Это был признак того, что Егорке на ухо наступил медведь. А то, что я так подумал, признак того, что я знаю поговорки.

Я остановился.

— Не так!

И хоть я никогда не слышал такой песни, но вдруг запел продолжение:

И конечно, припевать лучше хором...
Лучше хором, лучше хором...

Может, это был признак какой-то болезни?!

— Ну вот! За что же тебе двойку поставили? — возмутился Егорка. — Ты ж поешь как мальчик на пластинке, которую ставила Мария Степановна!

— Правда? — не поверил я. — По пению поставили двойку?!

Я видел ее, жирную и нахальную, но забыл посмотреть, по какому предмету.

Это был признак того, что запоем папа, что мочалка и все мы с воздухом на планете Земля, похожей на голубику. Все.

Даже мотоциклы.

8 МАРТА, ИЛИ ПАПЬЕ-МАШЕ

Накануне 8 Марта Мария Степановна спросила, помним ли мы про Международный женский день и какие подарки готовили мамам.

И странное дело, все девчонки помнили прекрасно! А из мальчиков только Вова Петров и Юра Мухин.

Подарки, которые они сделали или еще делали, мне не понравились. Настя Павлышко и еще пять девочек нарисовали рисунки. Всяких там королев.

Аля Селикова хотела подарить маме мышку (у Алиной подружки мышь родила восемь мышат). Вова Петров вылепил самолет из пластилина.

А Юра Мухин платочек вышил. Он этот платочек всем показал. Оказывается, Юра боялся, что мама как-нибудь до праздника платочек найдет, и все время его с собой носил.

Платочек как платочек. Беленький. А на нем кривыми зелеными ниточками вышито «Мама». Все ахнули, конечно. Особенно девочки.

Когда мы с Егоркой шли домой, я сказал:

— Разве это подарки? Это только малыши мамам картинки рисуют. А мышка? Аля себе хочет мышку завести, а мама не разрешает, вот она и решила подарить ее на 8 Марта. И пластилиновый самолет маме зачем?

— Но платочек-то хороший, — заступился за Юру Егор.

— Ну, платочек ладно, — не стал я спорить, — но это ведь не мужской подарок.

— А какой мужской?

— Вот мой папа, когда был маленький, выжигал на дощечках разные картинки. Знаешь как красиво? Я у бабушки видел.

— А чем он выжигал?

— Специальным прибором, — объяснил я.

— А он у тебя есть?

— Конечно! Бабушка его специально для меня сохранила. Только найти не может.

— Значит, нету... — вздохнул Егорка.

— А еще мой папа делал чуканки. Или чаканки. На железных листах выбивал гвоздиком рисунки. Тоже красо-о-ота!

— Чеканки, — поправил Егор. — А у тебя есть железные листы?

— Не-а...

— Значит, и чеканки мы тоже не сможем, — опять вздохнул Егорка, — остаются платочки.

— Ты что?! Какие платочки! Мой папа еще «папью-машу» делал. Мишку, зайчика и кувшинчик.

— А что это? — заинтересовался Егорка. — Какая такая «папья-маша»?

— Ну, это такие фигурки красивые. Скульптура такая маленькая, раскрашенная.

— Ну, если скульптура, — обрадовался Егорка, — давай!!! Скульптура — это не платочки. Это серьезно!

— Конечно! — обрадовался я. — Как принесем в класс, как покажем, ахнут все!

— А ты знаешь, как эту «машу» делать?

— Пока не знаю, у папы спрошу.

— Ты поскорее спроси! — поторопил меня Егорка. — Не забудь.

И надо же! До вечера я и в самом деле забыл! То уроки делал, то Тишку дрессировал на сторожевого кота (чтоб он мяукал, когда в двери звонят), то играл, то ужинал — в общем, абсолютно забыл, совершенно! Хорошо, что Егорка вечером позвонил, напомнил.

Я тогда папу в ванную завел, включил воду, чтоб мама ничего не услышала, и расспросил про эту «папью-машу». И папа мне все-все рассказал. Ничего сложного, выяснилось.

А называется правильно «папье-маше». Я даже на бумажке записал, чтоб до утра не забыть.

В школе Мария Степановна спросила тех, кто вчера молчал, что они придумали подарить мамам. Я встал и сказал гордо:

— Мы с Егором — поделку «папье-маше»!

И Мария Степановна нас похвалила:

— «Папье-маше» — это удивительно красиво!

Пришли мы из школы, поели у меня супа и сразу за работу принялись. Папье-маше — это просто! Нужно из пластилина фигурку вылепить, а потом ее малюсенькими

кусочками газеты обклеить. Подождать, пока высохнет, и еще обклеить, а потом еще. А потом разрезать пополам, вытащить пластилин, сложить половинки и снова оклеить. А потом уже раскрасить как хочешь. Получается настоящая игрушка, как из магазина.

— Работу давай поделим, — предложил Егорка, — ты лепи, а я буду газеты рвать.

— А чего лепить-то?

— Для моей мамы вылепи маленького поросеночка, чтобы он в одной лапке торт держал, на котором было написано «8 Марта», а в другой цветы. Чтоб он был в джинсах, полосатой маечке и веселый.

— Ладно, — согласился я, — а для своей я вылеплю вазочку.

Я притащил ворох газет, достал пластилин. И мы занялись каждый своим делом. Я лепил сначала шарик, потом столбик-туловище, потом маленькие столбики-ручки. А Егорка рвал газеты и складывал кусочки рядом с собой. Но когда я стал делать столбики-ножки, раскатывая пластилин ладошкой, стол пошатнулся и все Егоркины бумажечки слетели на пол.

— Ты чего? — возмутился Егорка. — Специально?!

Я объяснил, что это не я, а стол. Егорка засопел и полез бумажки собирать. Пока он на четвереньках лазил, я уже ножки-ручки к туловищу приладил. А голова с ушками прикрепляться не хотела никак. Тогда я шарик на стол положил и сверху туловищем по нему ударил — бац!!!

А Егорка как раз в этот момент бумажки опять на стол высыпал! От моего «бац» они разлетелись в разные стороны, как салют! И вверх под потолок, и на диван, и на книжные полки, и даже на Тишку!

Егорка как закричит, как даст кулаком по поросенку — хлоп! Лепешка с ушками получилась!

Я говорю:

— Ты чего?! Разве я специально?!

— А зачем ты по столу ударил?

— Голову прилеплял, вот и ударил! А ты зачем поросенка расплющил?!

Егорка надулся и пошел в прихожую, обуваться.

— Ты чего? — побежал я за ним. — Давай коробку достанем. Ты станешь туда

бумажки складывать, и они разлетаться не будут.

Егорка посмотрел на меня подозрительно и сказал:

— С крышкой.

Мы нашли такую коробку в шкафу. Выложили из нее мамины клубки с шерстью. Отличная коробка, большая! Как раз то, что нужно!

— Может, клубки в шкаф сложим? — спросил Егор.

— Потом! — махнул я рукой. — Потом, когда «папье-маше» высохнуть будет.

И мы снова стали трудиться. Я за столом, а Егорка на полу, в другом конце комнаты, чтоб я нечаянно его коробку не толкнул. Он отрывал от газеты кусочек, клал в коробку и сразу накрывал крышкой, на всякий случай. А потом снова отрывал, поднимал крышку, прятал и опять закрывал. И на меня с опаской из своего угла поглядывал. Вот чудак!

А я лепил поросенка из примятой лепешки заново. Он получался толстый и веселый, как раз такой, как хотел Егорка.

И когда я уже пяточок приделывал, вдруг из спальни метнулось что-то лохматое розо-

во-зелено-синее и шерстяное! Призывно мяу-кая, оно поскакало в прихожую. Егорка закричал:

— Клубки твоей мамы!

Я завизжал:

— Лови!

И мы стали бегать за Тишкой! А он от нас! Шерстяные разноцветные нитки развевались на нем, как флаги. Он метался — под стол, под шкаф, под кресла! А мы бегали за ним и кричали друг другу:

— Заходи слева! Заходи справа!

Тишка орал «м-ряу!» и, как реактивный самолет, летал с дивана на полку, с полки на сервант, с серванта на штору. Там он наконец повис, испуганно вытаращив зеленые глаза и размахивая хвостом прямо перед носом Егорки.

Я закричал:

— За хвост! Хватай! Уйдет!

Егорка схватил, но промахнулся и дернул штору, она оборвалась, а Тишка пулей бросился в спальню! Как он туда забежал, мы не увидели. Потому что вдруг все стало белым-бело... Будто бы мы попали в снежное облако!

Я закричал Егорке:

— Что это?

А он почему-то завыл, как раненый зверь:

— А-а-а-а-а!!!

И тут это облако немножко рассеялось, потому что оно стало на пол опускаться. И я понял, что это Егоркины бумажки!

— Это Тишка, — догадался я, — коробку сбил! Лови его!

И мы побежали в спальню.

А она вся: и кровати, и пол, и тумбочки — была опутана розово-зелено-синими нитками, будто там поселился паук и плел какую-то

сказочную паутину. Тишка, тоже опутанный нитками, сидел на шкафу и громко кричал:

— Мау-ау-ау!

Как «скорая помощь»!

Я побежал на кухню и принес оттуда кусок колбасы. И стал ею Тишку выманивать.

— Как только прыгнет, хватай его на лету, — предупредил я Егорку, — а я буду внизу ловить. Тогда кто-нибудь из нас обязательно поймает!

Но Тишка не хотел колбасы, он понимал, что виноват, и боялся.

— Тащи стул, — сказал Егорка уверенно, — сейчас мы его достанем! Только незаметно, чтобы он ничего не заподозрил!

Я пошел в зал, взял стул и, спрятав его за спину, стал петь:

Жили у бабуси два веселых гуся!

Один серый, другой белый —
два веселых гуся!

Чтобы кот подумал, что я просто так гуляю и пою. Но как только я подошел к шкафу, Тишка — ра-а-з! И прыгнул на кровать. Мы с Егоркой за ним — упали животами прямо посередине покрывала. А Тишка уже

на карнизе висит! Он еще больше в нитках запутался. Превратился в толстый сине-розово-зеленый кокон, только хвост выглядывает и голова немного. Егорка спрыгнул с кровати и побежал к шторе.

Я закричал:

— Не надо!

Но было поздно. Он дернул. Хорошо дернул, лучше, чем раньше. Кот прямо ему в руки свалился! А вместе с котом карниз и шторы упали — ба-бах!

Егорка испугался и говорит:

— Я нечаянно, я нечаянно!

А я только рукой махнул. Потому что теперь уже все равно.

Сели мы кота распутывать. Невозможно. Все нитки переплелись, как в вязаной шапке. Я принес ножницы и стал аккуратно резать эту сине-розово-зеленую мешанину.

Егор держал кота и волновался:

— Не зацепи Тишку! Осторожно! Меня не уколи!

А Тишка, вместо того чтобы сидеть спокойно, бился, царапался и пытался вырваться! Попробуй, обрежь! Он Егорке щеку расцарапал, а мне руки.

Еле-еле я эти нитки срезал! Вспотел даже!

— Неси его в туалет, — сказал я грозно, — пусть там о своем поведении подумает. А мы пока нитки опять в клубки сматаем.

Егорка запер орущего кота в туалете. Он там еще больше кричать начал, а двери скреб лапами так, будто не один там сидел, а котов двести!

А мы все распутывали и распутывали кружева-сети, ползая по полу на четвереньках.

— Ничего себе папье-маше! — канючил Егорка. — И уроки не сделали!

— Тебе что! Только уроки, а мне еще от родителей попадет!

Пять раз Егорка в нитках запутывался, и три раза я, и мы, чтоб долго не мучиться, обрезали нитки друг на друге. Я нервничал и торопился! Совсем скоро должна была прийти моя мама.

В конце концов мы сматали эти злополучные нитки и сложили опять в коробку. Только раньше клубки были большие, как апельсины, а теперь они стали похожи на мячики для настольного тенниса.

— Ничего, Мишка, не переживай! Может, мама и не заметит, — успокаивал меня Егорка.

А я вздохнул. Моя мама носит очки, и надеяться на такое чудо просто глупо!

Потом мы бумажки газетные собирали. Егорка хорошо поработал, много наварал.

Они и на люстре были, и под креслами, и в цветочных горшках на полках, и в кувшине на столе. Даже в мою комнату залетели, даже на кухню.

— Ну его, это «папье-маше», а? — сказал Егорка устало.

Я посмотрел на оборванный карниз и согласился.

На следующий день мы вышивали платочки. Егорка — поросенка, я — вазочку.

ПОХИТИТЕЛЬ ДОМОФОНОВ

В пятницу у нас в школе была «Встреча с интересными людьми». В актовом зале. Туда пришли все классы и какой-то артист, который бандитов в кино играет. Все его знали и долго ему хлопали, а мы с Егоркой не знали, но тоже хлопали. Все-таки он в нашей школе когда-то учился, знаменитый и все такое.

Что он говорил, слышно было плохо, потому что мы сзади сидели, но мне понрави-

лось, как ему записки передавали, как старшеклассницы бегали на сцену с цветами и как в конце, когда провожали, аплодировали стоя. Всю пятницу и всю субботу мы с Егоркой обсуждали, как здорово быть знаменитым.

— Тебя все любят, все уважают! Приглашают в школы, показывают по телевизору! — говорил я.

— Ага! — вторил Егорка. — Везде узнают и дарят подарки!

— Здорово б стать знаменитыми! Раз — и прославиться!

— Ага! — соглашался Егорка. — Например, выиграть городскую олимпиаду по математике!

Я тогда подумал, что Егорка чего-то недопонимает. Если у меня нет способностей к математике, что ж мне теперь — пропадать? Я мечтал кого-то спасти в воде или на пожаре или схватить преступника, а лучше целую банду.

А в воскресенье мы с Егоркой пошли в парк. Потому что он открывался после осенне-зимнего периода, и мы успели по всему там соскучиться.

Парк от нашего дома в десяти минутах ходьбы, а если вприпрыжку, то и за пять добежать можно.

Мы засекли время и домчались за три! Наперегонки потому что.

В парке играла веселая музыка, всюду были нарядные люди, многие дети несли разноцветные шарики. Их прямо у входа продавали, около деревянной сцены, где всякие артисты выступали. Наверное, они здорово там танцевали и пели, потому что все вокруг хлопали от души и кричали: «Браво! Бис!» И мы покричали со всеми за компанию. Но, по правде говоря, ни одного артиста нам не было видно, потому что вокруг сцены стояла большая толпа зрителей.

Егорка предложил:

— Может, на дерево залезем?

А я сказал:

— Чего уж там! Лучше сразу на колесо обозрения!

У кассы была очередь, и мы с Егоркой стали эту очередь рассматривать, вдруг какую-нибудь знаменитость увидим или жулика со стенда «Их разыскивает милиция»? Мы так внимательно всех разглядывали, что

какая-то девчонка с голубым бантом показала нам язык, а тетенька, которая ее за руку держала, спросила:

— Вы кого-нибудь потеряли, мальчики?

И тут оказалось, что наша очередь уже подошла. Потому что впереди стояла только девушка с разноцветными, как у клоуна, волосами. Они были немножко рыжие, немножко зеленые и местами чуть-чуть фиолетовые. Я раньше никогда такой красоты не видел! Эта необыкновенная девушка купила сразу двенадцать билетов! Просто так! И не важничала, не зазнавалась, не хвасталась ими. Спрятала в сумку, и все. А я подумал: надо же, столько счастья сразу: и волосы тебе, и билеты!

Мы с Егоркой посмотрели на нее с завистью и сказали тетеньке в окошко:

— Два, пожалуйста. На взрослое колесо обозрения.

Потому что еще маленькое бывает, для дошколят.

Билеты были розовые, от них пахло новой книжкой и праздником, мы положили их в карманы и побежали к взрослому колесу.

Оно крутилось медленно, и это было хорошо, я радовался за тех людей, которые там сидели и рассматривали нас, как птицы.

— Жаль, что бинокля нет, — вздохнул я, посмотрев вниз.

— Почему? — удивился Егорка.

— С самой верхушки бы концерт досмотрели. И в парке, если повезет, разглядели бы утопающего или пожар...

— Пока бы мы на колесе спускались, всех бы уже спасли, — заметил Егорка.

Я подумал, что если я спасти не смогу, то тогда и пожаров не надо... Пусть все будет хорошо: все веселятся, радуются и празднуют дальше!

Желающих покататься было много — полгорода! Когда наконец наша очередь подошла, я уже спать захотел. Поэтому первым в желтую кабинку влез, так как еле-еле на ногах держался. А потом уже Егорка запрыгнул, а за ним толстый дяденька в квадратных очках. У него была большая блестящая лысина, которую он все время платочком вытирал, и маленькая бородка, которую он тербил, как какой-нибудь старик Хоттабыч. И одет он был необычно: в плащ и беретку,

несмотря на жару. Беретку он то снимал, то надевал, то обмахивался ею.

Только дяденька сел, как ему сразу позвонили.

— Гляди, — шепнул я Егорке, — может, писатель. Или композитор!

И мы во все глаза уставились на дяденьку и стали его изучать.

А он смотрел вниз, на плывущие под нами деревья, фонтаны и карусели, и говорил по телефону про какой-то семинар. А потом вдруг в лице изменился, засиял просто:

— Новый домофон? Прекрасно! Спасибо большое, это у меня уже три тысячи семьсот шестой!

И начал кого-то за этот новый домофон благодарить. Пока он благодарил и не обращал на нас внимания, я шепнул Егорке:

— Это вор! Слышал, сколько у него домофонов? В нашем доме постоянно кто-то домофоны выкорчевывает! Его рук дело!

— Может, он их коллекционирует? — не сводя с дяденьки глаз, прошептал Егор.

— Он их ворует для коллекции! — убежденно сказал я. — И мы сдадим этого дяденьку в милицию!

Тут похититель домофонов положил телефон в карман, вытер лысину и сказал:

— Грусть, грусть! Радость какая!

А я Егорке шепчу:

— Слышишь, грустно ему, что дом без домофона остался, и одновременно радостно, что еще один прибавился.

— Что же он с ними делает? — шепчет мне Егорка. — Себе дома на все двери приделывает: в кухню, туалет и ванную? И как мы его в милицию сдавать будем?

А дяденька увидел, что мы на него смотрим, улыбнулся и говорит:

— Люблю колесо обозрения. Красивый вид открывается.

А я как брякну:

— И преступления открываются тоже!

Сказал и испугался. Вдруг дяденька меня, как свидетеля, сейчас из кабинки выбросит? На всякий случай я покрепче в нее руками вцепился, так что даже косточки пальцев побелели.

А этот домофонщик удивился, как будто ничего не понял, потрогал бородку и спросил:

— Какие такие преступления?

Я смотрю, а около будочки, где колесо включают, милиционер в очереди стоит с маленьким мальчиком. Стоят себе, мороженое едят и ничего не подозревают! Ага, думаю, нечего бояться! И говорю прямо:

— Такие преступления! О похищении домофонов!

А Егор, который все время молчал, тоже милиционера увидел, потому что мы все ниже и ниже спускались, и говорит:

— А мы вас в милицию сдадим!

Дяденька на нас глаза выпучил, сразу видно, испугался, и вместо лысины платочком щеки вытер.

— Что за ерунда! — пожал он плечами. — Какие домофоны?

— Не отпирайтесь, — сказал я, — и сообщника вашего тоже найти легко, по телефону!

Тут кабинка наша вниз опустилась, дяденька посмотрел на нас как-то странно и стал торопливо вылезать.

Я шепчу Егорке:

— Уйдет! Хватаем его — и к милиционеру!

А Егорка успокаивает:

— Даже если вырвется, далеко не уйдет, милиционер его в два счета догонит!

— Нет, Егорка, держи его крепко! Если мы бандита задержим, то о нас в газете напишут, и мы станем знаменитыми, а если милиционер, никто про нас ничего не узнает!

И первым схватился за дяденькин рукав. А когда и Егор на нем повис, схватив дяденьку за вторую руку, я закричал что есть силы:

— Товарищ милиционер, мы задержали преступника!!

И тут я почувствовал, что такое слава! Все люди, что в очереди стояли, в один миг на нас посмотрели! Будто ветер подул и все головы, как листочки на дереве, развернул в нашу сторону!

Дяденька струсил, конечно, сердито руками задержал, пытаясь вырваться, и тоже милиционера стал звать, обозвав нас с Егоркой хулиганами.

Милиционер подошел к нам вместе с маленьким мальчиком, у которого даже уши были в мороженом, и взял под козырек:

— Старший лейтенант Самойлов! В чем дело?

Этот дяденька в беретке что-то начал бормотать, а мы как закричим с Егоркой:

— Он похищает домофоны! Задержите его, пожалуйста!

И хотя милиционер нас прекрасно услышал, он сделал удивленное лицо и спросил:

— Ничего не пойму! Какие такие домофоны?

Совсем как этот дяденька, когда мы наверху были. И тут я заподозрил, что, может,

они сообщники и форма у милиционера не настоящая. И мальчик, который с ним, тоже малолетний бандит.

— Я не знаю никаких домофонов! — сердито сказал похититель и брезгливо дернул руками, будто мы червяки какие-то. — Прикажете, пожалуйста, чтобы они меня отпустили!

Милиционер сказал:

— Отстаньте от гражданина!

Егор бросил рукав, а я держу, ведь Егор не догадался, что милиционер тоже сообщник.

— Помогите, — кричу людям около будочки, — задержать преступников!

А все будто обрадовались, и около нас сразу большая толпа образовалась.

Теперь, думаю, не уйдут!

Люди спрашивают:

— Что случилось?

Милиционер говорит:

— Отпусти сейчас же!

А те, которые сзади стоят и ничего не видят, объясняют:

— Бандитов задержали — кабинку открывать хотели.

Я, как такую ерунду услышал, набрал в легкие воздуха побольше и закричал, чтобы всем-всем слышно было:

— Это похититель домофонов! У него сообщники! Они крадут и ему приносят! Мы по телефону слышали! У него их три тысячи семьсот шесть!

— Телефонов? — спросил милиционер.

Я догадался, что это он специально делает вид, что не понимает, чтобы всех запутать, и только хотел сказать, что милиционер тоже сообщник, как дяденька воскликнул:

— Этот молодой человек все перепутал! Я собираю омофоны! Омофоны, а не

домофоны! И у меня их, действительно, три тысячи семьсот шесть! — гордо заключил он.

Тут я подумал, что омофоны — это какой-то вид телефона или домофона, и сказал, как следователь в кино, строгим голосом:

— Омофоны-домофоны! Не все ли равно! Главное, каким путем они к вам попадают!

Тут дяденька засмеялся:

— Честным путем!

И кто-то в толпе закричал:

— Да это же профессор Тетерников! Телевизор, товарищи, смотреть надо!

Тут похититель сразу приободрился, достал какое-то удостоверение, показал милиционеру и спросил:

— Можно идти?

Милиционер опять взял под козырек и сказал:

— Пожалуйста!

А потом нахмурил брови и заявил:

— Так... А про ваше хулиганство, ребята, в школу сообщить надо! Пройдемте-ка в комнату милиции.

Я до этого стоял весь красный, а после таких слов, наверное, зеленым стал от страха. Ничего себе, стали знаменитыми!

Тут красивая девушка, та самая, разноцветная, которая двенадцать билетов купила, сказала:

— Омофоны в девятом классе учат. Они слова перепутали. Простите их, товарищ милиционер!

Она, оказывается, рядом стояла.

И все вокруг стали просить милиционера пожалеть нас. Егорка даже заплакал бедный. А маленький мальчик, который успел уши о рядом стоящих людей вытереть, стал милиционера за рукав дергать:

— Папа, они больше не будут! Пошли кататься!

Милиционер махнул рукой и сказал:

— Прощения у гражданина попросите!

Повернулся и пошел.

А мы с Егоркой переглянулись и побежали за дяденькой, коллекционером каких-то непонятных омофонов, которые мы еще не проходили. Он уже далеко ушел, но мы его все равно догнали.

— Подождите! Простите нас, извините... — стали мы канючить.

Но он даже не смотрел в нашу сторону: так обиделся.

И тут меня осенило!

— Расскажите нам, пожалуйста, про омофоны! — попросил я.

Дяденька тут же остановился и с интересом на меня посмотрел:

— А вот присядем на лавочку.

Мы сели. Егор все еще шмыгал носом, и дяденька дал ему свой носовой платок. Зеленый, в желтую клеточку.

— Омофоны — это очень простая и интересная штука... — задумчиво сказал он и опять стал теребить бородку. — Это такие слова, которые пишутся по-разному, а произносятся одинаково.

— А разве такие бывают? — недоверчиво спросил Егорка.

— Конечно. Собрал же я их три тысячи семьсот шесть. Вот сегодня мне подарили омофон, — и дяденька с удовольствием, расплывшись в улыбке, произнес: — Грусть-грусть.

— Ну и что? Вы и наверху это говорили про грусть, — сказал я

— А то, что я сейчас сказал, не только про грусть, но и про гриб! — лукаво усмехнувшись, объяснил он.

Я подумал, что, может, это какой-нибудь сумасшедший дяденька, и даже немножко от него отодвинулся, а Егорку ногой толкнул, пошли, мол.

Только Егорка даже не посмотрел на меня, а сказал:

— Я понял. Первое слово было — «грусть», а второе — «груздь».

Тут я тоже все понял и захотел еще какой-нибудь омофон придумать, только у меня не получилось. А Егорка прошептал:

— Луг — лук!

— А лиса ушла в леса! — весело сказал дяденька.

— Мог — мок, дог — док, рот — род, — затараторил Егорка.

А я сидел и страдал рядом, потому что ничего придумать не мог. Ну ничегошеньки! Бывает же такое невезение!

Егорка, наоборот, все сыпал и сыпал, будто он всю жизнь эти омофоны учил:

— Плод — плот, рок — рог, сток — стог!

Тут дяденька, очень довольный разговором, сказал:

— А ведь мы забыли представиться друг другу!

И оказалось, что этот дяденька — профессор университета и зовут его Егор Иванович.

«Наверное, все Егоры так хорошо в омофонах разбираются», — подумал я.

И, как бы услышав мои мысли, профессор с Егоркой снова пустились наперегонки омофонить:

— Туш — тушь!

— Бал — балл!

— Пруд — прут!

Они долго так играли, наверное полчаса. А когда я захотел присоединиться и сказал: «Плошка — блошка», профессор строго заметил, что это не омофоны. Наконец он встал, вытер напоследок свою лысину и сказал:

— Ну, мне пора, молодые люди!

И тогда мы его до остановки проводили. А пока трамвай ждали, профессор с Егором все этими омофонами перекидывались, как теннисисты мячиком.

— Кот — код!

— Претворяться — притворяться!

Но вот вдалеке показался трамвай, и тут Егор сказал:

— Душка — дужка!

И Егор Степанович снова засиял, как тогда наверху:

— Три тысячи семьсот семь!

Он пожал Егору руку и дал ему свою визитную карточку, а мне просто сказал: «До свидания». Это потому что я дольше Егорки его за рукав держал и на весь парк кричал, что он похититель.

И еще, наверное, потому что я к омофонам неспособный оказался.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЛЕТА

Это история случилась в первый день лета. Я тогда еще подумал, что это вроде праздника — первый день лета!

Ведь это самый первый день длинного-длинного лета с его арбузами, шортами, роликами, велосипедом (если купят), купанием в речке (если разрешат), а потом слезающей кожей (если повезет). Вот сколько всего! А еще гуляние во дворе допоздна, яблоки белый налив, песочные крепости, стрельба из водяных пистолетов и сандалии без носков! И самое главное — никаких уроков!

Все лето — сплошной праздник! А первый день — это праздник праздника!

И я решил этот день нарисовать. Достал краски, фломастеры, карандаши, раскрыл альбом и задумался: что же нарисовать про самый первый день?

И тут мама сказала:

— Мишка, сбегай в магазин, хлеб закончился.

Мне было так жалко вылезать из-за стола, потому что я уже кисточку в воду обмакнул и думал, какой краски набрать... Это верный способ начать рисовать, когда не знаешь, что именно: закрыть глаза и обмакнуть кисточку в любую краску. Потом смотришь: ага, в желтую попал — значит, можно солнце рисовать или цыплят, а если набралась синяя, то море, а если коричневая — забор. Я часто так делаю.

А мама говорит: хлеб!

Сейчас мне даже страшно представить, вдруг у нас бы хлеб не закончился? И ничего бы, о чем я хочу рассказать, не произошло!

Я спросил маму:

— А можно бублики купить?

Мама сказала:

— Можно.

— А можно я потом приду с Егоркой чай с бубликами пить?

Мама сказала:

— Только после супа.

Я тогда говорю:

— А может, мне Егорку с собой за хлебом позвать?

Тут мама руками всплеснула:

— Да пойдешь ты наконец или нет?

И я пошел.

Вышел во двор, смотрю, а навстречу мне Егорка бежит. Оказалось, его тоже за хлебом посылали.

— Пошли, — говорю, — обратно.

И мы пошли, хотя Егорка хлеб уже купил. Это называется настоящая мужская дружба.

Не то, что он хлеб купил, дружба, а то, что хоть ему и не нужно было в магазин, но он все равно пошел. Из-за меня.

Мы шли, и я Егорке про первый день лета рассказывал, что он особенный и неповторимый. А Егорка не понимал и говорил, что каждый день особенный. Мне даже обидно стало, что он такой непонятливый.

Я уже даже раздумал его звать чай пить с бубликами! Но тут мы вдруг услышали какой-то странный писк и перестали спорить.

— Это, наверное, птенец из гнезда упал, — сказал я.

— А может, это маленький инопланетянин вывалился из тарелки и подает сигналы! Знаешь, такой, с антенной на голове? — предположил Егорка, и глаза у него заблестели.

— А почему маленький?

— Потому что пищит тоненько!

«Вот было бы здорово», — подумал я, и мы полезли в заросли шиповника, потому что писк доносился именно оттуда.

Кусты были колючие — я зацепился и немножко рубашку порвал, а Егорка щеку расцарапал. Этот инопланетянин или птенец пищал все тише и тише, а потом совсем замолчал, и я подумал, что без позывных мы его никогда не найдем. Может быть, инопланетянину тарелка его откликнулась и как-нибудь невидимо его забрала. А может, у него пищалка сломалась или батарейки сели.

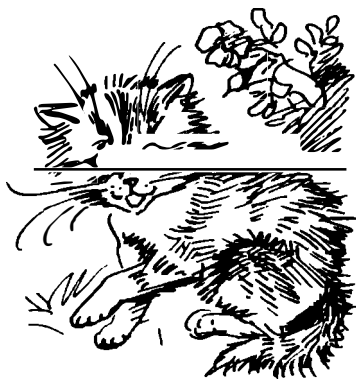
Но тут Егорка закричал:

— Есть!

И руки вверх поднял! А в руках у него — чудесный рыжий котенок!

Мы вылезли из кустов и стали его рассматривать. Он был маленький, спокойно на одной Егоркиной ладони помещался. А лапки совсем крошечные, и шерстка мягкая, словно пух. Он испуганно щурил зеленые глазки, смешно морщил розовый носик и попискивал время от времени громко и требовательно.

Я никогда не слышал, чтобы котята пищали, но этот был совсем маленький и, наверное, мяукать еще не научился.

— Он голодный, бедняжка, — сказал Егорка и почесал котенка за ушком.

Тот замолчал немного, а потом запищал с новой силой. И столько в этом писке было отчаяния, что я понял: нужно его спасти!

А Егорка и говорит:

— Возьми его себе, Мишка! Посмотри, какой он хорошенький!

— Мне папа не разрешает никого заводить... — вздохнул я. — Он говорит, что от зверей только беспорядок и шум. Такой писк взрослый разве выдержит!

Я взял котенка на руки и осторожно дунул ему в нос, чтобы он замолчал.

— А у моей мамы аллергия на шерсть, — задумчиво сказал Егорка, — она от нее чихает.

И мы пошли с котенком в магазин. Точнее, это мы с Егоркой пошли, а котенок поехал. Он ехал в моей ладошке и всю дорогу пищал. И какая-то женщина с кошелкой сказала:

— Прекратите мучить животное. Сердца у вас нет!

Я обрадовался: вот сердобольная тетенька, и говорю:

— Возьмите его себе, пожалуйста!

Но она только руками замахала:

— Нет, нет, что ты, мальчик!

Я купил хлеб и бублики, уже нужно было идти домой, а мы все не могли придумать, что делать с котенком.

— Давай его людям на улице предлагать, — сказал я Егору, — у которых хорошие лица.

И мы стали прохожих, которые нам нравились, просить забрать котенка себе, но те только плечами пожимали или говорили «уже есть». И тут я смотрю, а котенок глаза закрыл и не открывает.

— Он умирает, — крикнул я Егорке, — от голода!

И мы домой побежали быстро-быстро, как только могли! Если б я в школе так быстро бегал, то давно бы Алю Селикову — чемпиону нашего класса обогнал!

— Как же ты его к себе понесешь? — кричит Егорка откуда-то сзади.

— У меня папа... только через... три дня... придет, — еле-еле отвечаю я, потому что бегу изо всех сил, и воздуха не хватает, и сердце куда-то выпрыгивает.

Только в лифте мы немножко отдышались, и Егорка сказал:

— За три дня твоя мама знаешь как котенка полюбит? Как родного! И папу уговорит!

И поехал на свой восьмой этаж. А я пошел домой: в одной руке бублики и хлеб, а в другой котенок с закрытыми глазами.

Но мама, когда дверь открыла, котенка не заметила, а ужаснулась:

— Горе ты мое луковое! Где же ты рубашку порвал, где же ты колени измазал?

Конечно, котенка трудно сразу заметить, я ведь вон какой великан, а он маленький!

Тогда я протянул его маме и сказал:

— Мамочка! Мы спасали котенка в шиповнике. А он умирает, видишь? От голода!

Мама взяла котенка, а он сразу глаза открыл и запищал. Вот притвора!

— Он спал, — улыбнулась мама, — а поесть мы ему дадим.

И налила сметаны в блюдечко.

Только котенок не понимал, что есть надо. Сидел около сметаны и жмурился.

Я стал его носиком в блюдечко тыкать.

— Обедай, — говорю, — ешь, глупый!

И тут в дверь позвонили. Мама воскликнула:

— Это папа! Он по телефону утром говорил, что приедет! Я тебе забыла сказать.

И, радостная, к двери побежала.

А я смотрю на котенка и чуть не плачу. Я даже подумал, может, нам с ним из дому уйти, как дядя Федор с котом Матроскиным? И так мне жалко стало оставлять свою комнату, книжки, краски на столе, маму с папой, что я все-таки немножко носом захлюпал. А папа кричит:

— Мишка, беги скорей сюда, смотри, что я тебе привез!

Я нос вытер и пошел.

А папа мне черепаху протягивает! Настоящую!!! Представляете?!

— Вот, — говорит, — дорогу переходила, а я ее спас!

И тут опять позвонили в дверь. Мы открываем, а это Егорка.

— Давай котенка, — говорит, — его Елизавета Петровна со второго этажа взять согласилась.

Папа смотрит на нас и ничего не понимает.

Тогда я вынес котенка и говорю:

— Я тоже спас. С Егоркой. В шиповнике.

И тут вдруг как зареву, как маленький!
Перед Егоркой даже потом неудобно было.
И перед черепахой немного.

А папа взял котенка и говорит:

— Не реви! Не отдадим мы его Елизавете
Петровне! Нам самим такой богатырь нужен!

И маме подмигнул:

— Где один, там и двое!

А потом мы пошли суп есть. А потом пи-
ли чай с бубликами.

И я сказал Егору:

— Видишь, какой особенный день? Даже
волшебный!

А он ответил:

— Бу-бу-бу!

Это потому что у Егорки рот был набит бубликами. Но я сразу понял, что он согласился.

Целый день мы играли с котенком и черепахой. А вечером, когда они заснули, а Егорка домой ушел, я сел рисовать рисунок про первый день лета.

Теперь я не зажмуривался, не искал краску наугад. Я и так знал, кого нарисую.

СПАСЕНИЕ БАБУШКИ ФЕНИ

День был жаркий. Дома было душно и скучно. Мы уже во все игры с Егоркой переиграли: и в настольные, и в прыгучие. Скучно, и все! Егорка сказал:

— Пойдем гулять! Ляжем в песочнице и будем загорать, как на пляже.

Мы налили воду в бутылку, взяли печенье — на пляж всегда что-нибудь берут, и пошли.

Спустились во двор, а там — никого. Только бабушка Феня с первого этажа подушки, пальто и другую одежду сушит. Она

их всегда сушит, когда жарко. Одежду — чтоб моль не заводилась, а подушки, чтоб перо просохло. Это она нам с Егоркой давно объяснила, еще когда мы в детский сад ходили.

Только я не люблю, когда бабушка Феня все сушит. Потому что подушки по всей лавочке, и сесть негде. И в палисаднике около подъезда бегать нельзя. Там она между деревьями веревку натягивает и на плечики всякие пальто вешает, юбки, платья и еще штаны своего мужа, дедушки Мити. Они болтаются, как паруса, трепещут, хлопают на ветру. Здорово было бы под ними играть в матросов!

Еще с одеждой бабушка Феня кота выносит. Чтобы моль не заводилась или просто погулять, не знаю.

И сейчас этот кот лежал на подушке и спал. Он был как географическая карта: немножко черный, немножко рыжий, немножко серый, немножко белый. Как будто в разные банки с краской запрыгивал по очереди.

А бабушка Феня носки вязала, тоже немножко черные, немножко рыжие, немножко серые, немножко белые. Из разных ниток сразу. Я хотел ей сказать, что это очень

красиво, но бабушка Феня посмотрела на нас строго и нахмурилась:

— Мишка, Егор! В палисадник чтоб ни ногой!

А мы поздоровались и дальше пошли, в песочницу. Подумаешь, палисадник! Разве там загоришь как следует?

Песочница пустовала.

Мы сняли футболки и положили их на облупившуюся синюю крышу грибка, а потом туда же забросили шорты. Кувырк! И в одних трусиках плюхнулись на песок! Животами кверху! Красота! Песок был горячий, как на настоящем пляже. И немножко обжигал. Я хотел крикнуть: «Ой-ой-ой!» — и подпрыгнуть, но ждал, что первым подскочит Егорка. А он все не подскакивал и не подскакивал, наверное, после меня хотел. И скоро я привык, и мне даже стало нравиться, что песок такой горячий. Я потянулся и закрыл глаза. Жаль, что песочница маленькая и ноги в бортики упираются. Эти бортики очень мешали мечтать, что пляж настоящий.

Но я все равно представил, как плещутся волны белыми барашками и где-то вдали

плывет красивый пароход с веселыми моряками. А я лежу под большущей пальмой и смотрю, как он плывет, и над моей головой жалобно кричат чайки. Если они, конечно, водятся там, где эти пальмы растут. Если бы я был чайкой, я бы водился.

— Чур, я на берегу океана! — сказал я тихонько, чтобы не распугать все то, что придумал.

— Какого? — хихикнул Егорка. — Северного Ледовитого?

Тогда я стукнул его ногой, не открывая глаз, а Егорка зарычал, как тигр, и щелкнул зубами.

И тут к нам подошла бабушка Феня.

— Милочки, — сказала она ласково, — вы никуда уходить не собираетесь?

Мы подозрительно посмотрели на бабушку и покачали головами. Неужели она и в песочнице надумала что-нибудь сушить?

— Вот и ладненько, — обрадовалась старушка, — вы постерегите вещи, пока я в магазин схожу. А то дедушка Митя придет на обед, а у нас беда: хлеб закончился.

— Хорошо, — согласились мы. И закрыли глаза.

— Ты что себе представляешь? — спросил я Егорку.

— Ну, пляж... — ответил он невесело.

— А белый пароход видишь? Чаек и веселых моряков?

— Нет, — вздохнул Егор, — мне, понимаешь, что-то в спину давит и давит. Мешает воображению.

— Может, якорь выбросило на берег, а ты на него улегся?! — предположил я.

— Или сундук с сокровищами! — обрадовался Егорка.

Он стал на коленки и начал разгребать песок руками. И вырыл замечательную красную лопатку!

— Давай еще что-нибудь найдем!!! — крикнул я. И тоже стал на коленки.

Егорка стал копать лопаткой, а я рыть руками. Внизу песок был мокрый и прилипал к коже. У меня руки прямо по локоть запесочились! Но не зря. Потому что мы нашли значок с котом в сапогах, пластмассового пупсика и ручку от ведерка. Потом я обнаружил что-то мягкое и потащил к себе что есть силы! А оно не тащилось, будто приросло. Я потянул еще сильнее и даже дернул!

А это что-то как схватит меня за палец!! Как сожмет! Как загогочет! Вот какой Егорка хитрющий, специально руку в песок спрятал и ждал, когда я ее найду! Тогда мы стали играть в крабов: кто кого скорее укусит. За-жмуривали глаза и шарили руками в песке. Это было трудно. Я два раза головой о столбик грибка стукнулся. Но не больно. И три раза Егорку поймал, а он меня ни разу.

Потом мы вспомнили, что пришли загорать, и снова легли животами кверху.

— Люблю я пляжи! — протянул Егорка. — Жаль только, что покупаться негде.

Я глянул, а он с закрытыми глазами лежит... Тогда я остороженько потянулся за бутылкой, тихонечко пробку открутил и как ливану водой ему на живот!!!

Егорка как заорет, как подпрыгнет!

— Ты чего! — кричит. — У меня теперь трусы мокрые!!!

И мы стали друг за другом гоняться. А когда запыхались, сели хрустеть печеньем.

Оно было немножко поломано, помято и раскрошено, потому что мы, когда в крабов играли, коленками его раздавили, но все равно — замечательное! Я запивал его водой и

думал, что если что-нибудь на пляже ешь — это всегда объедение. И сейчас было то же самое. Никогда я не ел такого вкусного печенья и не пил такой вкусной воды!

Вдруг Егорка в лице изменился и даже жевать перестал. Потом закашлялся и показал пальцем в сторону подъезда. Я посмотрел: подъезд как подъезд: поперек двери объявление, что горячей воды не будет.

— Ты чего, подавился? — спрашиваю. — По спине стукнуть?

А он как заорет:

— Поду-у-у-ушки!

Я глянул на лавочку. Там лежала только одна подушка, на которой спал кот. Посмотрел на веревку. Она исчезла!

— Ой! — испугался я. — Бедная бабушка Феня!

Мы побежали в подъезд, но там никого не было. Мы обежали вокруг дома. Потом сбегали в соседний двор. Потом на улицу. Но вора с пальто, платьями, дедушки Митиными штанами и подушками нигде не было видно.

— Вот это да! Что же мы будем делать? — сокрушенно спросил Егорка.

А я сказал:

— У бабушки Фени сердце больное. «Скорая помощь», помнишь, приезжала? Придет, увидит, что подушек нет, — сердечный приступ случится.

— Да... — вздохнул Егорка. — Без подушек оно это... Плохо... И без штанов тоже.

Мы сели на лавочку, призадумались. И тут меня осенило!

— Помнишь, что висело на веревке? — деловито спросил я.

— Нет, — удивился Егорка, — ну как обычно — одежда какая-то. Кофты...

— Давай из дома такое же поприносим и поразвешиваем!

— Она же поймет, что это не ее, — засомневался Егорка.

— Во-первых, не поймет, потому что она старенькая и видит плохо. А во-вторых, — продолжил я уверенно, — если и поймет — обрадуется! Мы хорошие вещи повесим, красивые. Вот только от мамы попадет, наверное...

Я вздохнул и почесал затылок.

— Ты что! Мы же человека от сердечного приступа спасем, а может, и от смерти. Это

ж благородно! — стал переубеждать меня Егорка. — Нас еще и похвалят! У меня мама всегда говорит, что шкаф ненужными вещами забит, а носить нечего! Вот мы это ненужное и повесим. Сразу два добрых дела: и маме, и бабушке Фене!

— Ладно, — заторопился я. — Ты иди к выходу из двора и стой там. Подойдет бабушка Феня, отвлекай ее как можешь. А я домой — за вещами. У нас тоже, наверное, есть ненужные.

— Ага! — согласился Егорка. И побежал к песочнице — надеть шорты и футболку. Неудобно же около улицы в мокрых трусах стоять!

А я помчался домой, как есть, в плавках, на которых утята нарисованы. Лифт был занят — как обычно, если очень торопишься! Перепрыгивая через ступеньки, я добежал до пятого этажа, открыл дверь и задумался: что выносить?

Оттого что соображать надо было быстро, я ничего ненужного придумать не мог!

Лишь мысль, что я спасаю человека от смерти, вывела меня из оцепенения, и я решил хватать что попадется под руку.

Побежал в спальню, вытащил подушки из наволочек. Две штуки. У бабушки Фени было, конечно, больше... Я рванул в свою комнату, открыл диван и достал еще одну. Врачи вообще говорят, что без подушек спать полезнее. Я сам по телевизору слышал — доказанный научный факт! Я бросил подушку на пол и помчался к шкафу.

Жаль, что я не могу отдать бабушке Фене свои вещи! У меня полным-полно таких, из которых я вырос!

Но что же забрать из маминых? Я стал искать в шкафу юбки, но не нашел ни одной. Потому что моя мама любит ходить в брюках. Отнести, что ли, мамины джинсы? Я представил бабушку Феню в джинсах и передумал.

А платье? Мама его специально к какому-то празднику покупала. Если я его бабушке Фене отдам, расстроится мама или нет? Вдруг у нее самой тогда сердечный приступ случится? Нет, лучше кофточку взять. Мама ее очень любит, без конца надевает — она ей уже надоела, наверное. И папиных штанов побольше. Вот уж их-то бабушка Феня ни за что не отличит от дедушки Митиных!

Штаны-то у всех одинаковые — это вам не платья! Я перевероршил еще полшкафа и все, что нашел, положил в большую сумку. Точнее, запихнул туда как смог. И придавил хорошенько, чтобы закрылась.

Еще пальто. Жалко, что у мамы только одно, не из чего выбрать. Но мама все равно всю весну жаловалась, что оно старое и не модное. Значит, не расстроится. К тому же скоро оно и не понадобится, до осени еще далеко!

Я сел на корточки и задумался, как понесу такую гору. Все-таки вещей было немало:

огромная сумка, подушки, а тут еще и пальто! Тогда я надел пальто на себя, а подол за пояс заткнул, чтоб короче было. Но это не помогло, все равно оно до пят висело.

Выглянул во двор: Егорка стоял там, где мы договорились. Значит, бабушка Феня еще не вернулась.

До чего же жаркое было мамино пальто, просто ужас! И тяжелое к тому же! Путь в рукавах, я с трудом закрыл дверь. Потом перетащил сумку с подушками в лифт. И упал в лифте, потому что краем пальто за что-то зацепился. Еле встал. Спускался и только об одном думал: только бы бабушка Феня еще не вернулась, только бы не пришла!!!

Выбежал во двор и кричу Егорке:

— Эй!

А он на меня смотрит и не узнает. Еще бы, в маминим пальто! Я его расстегнул и руками замахал. Он обрадовался, что мы успели, и бросился ко мне. Пока подбежал, я еще два раза свалился. На пальто наступал потому что. Еле-еле мы его вдвоем стащили, и я вздохнул свободно!

— Давай развешивать скорее! — шепчу.

Хотя чего шептать-то, бабушки Фени не видно. А Егорка отвечает испуганно:

— Плечики забыл! Как же вешать? И прищепки! И веревку надо! До чего жадный вор попался! Даже ее утащил!

Тогда я снова домой помчался. Только пальто Егорке оставил, чтоб быстрее.

Открыл шкаф — все плечики заняты. И сколько их брать? На всякий случай взял все, а одежду, которая на них висела, стряхнул вниз. Сразу много места в шкафу появилось. Почему взрослые не кладут вещи насыпом, не понимаю!

Прищепки были на балконе. Там как раз белье сохло. Видно, мама утром повесила, когда я спал. Потрогал — сухое. Я сгреб его и бросил на пол, а веревку срезал вместе с прищепками.

Выбежал во двор — тишина. Егор по лавочкам подушки разложил — все как было. Мы быстренько повесили веревку, потом на плечики пальто, мамину кофту и папины свитера. И брюки развесили, прицепив их за пояс прищепками.

Отошли в сторону и залюбовались. Красота! Все как было! Ни за что не отличить!

— Пошли в песочницу, — сказал Егорка, — тогда бабушка Феня точно ни о чем не догадается.

Усталые, мы побрели к своему пляжу... сели на деревянный бортик. Наше разбросанное печенье клевали воробьи. Пакетик унесло ветром.

— Пить охота, — сказал Егорка и вытер вспотевший лоб.

Мы открыли бутылку, которая была вся в песке, и допили воду. Она была теплой и невкусной. Пить захотелось еще больше, но пойти домой было нельзя! Бабушка Феня должна была вернуться с минуты на минуту! Вот-вот!

И мы ждали. Долго ждали, но она все не шла и не шла...

Это было странно, потому что хлебный магазин был за углом.

— Может быть, она на рынок поехала? — предположил я.

— А может, она вора со своими подушками увидела и с нею прямо на улице случился сердечный приступ?! — выдохнул Егорка.

Я представил бабушку Феню, бодро шагающую с буханкой хлеба. Идет она себе, идет,

а навстречу ей вор в пальто дяди Мити, с подушками в руках. На нем, конечно, черная маска, чтоб никто не узнал. Бабушка Феня тут же закричала, потому что свои вещи увидела. А вор от неожиданности, наверное, подушку уронил. А может быть, бабушка Феня рассердилась и сама ее выхватила. Жаль, что у нее не было пистолета или хотя бы шпаги!

Вор, конечно, оттолкнул старушку и убежал. И тут, без сомнения, с ней случился сердечный приступ!

И во всем, во всем, во всем виноваты мы с Егоркой! Потому что за вещами не следили!

— Что мы скажем дедушке Мите, когда он на обед придет? — спросил я.

— Не знаю... — вздохнул Егорка. — Его надо как-то подготовить.

— Понятно, — согласился я, — давай начнем издалека. Например, спросим, служил ли он в молодости в армии.

— Это зачем? — удивился Егорка.

— Зачем, зачем! Он скажет: служил!

— Ну?

— А мы спросим: «А с бабушкой Феней вы когда познакомились — до армии или после?»

— Ну?

— Он скажет, например: «После». Хотя это все равно: до или после.

— Почему?

— Потому что потом мы скажем: «Вы только не волнуйтесь, у вашей бабушки Фени сердечный приступ, потому что подушки украли».

— Зачем же говорить, что украли? — возразил Егорка. — Вон они лежат.

— Ну, тогда просто скажем про сердечный приступ.

— Если про приступ, то можно, — кивнул Егорка.

Раньше я и не замечал бабушку Феню. Даже не очень ее из-за этих подушек любил.

А теперь вдруг почувствовал, что жалею ее, что она хорошая и добрая. Она мне когда-то карамельку дала. И кота своего разноцветного разрешала погладить.

Где она теперь? Жива ли?

— Уй, как хочется есть... — протянул Егорка. — Давай я домой схожу, принесу хлеба с колбасой!

От этих вкусных слов у меня в животе что-то заурчало и забулькало, но я строго сказал:

— Нет! Вдруг сейчас дедушка Митя придет? Вдруг с ним тоже сердечный приступ случится, когда все узнает? Я тогда с ним буду, а ты побежишь «скорую помощь» вызывать.

Бабушку Феню мы уже не ждали.

— Мне, наверное, мама звонила... Спросить, как я пообедал. Если я не буду долго брать трубку, она волноваться начнет, — вздыхал Егорка и канючил: — Ну Мишка! Ну давай! Я быстро сбегая. Колбаса же!

Но я его не пустил. Моя мама тоже волнуется. Но что волнения мам по сравнению с сердечным приступом бабушки Фени? А может быть, и дедушки Мити? Какая тут может быть колбаса?

И тут вдруг мы увидели ее!!! Не колбасу, конечно, а бабушку Феню! Живую и невредимую! Она вышла из подъезда и как ни в чем не бывало взяла ту подушку, на которой спал кот. И кота взяла тоже. Под мышку.

Мы со всех ног побежали к ней. На развешанную одежду она смотрела спокойно, видно, подмены не замечала. Мы хотели спросить, когда же она вернулась из магазина. Но бабушка Феня нас опередила.

— Что, Мишка, — спросила она, — тоже подушки сушить надумал?

— Где? — с непонимающим видом огляделся я. — Это же ваше!

— Я свое час назад домой занесла. Только вот Василия будить было жалко, так одну подушку с ним и оставила. А ты чего стесняешься? Если ты хозяйственный парень — это хорошо.

— А как вы догадались, что это мое? — сдавленным голосом спросил я.

— Чего ж тут догадываться. Я в окно видела, как ты все принес, а потом с Егором развешивал. Только ты, Михаил, поздно вынес, солнце-то уже прячется.

И она пошла к себе.

В нашем дворе живут три Миши. Я, Миша Чепыжный и какой-то детсадовец. Раньше нас путали. А теперь, когда хотят сказать обо мне, говорят: «Это тот Мишка, который подушки сушит». И маму мою называют «мамой Мишки, который подушки сушит», и о папе так говорят, и даже о моем коте Тишке.

— Вон, смотрите, — хихикают, — это кот того Мишки, который сушит подушки.

Это бабушка Феня меня на весь двор прославила. Всем соседям рассказала, какой я хозяйственный.

Она так и не узнала, что мы ее спасали...

КАК МЫ ПУТЕШЕСТВОВАЛИ

В тот день я проснулся рано-рано. По правде говоря, не сам проснулся, а мама с папой меня разбудили, когда уходили на работу. Мама сказала:

— Мишка, вставай!

А папа:

— Просыпайся, оболтус!

Мама сказала:

— Еда на столе! Позвони, когда поешь!

А папа:

— Не забудь вымыть посуду, тунеядец!

И ушли. А я потянулся, потом завернулся поплотнее в одеяло и стал думать о горькой жизни взрослых. У них нет каникул четыре раза в год. Им редко хочется сладкого. Им нужно зарабатывать деньги, готовить еду, следить за тем, чтобы дети хорошо учились, без конца зашивать штаны и носки. Взрослые не встречаются каждый день с друзьями, а только с коллегами по работе. У них не растут новые зубы, как у меня, а старые без конца портятся. Они должны мыть посуду и полы, стирать и гладить.

Они не могут бегать по улицам и кричать, прыгать на одной ноге и гоняться друг за другом. Взрослые редко катаются на роликах, велосипедах и никогда на санках. Они не прыгают через скакалки, не играют в прятки и вообще не любят игрушки. На работе у них куча этой самой работы, от которой они устают и еле добредают домой. А дома снова дела и заботы! Бедные-бедные мои мама и папа! Как это я раньше не задумывался об их горемычной судьбе? Я бы им больше помогал и чаще радовал...

Я даже решил, что не буду продолжать спать как обычно, а встану и сделаю что-нибудь полезное.

И я поел. И позвонил маме, что поел.

Потом задумался: что бы сделать полезного еще?

И вспомнил про посуду и вымыл ее. И убрал постель. А потом решил вытереть пыль. Сам себе удивился! Но когда я вытирал пыль на телевизоре, мне захотелось его включить. А когда включил, вытирать пыль дальше не было никакой возможности, потому что по телевизору шел фильм про Миклухо-Маклая! Я уже знал про этого путешественника немножко: нам Мария Степановна рассказывала в школе. Очень он тогда мне понравился! И фамилия, и приключения его — всё вместе! Миклухо-Маклай первый высадился в Новой Гвинее. И не побоялся, что его съедят местные племена (я бы, наверное, побоялся). Он привез папуасам подарки, первый показал им зеркало, остался жить у них два с половиной года и лечил папуасов и папуасиков, когда они болели. А они называли его человеком с Луны.

Я позвонил Егорке, а он сказал:

— Уже смотрю.

И через три минуты ко мне прибежал, потому что вдвоем смотреть интереснее.

А когда фильм закончился, Егорка закричал:

— Чур, я Миклухо-Маклай! Диван — корабль, пол — море, а ковер — Новая Гвинея!

Он прыгнул на диван, схватил тряпку, которой я пыль вытирал, и стал размахивать ею над головой:

— Приветствую тебя, туземец!

А я прыгал на ковре с половником вместо копия и кричал Егорке что-то непонятное на новогвинейском языке.

А потом мы подружились. Егорка принес мне кучу подарков: зеркальце из ванной, мамину шкатулку с бусами из спальни, посуду из кухни и мои игрушки. Такая гора получилась! Как же я мог не подружиться! А потом мы принесли два табурета, будто это лодка, и стали охотиться на Тишку, будто это акула. Мы бросали в него мягкими игрушками, и в конце концов Егор закричал:

— Мы ранили ее! Теперь она наша!

Но «акула» куда-то спряталась.

— Утонула, — сказал Егорка. И мы махнули на нее рукой.

Потом меня укусила змея, и Егор меня лечил. А потом мы играли наоборот: я был Миклухо-Маклаем, а Егорка — папуасом.

И скоро по комнате стало совсем невозможно ходить из-за разбросанных повсюду вещей. Мы устали и легли на диван.

— Знаешь, — предложил я, — давай станем путешественниками.

— Давай, — согласился Егор. — Когда?

— Ну когда вырастем!

— Что ты! — возмутился он. — Когда вырастем, мы можем передумать. Давай лучше сейчас. А к тому времени, когда вырастем, у нас уже привычка появится путешествовать.

— Куда же мы можем путешествовать? И на чем?

— Да хоть на трамвае! По городу! У нас ведь большой город!

— А мы не заблудимся?

— Как? В родном городе? — рассмеялся Егорка. — Да сядем на трамвай и будем ездить по кругу все изучать. Для начала.

— Ну ладно, — согласился я.

Если на трамвае, то ладно. Он нас довезет туда, откуда мы приехали.

— Денег нужно на два билета. Возьмем из моей копилки, — деловито сказал Егорка, — только потом. А пока то, что тебе мама на хлеб оставила.

И он показал мамину записку на столе и деньги.

Я знал, что из Егоркиной копилки ужасно долго вытряхивать монетки, и согласился. Егорка положил деньги в карман и побежал в прихожую.

— Ты что! А убирать? — рассердился я.

— Вернемся из путешествия и уберем.

— Давай сейчас, — настаивал я, — посмотри, какой раскардаш!

Егор застегнул сандалии, почесал коленку и сказал:

— Мишка! Мы же скоро вернемся! Вот Миклухо-Маклаю тоже небось все говорили: делай то, делай это, убирай, и все такое! А он не поддался обстоятельствам, сел и уехал в путешествие!!! Что ж, ты хуже?

«Еще чего!» — подумал я и не поддался обстоятельствам.

Тысячу раз мы выходили с Егоркой во двор и шли по нему в магазин, школу или еще куда-нибудь. Но ни разу не уходили путеше-

ствовать. У меня в груди что-то екало от волнения, было весело и немножко страшновато. Пусть сегодня мы поедем только на трамвае, но этот день мы запомним на всю жизнь. Когда мы станем знаменитыми седобородыми путешественниками и взрослые будут брать у нас интервью, они спросят, когда же мы решили открывать новые земли. И тогда мы с Егором расскажем про этот летний день, про трамвай и все остальное. Я вспомню, что сандалии были новыми и правый немножко натирал пятку.

Казалось, что впереди нас ждут какие-то тайны и приключения. Хотя какие могут быть приключения в трамвае?

Но оказалось, что я ошибался.

Сначала все было хорошо. Мы купили два билета и стали на задней площадке, чтоб вместе смотреть в окно. За стеклом проплывали магазины, рекламные щиты, школы и разные дома: одни красивые, другие не очень. Водитель объявлял остановки, мы старались запомнить улицы, но скоро все они стали казаться нам одинаковыми. Куда-то торопились люди, на лавочках отдыхали бабушки, и почти не было детей: наверное, они играли в своих

дворах. Потом стали появляться заводы, они дымили огромными трубами, вдоль них тянулись серые бетонные заборы, и это уже было совсем неинтересно. Трамвай чем-то гремел и позвякивал, в нем пахло нагретым железом и почему-то молоком. Потом мы ехали мимо леса, а может быть, парка. Мы с Егоркой к тому времени устали и сели на сиденье. Потом были опять дома и незнакомые улицы. И вдруг водитель сказал:

— Конечная!

Все люди вышли. Только мы с Егоркой остались в пустом трамвае и дедушка-кондуктор с длинными седыми усами.

Он показал нам на открытую дверь:

— Все! Конечная остановка. Приехали, молодые люди.

Но Егорка устроился поудобнее и объяснил:

— А мы по кругу!

— Тогда платите, — сказал кондуктор строго.

— Мы уже платили. Вот, — и я достал из кармана два смятых билетика.

— Это вы платили, когда садились. А уж после конечной остановки нужно платить снова.

Мы с Егоркой переглянулись.

— У нас больше нет денег. Мы не думали! — стали объяснять мы кондуктору, а заодно и водителю.

Но кондуктор сказал:

— Нечего тут! Вылазьте, если не думали!

А водитель протирал боковое стекло и вообще нас не слушал. Мы вышли. А трамвай уехал.

Солнце было уже высоко и припекало так, что я сразу вспотел. Очень хотелось пить.

— Ничего! — сказал Егорка. — Думаешь, Миклухо-Маклаю было легко?

Я так не думал.

— Давай следующий трамвай подождем и поедем обратно, уговорим кондуктора, — предложил я.

Егорка согласился, и мы стали ждать. На этой остановке не было ни лавочки, ни навеса, ни деревца, в тени которого можно было бы спрятаться от солнца. Мы сели на горячий асфальт и стали играть в крестики-нолики, потому что я в кармане нашел мелок.

Мы сыграли двадцать или тридцать партий вничью, изрисовали всю остановку решеточками, а трамвай все не шел и не шел.

— Мишка! Ты какой-то подозрительно красный, — сказал Егорка. — Давай разденемся, как папуасы, не так жарко будет. А футболки можно на голову повязать, чтобы не было солнечного удара.

Я сказал, что тогда нас в трамвай не пустят. Миклухо-Маклая небось тоже на корабль с футболкой на голове не пустили бы.

И вот наконец, когда наши волосы стали мокрыми, шорты от сидения на асфальте грязными, а руки белесыми от мела почти до локтей, — подъехал дребезжащий желтый трамвай-гармошка. В него зашли бабушка с маленькой девочкой и дяденька в строгом костюме и галстуке. И мы с Егоркой. Кондуктором в этом трамвае была толстая тетенька с кудрявыми, как у Пушкина, волосами.

Мы стали ей объяснять, что у нас нет денег, что мы не отсюда, и тетенька вроде бы нам поверила, но бабушка сказала:

— Ерунда! Я прекрасно знаю вот этого мальчика, — и показала на меня: — Он со мной в одном подъезде живет!

— Вы перепутали! — возмутился я. — Я никогда здесь не был!

— Нечего, нечего, — погрозила мне пальцем бабушка, — я тебя по футболке узнала. Иди домой! Ишь, чего удумал: по городу болтаться!

Тетенька-кондуктор тоже стала возмущаться:

— Ездят, ездят целыми днями! Лучше б уроки учили.

И дядя в костюме поддакнул:

— Вот-вот.

Это, наверное, они от жары забыли, что каникулы.

И снова трамвай уехал, а мы остались.

Странная бабушка! В такой кофточке, как у нее, тетенька на улице пустые бутылки принимает. Но я же не утверждаю, что та тетенька — это эта бабушка!

— Все! — сказал я. — Пошли пешком! Я уже не могу тут жариться, как сосиска какая-нибудь!

Егорка согласился, и мы побрели в ту сторону, куда уехал трамвай. Мы решили идти вдоль трамвайных рельсов, пока не попадем на нашу улицу.

— Сколько же нам придется брести? — размышлял Егорка. — На трамвае мы ехали час, а может, и два.

А мне было все равно сколько, очень хотелось пить, и все! Мне казалось, что через пять минут, ну, в крайнем случае, через десять я умру. Насовсем.

Мы зашли в какой-то двор и сели на лавочке у чужого подъезда. Лавочка стояла в тени больших раскидистых лип, их листья приветливо шелестели. Хороший был двор, уютный. Жалко, что не наш.

— А у меня дома компот в холодильнике, — зачем-то сказал Егорка, — и молоко... И сок в коробочке...

Я подумал, что если он еще чего-нибудь вспомнит, то я его стукну. Нахмурившись, я посмотрел на Егорку. Он сидел с полузакрытыми глазами и задумчиво облизывал губы.

Я испугался: вдруг он тоже решил умереть насовсем?!

— Знаешь что? Давай позвоним в любую квартиру и попросим воды! — предложил я.

Мы обрадовались этому простому решению и побежали в подъезд. В трех квартирах никого не было, а в четвертой открыла веселая девушка и спросила:

— Вам чего, чумазики? Если это конкурс на лучшего грязнулю, то ты, — она показала на меня, — выиграл.

— Нет, — пробормотал я, — никакого конкурса. Дайте попить, пожалуйста.

Девушка улыбнулась и принесла нам две чашки воды. Мы выпили и попросили еще. Она засмеялась и принесла еще две. Мы снова попросили еще. Тогда она набрала воду в большую двухлитровую бутылку:

— Хватит?

Мы десять раз сказали «спасибо» и, счастливые, пошли дальше вдоль трамвайных рельсов.

Тяжелую бутылку мы несли по очереди.

— Знаешь, Мишка, мы с тобой на собственном опыте открыли первое правило путешественника! — весело сказал Егорка. — «Нельзя идти в путешествие без запасов воды, еды и денег».

— И второе тоже открыли, — сказал я. — «Если не знаешь дороги — сиди дома».

Дело в том, что рельсы расходились в разные стороны и куда идти дальше, было непонятно.

Жаль, что у нас не было карты или проводника, как у Михлухо-Маклая. Мы стали спрашивать у прохожих, в какую сторону едет наш трамвай, но они отвечали разное. Одни показывали налево, другие направо, а какой-то дедушка в очках сказал, что такой трамвай здесь вообще не ходит.

— Знаешь, — предложил я, — поехали на метро!

— Без денег?

— Очень просто! Нужно проскочить, вот и все! Я видел однажды, как мальчишка так делал!

— Как проскочить? — удивился Егорка.

— Если пройти близко-близко за человеком, бросившим жетон, то успеешь.

— А ты пробовал? — недоверчиво спросил Егорка.

Я честно сказал, что нет. Но что было делать? Домой мы дойдем в лучшем случае к ночи, мама с папой к этому времени с ума сойдут. Найти телефон и позвонить им, сказать, что я потерялся, — это вообще было бы ужасно. Тогда меня на все лето в квартире запрут. Лучше уж один раз в жизни в метро проскочить. Ситуация же безвыходная! Я все это Егорке три раза объяснил, и он в конце концов согласился попробовать.

Мы расспросили прохожих, где метро, и уже через пять минут туда прибежали.

У турникетов было много народу.

— Я пойду первый, а ты смотри! — сказал я Егорке.

Мне было очень страшно. В будке сидела тетенька и наблюдала за входящими. Недалеко стоял милиционер.

Я пристроился за высоким парнем с гитарой на плече и, когда он бросил жетон, сразу рванул за ним. Носом я уткнулся в чехол гитары, будто клюнул ее. Парень на меня оглянулся, улыбнулся и пошел к эскалатору. Вот и все! Можно было ехать домой!

Я стал махать рукой Егорке, но он как-то кисло улыбался и смотрел на меня с испугом. Первый раз в жизни я видел его таким нерешительным.

— Давай, ну давай же, — шептал я ему, хотя знал, что он меня не слышит, — не бойся!

Егорка насупился и подошел близко-близко к толстой тетеньке в полосатом платье. У нее в руках была большая плетеная сумка, из которой выглядывала маленькая собачка с приплюснутой мордочкой.

Тетенька бросила жетон и стала проходить, Егорка поспешил за ней. Вдруг курносая собачка на него зарычала и стала лаять, как огромный волкодав! Тетенька всполошилась, прижала к груди сумку и закричала:

— Ой! Спасите! Помогите! Этот мальчишка хотел украсть моего Бульку!

Она схватила Егорку за шиворот и потащила к милиционеру. Егорка упирался, кричал, что у его мамы аллергия на шерсть, что никакой Булька ему не нужен, но милиционер уже сам шел к ним. Ужас!!!

Я не знал, как мне выйти обратно. Обнимал бутылку с водой и смотрел на плачущего Егорку. А он оправдывался, размазывая сле-

зы по щекам. Хозяйка Бульки кричала, милиционер тоже возмущался. А Булька лаял.

Я тогда подошел к тетеньке в будке и сказал:

— Можно, я здесь выйду? Я зашел, а папа мой нет. Наверное, он меня ищет около касс.

И тетенька меня выпустила.

Я подбежал к милиционеру и услышал, что он ругает толстую тетеньку. Оказывается, если у собаки нет намордника, ей нельзя ездить в метро. Тогда тетенька вытащила своего Бульку за передние лапки, подняла и стала размахивать им перед лицом милиционера:

— Вы считаете, это собака?! Да?! Это собака?!

Булька был крошечный, но лаял здорово, как взрослый пес.

— Что же это, кошка? — возмущался милиционер.

— А вы считаете, собака?! — кричала тетенька.

Я шепнул Егорке:

— Бежим!

И мы побежали. И выскочили из метро. И бежали еще два квартала, не оглядываясь. Бутылка с водой была тяжелой, била по ногам, и я в каком-то дворе ее выбросил.

Мы примчались к большому рынку и бросились в толпу. Не знаю, гнались ли за нами милиционер, тетенька и Булька или нет, но на рынке я сразу почувствовал себя спокойнее.

Мы с Егоркой отдышались, и он стал меня ругать, зачем я выбросил бутылку. Но идти обратно ее искать мы побоялись. Вдруг нас уже ищет вся милиция этого района?

А пить хотелось еще сильнее, чем раньше.

Вдруг я увидел у забора грузовик с арбузами. Несколько больших загорелых парней, в грязных джинсах, разгружали его, аккуратно складывая арбузы в решетчатый домик. Арбузы были маленькие, и какой-то парень сказал:

— Этот «горох» мы до вечера грузить будем.

И я толкнул Егорку локтем, а он меня. Мы переглянулись и побежали к машине.

— Дяденьки! — стали просить мы их. — Можно, мы вам поможем? Нам нужно заработать на два трамвайных билета и воду.

— Всего-то? — засмеялись парни. — Ну, помогайте.

Парни стояли цепочкой. Один из машины подавал арбуз вниз, другой брал и передавал

соседу, тот передавал дальше, и так до решетчатого домика. Мы хотели стать между ними. Но какой-то рыжий, в полосатой майке, стал у другого борта машины и подмигнул нам:

— А мы вторую цепь организуем!

И мы стали к этому рыжему парню. Он брал арбуз сверху, передавал мне, я — Егорке, а Егорка клал в домик.

Арбузы были горячие, блестящие и не очень тяжелые. Я сначала подумал, что это очень легкая работа: бери да передавай! Но

скоро, после пятнадцати арбузов, руки стали побаливать. Я посмотрел на Егорку, он щурился и тяжело дышал. А парни легко перекидывали арбузы, как мячики, поигрывая красивыми загорелыми бицепсами. Вот когда я пожалел, что у меня дома нет гантелей! Еще через полчаса моя спина заныла, руки стали деревянными, пот щипал глаза, я еле успевал его вытирать. Интересно, грузили так Михлухо-Маклай кокосы, зарабатывая себе на билет из Новой Гвинеи?

Сказать «Мы устали, можно отдохнуть?» было стыдно, а арбузов в машине было еще видимо-невидимо.

И мы снова и снова передавали их, пока рыжий парень, как будто прочитав мои мысли, не сказал: «Перекур!» Мы с Егоркой сели на какие-то коробки и закрыли глаза. Не знаю, что видел Егорка, а у меня катились арбузы, арбузы, арбузы... Я открыл глаза и снова увидел их. И отвернулся. В голове гудело и очень хотелось пить.

Угадывающий мысли рыжий парень дал нам бутылку с водой и сказал:

— Пейте, а потом умывайтесь. Уж больно вы замурзанные.

И мы выпили почти всю бутылку. Вода была холодная и очень вкусная... А когда мы умылись, парень сказал:

— Ну, на билеты вы точно заработали, — и протянул нам скомканную бумажку, — тут и на мороженое, и на лимонад хватит. А дальше мы сами разгрузим.

Мы взяли деньги, а он пожал нам руки, как взрослым. И другие парни тоже пожали. Ладони у них были большие и крепкие, как боксерские перчатки.

Когда я вырасту, у меня тоже такие будут.

И мы пошли и купили с Егоркой мороженое, которое называется «Фруктовый лед». Оно было самым дешевым, хватило каждому на три пачки. А сдачу отложили на воду и билеты.

Мы плелись, облизывая искристое мороженое, и пытались найти ту улицу, на которой была конечная остановка нашего трамвая, или любую другую, по которой мы шли раньше. Но все улицы были незнакомыми. Мы стали спрашивать, где проходит трамвай, но нам, удивительное дело, опять показывали в разные стороны!

— Слушай! — сказал я. — Вот похожая улица. Я ее по желтому киоску запомнил. Мы по ней к метро пришли!

Мы обрадовались и побрели дальше. Но чем дальше мы шагали, тем все незнакомее и незнакомее становилась местность. Домов становилось все меньше, рядами шли низкие серые гаражи... А недалеко то ли лес, то ли парк — какие-то заросли. Мы неизвестно зачем пошли туда.

— Что-то я устал путешествовать, Мишка, — вздохнул Егорка и сел под какой-то куст, как заяц, — давай полежим?

И мы легли на траву под этим кустом, стали смотреть в небо на плывущие лохматые ватные облака и вспоминать, как хорошо дома. Вспоминали так, будто мы были на Новой Гвинее и разделял нас с домом Большой Атлантический океан. Такой далекой казалась квартира с разбросанными игрушками, моими красками на столе и бубликами на кухне!

Я рассказывал Егорке, что мне нужно кормить Тишку, что, наверное, звонила мама, спросить, как дела, что Егоркина мама тоже его ищет, что дома нам попадет, если мы при-

дем позже родителей, а особенно мне, потому что кавардак. Егорка молчал, что ему было сказать? И я стал рассказывать ему мультик, который вчера видел. И я, наверное, интересно рассказывал, потому что молчание Егорки стало очень заинтересованным. А потом я предложил угадывать, на что похожи облака. И Егорка молча согласился. Молчание ведь, как известно, знак согласия. И большое белое облако, которое было над нами, показалось мне похожим на цыпленка. Я стал объяснять Егорке, где у облака клюв, где крылья и лапки. И Егор теперь молчал одобрительно.

Потом я сказал:

— А сейчас ты.

Следующее облако было каким-то непонятным. Егорка молчал, раздумывая. Я и сам не знал, на что оно похоже. Ветерок гнал его, и я боялся, что оно утлывет, а мы так ничего и не придумаем.

И я сказал:

— Ну, говори что-нибудь. Вот уже следующее облако плывет, мое.

А Егорка молчал. Тогда я крикнул ему:

— Эй!

Но он снова не отозвался.

И тогда я на него посмотрел. Егорка спал, свернувшись калачиком, и никакие облака не разглядывал. И может, даже про мультик не слушал. Сначала я хотел разбудить его и возмутиться. А потом мне стало его жалко. Ведь даже великие путешественники устают от путешествий!

И я стал сам смотреть на облака. Нам в школе рассказывали, что облака — это воздух. Может быть, это и так. Но они так похожи на мягкую пушистую вату! Я стал представлять, как здорово по ним гулять. Ноги, наверное, утопают в облаке по колено, и ходить тяжело. Лучше лечь на живот и смотреть на все, что проплывает внизу: на дома, машины, на идущих людей, на спящего Егорку. И тем, кто понравится, отрывать от облака кусочки и бросать вниз. Я бы бросил Егорке. То-то бы он удивился! А я бы ему помахал рукой. А он бы спросил: «Как ты там очутился?!» А я бы пожал плечами. А он бы закричал: «Эй, Мишка!» Это «Эй, Мишка!» я несколько раз услышал, а потом меня кто-то толкнул.

Я открыл глаза и проснулся.

— Сонная тетеря! — крикнул Егорка и показал мне язык.

И мы немножко в траве поборолись, а потом поиграли в папуасов: просто гонялись друг за другом и кричали на разные голоса. А потом вдруг увидели, что стало смеркаться. Мы спросили у прохожих, сколько времени, и побежали обратно к рынку. Через час мама с папой домой вернутся! Ой-ой-ой!

— Егор! — кричал я ему на бегу. — Мы больше не будем искать улицу с желтым киоском! На трамвае ехать долго. Давай на метро!

— Ты что, на метро! — кричал Егорка. — Милиционер нас узнает!

— Он нас не увидит!

Я убеждал Егорку, что все люди сейчас с работы возвращаются домой. В метро толчея. Купим жетоны и пройдем.

— Вот когда будем покупать, он нас и увидит! — тревожился он.

И тогда я стал объяснять, что таких чумазых мальчишек, как мы, с грязными коленками и в похожих футболках, полстраны. Но Егорка почему-то думал, что он особенный, и не соглашался. Тогда я сказал:

— Давай футболками поменяемся. Милиционер запомнил, что ты в зеленой, а ты наденешь красную.

Егорка облегченно вздохнул и согласился.

— Фу! Какая грязнящая у тебя футболка, — поморщился он.

Я посмотрел на Егоркину. Я знал, что вообще-то на ней нарисован львенок, но сейчас даже рисунка не было видно, вся она была темно-серой, в прилипших травинках. Мы поменялись. Егорка спросил:

— А ты не боишься в моей футболке? Вдруг милиционер нас перепутает?

Я не боялся. Я думал, что в такой футболке меня все бояться будут. И в метро не пропустят, потому что я там всех перепачкаю.

Милиционера около метро не было. Зато людей! Много-премного! Мы стали проталкиваться к кассе — там оказалась длинная очередь. Я испугался, что домой попаду позже мамы, и стал просить:

— Пропустите меня вперед, пожалуйста, у меня дома кот некормленный!

Все почему-то рассмеялись, и дяденька, стоящий у окошечка, сказал:

— Ну, проходи, любитель животных.

Я купил два жетона, сказал «спасибо», и мы с Егоркой помчались к турникету. Прощи, стали на эскалатор. И тут на другом

эскалаторе я увидел Егоркину маму! Мы с Егоркой присели на корточки, чтобы она нас не заметила. И так на корточках доехали вниз. Мы прятались от Егоркиной мамы за людьми, за большими мраморными колоннами и, когда подошел поезд, сели в другой вагон.

— Главное, когда будем выходить, не встретиться на эскалаторе, — испуганно шептал Егорка, — и потом, около метро. А около дома можно встречаться. Около дома мне мама гулять разрешает.

— Ты и мою маму в толпе высматривай, — попросил я, — моя мама тоже может с работы идти.

Вот как мы возвращались из путешествия! Тайком, с опаской, скрываясь и оглядываясь!

Миклухо-Маклай так небось никогда не возвращался!

Егоркина мама вышла из метро и пошла в магазин. Как мы обрадовались! Может, и моя мама там задержится: купит халвы, например, или пряников?

Со всех ног побежали мы с Егоркой домой. Хорошо, что метро от нас близко!

Я бежал и думал: «Только бы мамы не было дома! Только бы мамы не было дома!» Потому что папа всегда позже приходит!

Я кричал Егорке:

— Сейчас сразу ко мне — убирать!

А он:

— Я на минуточку домой заскочу, кровать заправлю!

— Зачем ее заправлять? Скоро спать ложиться!

И тут, когда мы подбежали к дому, я увидел в своих окнах свет.

— Иди, заправляй, — сказал я убитым голосом. — Моя мама уже дома.

Но я ошибся. Не только мама, но и папа ждал меня там. В кавардаке.

— Где ты был?! — спросила мама.

— Где хлеб?! — спросил папа.

— Почему ты такой грязный?! — спросила мама.

— Почему погром в квартире?! — спросил папа.

— Где твоя футболка? — спросила мама.

— Ты что, глухой?! — спросил папа. Грозно спросил...

Я не знал, на какой вопрос ответить в первую очередь, и молчал. И папа с мамой принялись переспрашивать про хлеб, погром и футболку громче прежнего.

Тогда я осторожно, издалека, с самого начала стал рассказывать. Сначала про Миклухо-Маклая вообще, потом про кино, потом про Егорку... Но папа как закричит:

— Михаил, не морочь нам голову! Где ты был?!

И я сказал, что не знаю, где я был, точно. Но где-то был. Играл в крестики-нолики и папуасов, рассматривал облака, разгружал машину с арбузами, пожимал огромные руки, ел мороженое, спал под кустом, убегал от милиционера, просил воды в чужом доме.

Чем дольше я рассказывал, тем больше расширялись глаза у моих папы с мамой.

Наконец папа спросил:

— И как это называется?!

Я сказал:

— Путешествие. Как у Миклухо-Маклая.

Я не буду рассказывать, что было дальше. Если бы Миклухо-Маклая так ругали, он бы никогда никуда не поехал.

А Егоркина мама ничего не узнала. Он и постель заправил, и умыться успел, и переодеться. И мармелада наесться, который мама из магазина принесла.

На следующее утро Егорка прибежал с моей грязной футболкой и спросил прямо с порога:

— Поехали? Снова в путешествие поиграем?

А я объяснил, что мне нельзя на улицу, нельзя к нему в гости и что мама мне звонит каждый час.

— А ты что?

— Ничего. Сегодня играю в Шишкина. Медведей рисую.

— Какие у тебя строгие мама с папой, — сказал Егорка, — просто ужас!

И тогда я ему объяснил все про жизнь взрослых. Про то, что у них нет каникул четыре раза в год, что у них не растут новые зубы, а старые только портятся, что их не интересуют ролики и игрушки, что много работы, грязных футболок, дырявых носков...

Что папа каждый день бреется, а щетина все растет и растет, а тут еще я со своими путешествиями.

И Егорка сказал:

— Тогда конечно. Их жизнь довела.

И мы стали рисовать медведей вместе. Я рисовал, а Егорка позировал: он рычал, вставал на четвереньки и замирал в нужных позах. У него это здорово получалось.

Я нарисовал медведя, медведицу и медвежонка. А потом пририсовал к ним рюкзаки и отправил в путешествие!

Вместо меня.

ЕСЛИ БЫ У МЕНЯ БЫЛА СВОЯ ПЛАНЕТА

Когда-то мы с мамой читали книжку про мальчика, у которого была своя собственная планета. Правда, маленькая и с вулканами, которые нужно было чистить. Но своя.

И мальчик был не просто мальчик, а маленький принц, с короной на голове. Правда, толку от этого не было никакого, потому что он жил на планете один-одинешенек. Кем было командовать? Некем! Он сам планету убирал и сам пропалывал сорняки.

Но вообще, это здорово, когда есть своя планета! Я часто мечтал о том, что бы я делал, если бы она у меня была... Мечтал, когда ложился спать, мечтал, когда шел в школу, и даже когда в ванной лежал — мечтал.

Уж там, на моей бы планете, никто не сказал бы:

— А ну, Мишка, убирай в комнате!

Или:

— Где это ты так штаны извазюкал?!

Или:

— Снова двойку принес! Пока не исправишь — гулять не пойдешь!

Будто без свежего воздуха голова лучше соображает!

Там никто не выбросит кило нужных фишек, полгода собираемых на улице. И никто не отдаст старые тоненькие детские книжки каким-то неизвестным детям неизвестной тети Зины! Они их, может, порвут! А что я их

уже не читал — это ничего, я их любил!!!
Только никто не задумался, что это важно!

Нет, на моей планете такого бы не случилось!

На моей планете не варили бы молочный суп с пенкой. Там вообще бы не было коров, потому что я не люблю молоко. Там бы не выращивали овес, потому что я ненавижу овсянку! И еще там бы не было свеклы и капусты!

Думаете, я скажу, что там бы не было школы? Как бы не так! Я понимаю, что нужно учиться! Но на моей планете учились бы в субботу и воскресенье, а в остальные дни отдыхали! Сами подумайте, с каким бы удовольствием все дети шли в школу! Как на праздник!

А в школе бы не разрешали вести себя тихо. Тех ребят, кто не бегают по коридору, отводили бы к директору. Привели бы такого скучного и сказали:

— Вот! Какой-то сонный, стоял у стены, повторял домашнее задание!

А директор бы нахмурился:

— Наказание мне с вами! Ну-ка, три круга по кабинету на одной ножке! И завтра

в школу — родителей! Да пусть не подумают идти ко мне ногами, только на роликах!

Вот это была бы жизнь!!!

А к доске бы никого не вызывали вообще! Только тех, кто сам захочет. И идти туда обязательно так: девочки, прыгая через скакалочку, а мальчики — на руках.

А оценок бы было две: «пять» и «четыре». А если кто урок не выучил — не беда, тут же учительница напишет в дневнике: «Уважаемые родители! Ваш ребенок устал учиться! Немедленно купите ему килограмм конфет и десять билетов на карусели!»

А на улице что бы было... Везде бы, ну просто повсюду, стояли бы качели и батуты!

И у каждого взрослого, даже у старенькой бабушки, была бы такая книжечка, где отмечалось бы, сколько в день она покаталась или попрыгала. Потому что нужно — пять раз. А если только четыре — сразу в милицию или штраф!

А почему? А потому, что качели и батуты здорово поднимают настроение! И все взрослые были бы тогда веселые.

Еще детям бесплатно бы давали мороженое. Сколько хочешь. Думаете, все бы объ-

елись и заболели? Как бы не так! Когда каждый день можно есть сколько хочешь, много почему-то не съедается.

И еще всякие тополя и клены росли бы в лесу. А на улицах только груши, абрикосы и яблоки. Нет, еще финики, апельсины и мандарины. И еще, конечно, ананасы, бананы и киви!!!

Может, я еще что-то забыл, но, если бы у меня была своя планета, я бы обязательно вспомнил!

Хотя тополя все-таки пусть остаются. От них пух веселый, и, когда он в белые полянки или дорожки скатывается, его поджигать можно.

На моей планете бы никто не кричал:

— Прекрати, рядом гаражи!

Или:

— Город решил спалить?! Отдай спички!

Нет. Милиционеры бы сами говорили детям:

— Слишком много пуха!

И каждому давали зажигалку!

А взрослые пусть смотрят, завидуют и вспоминают, как они были маленькими!

И еще на лавочках бабушкам и дедушкам сидеть бы не разрешалось. Вышел на

улицу — значит, прыгай в классики или мелками рисуй.

В моем городе весь асфальт был бы разрисован. И заборы! И стены домов до крыш! Никто бы не говорил:

— Я живу в доме № 40/26, ну знаете, такой желтый, на углу!

Номеров домов вообще бы не было!

Говорили бы:

— Я живу в доме, на котором нарисованы самолеты.

Или:

— Мой дом желтый в синюю крапинку.

И всем сразу было бы ясно! И издалека нужный дом было бы видно! И не нужно подходить близко, искать вывеску с цифрами.

И еще — в каждом дворе стояли бы бочки с квасом!

Пей, когда жарко, сколько влезет!

На моей планете всегда было бы лето. Там не шили бы тяжелые шубы, пальто, ботинки и сапоги!

Все: и взрослые, и дети — ходили бы в шортах! Даже бабушки и дедушки! А длинные брюки — только на случай дождя.

На трамваях, троллейбусах, метро и автобусах все ездили бы бесплатно. И детям бы давали порулить, когда захочется.

А если концерт, например, то, перед тем как начать, детям позволяли бы поиграть на скрипках, виолончелях и подудеть в дудки! У них бы, конечно, не получилось, зато потом, когда концерт начался, дети бы с большим интересом слушали, как красиво могут играть эти инструменты. И сами бы, наверное, захотели идти в музыкальные школы!

На моей планете не разрешалось бы приводить ребенка за шкурку на фигурное катание, гимнастику, английский язык или в художественную школу.

Дети бы сами выбирали, ходить им куда-то или сидеть дома. А если бы все хотели стать футболистами, я построил бы сто футбольных школ, а если не хватит, то двести. Я бы никуда не отбирал ребят по конкурсу! Иди куда хочешь!

На моей планете никогда не будили бы детей утром. А будильники я запретил бы делать вообще! А может быть, и часы, я еще не знаю.

Я еще не все придумал. Времени не хватает.

Только точно: я бы не полол сорняков, как тот мальчик из книжки, и вулканы не чистил. Потому что я и ботинки-то чистить не люблю.

Он ведь один был, а на моей планете жило бы много-много людей. Кто-нибудь из них обязательно бы любил полоть и чистить. Но я бы не командовал ими, я бы вообще корону не носил. Был бы обыкновенный мальчик. И никто бы даже не знал, что это моя планета. Только я.

Главное ведь не корона, а чтобы всем было хорошо! Всем-всем-всем! И мне, конечно!

Ведь все-таки она моя, эта планета!

ПРОЩАЙ, МАШКА!

Вчера мы в классе читали стихотворение «Птичка» Александра Сергеевича Пушкина, и там были такие строчки:

На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

И Мария Степановна рассказывала нам, какой красивый это был обычай, а потом

объясняла, почему ей жаль птиц, ежей, черепах, которые томятся у людей в неволе.

А когда она закончила, все на меня посмотрели. Потому что у меня дома жила черепаха. Мой папа ее на трассе нашел. Я черепаху свою очень-очень любил, но уже и сам давно думал: зачем папа ее забрал с дороги? Вдруг она к своим деткам шла? И они ее ждали?

Я представлял себе, будто я черепаший детеныш, сижу в темной норке голодный, плачу, зову маму, — и от всего этого у меня даже слезы на глаза наворачивались!

Черепаха жила у меня уже три месяца и две недели, но так никого: ни меня, ни маму, ни папу, ни Тишку — не полюбила. Она почти все время сидела под шкафом, а когда я брал ее в руки, прятала голову под панцирь.

— Ты что? — объяснял я ей. — Я не виноват! Это все папа!

И стучал по панцирю пальцем. Только черепаха мне не верила. И была вообще-то права. Если бы не я, разве папа привез бы ее домой? Просто перенес бы через дорогу, чтобы машины не раздавили.

Черепашу я назвал Машкой, но она на это имя никогда не откликалась. Я никогда не видел, как она ела, хотя следил, чтобы в блюдечке была еда. Я редко видел даже, как она ползала. Наверное, она ела и ползала, когда я спал. Я купал ее в тазике, а иногда и в ванной, но она радостно плыла только до стенки. А когда упиралась в нее, то замирала и больше не двигалась. Скоро мне это надоело, и я пускал Машку в воду все реже и реже. По правде говоря, я даже забывал иногда, что у меня есть черепаха!

Но все ребята, которые приходили в гости, очень мне завидовали и говорили:

- Здорово!
- Повезло тебе!
- Ух ты!

Они переворачивали ее, рассматривали, удивлялись, свистели и щелкали языком, чтобы черепаха высунула голову. Но Машка была к ним так же равнодушна, как и ко мне.

Леша Герасимов сказал даже:

— Или у нее головы нет, или она у тебя дохлая!

Будто без головы она может быть живая!

— Просто стеснительная, — объяснил я.

И Леша два часа у меня сидел, ждал, когда Машка к нему привыкнет и выглянет. Так и не дождался.

Не мог же я сказать ему, что и сам редко Машкину голову вижу!

Мысли о черепашкиных детях не давали мне покоя, пока я не додумался, что у них, как и у меня, есть бабушка и, конечно, папа. Додумался и немножко успокоился.

А тут Мария Степановна с этим стихотворением! Она его даже нам домой задала выучить.

Я маршировал по квартире, смотрел в окно на желтые листья и твердил:

В чужбине свято соблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Непонятно, почему Мария Степановна задала нам это стихотворение в сентябре? Обычно мы осенью учим про осень, зимой про зиму, и про весну, когда она придет.

Я повторял второе четверостишие, прыгая на одной ноге, чтобы легче училось, и получалось так:

Я стал доступен утешенью;
Топ-топ!
За что на Бога мне роптать,
Топ-топ!
Когда хоть одному творенью
Топ-топ!
Я мог свободу даровать.
Топ!!!

Это я в конце обеими ногами прыгал, чтоб понятно было, что конец. Я учил и не очень задумывался, про что учу. Я только про наш двор думал, про то, что мы вчера не доиграли в футбол. И еще думал, что, если Сережка из второго подъезда будет опять подножки ставить, я ему наподдам хорошенько! От долгого прыганья у меня заболели ноги, и я сел на пол, продолжая повторять, что «стал доступен утешенью».

И тут вдруг увидел Машку. Она вылезла из-под шкафа, высунула свою маленькую морщинистую мордочку и смотрела на меня большими грустными глазами!

Я обрадовался, что Машка любит стихи! Залез на стул, чтобы она меня лучше видела, и с выражением начал:

— Пушкин! «Птичка»!

Машка все так же смотрела на меня! Я почувствовал себя артистом и, решив, что публики недостаточно, слез. И притащил кота и посадил его в кресло.

Но пока я его искал, черепаха спряталась. Тогда я начал снова:

— Пушкин! «Птичка»!

В чужбине свято соблюдаю
Родной обычай старины...

И под шкафом опять раздался шорох, быстро заскребли по полу Машкины лапки, и скоро она вылезла и заинтересованно уставилась на меня. Чудеса! Я подумал, что с ней можно будет на школьном утреннике выступать. Бывают заклинатели змей: они дудят в дудочку, а змеи вылезают из мешка и завороченно слушают, вытянувшись столбиком. А я буду заклинателем черепах! И может даже, про меня напишут в газете! Возможно, я уникальный человек, единственный на планете! Может, у меня голос какой-то

необыкновенный, может, для черепах это самый приятный голос в мире! И мой удивительный голос запишут на кассеты и будут продавать по всему земному шару, чтобы люди могли дрессировать черепах! Ведь дрессируют же медведей, тюленей и даже кошек! Я представил себе афиши, на которых огромными разноцветными буквами написано:

**СЕНСАЦИЯ!
ДРЕССИРОВАННЫЕ ЧЕРЕПАХИ!
ТАИНСТВЕННЫЙ ГОЛОС
МИХАИЛА ЧЕРКАШИНА
ТВОРИТ ЧУДЕСА!**

Да, это было бы здорово! Но лучше я не буду разрешать записывать свой голос. Лучше я сам буду дрессировать черепах и ездить с ними по всему миру! Поеду в Японию, в Америку, в Сингапур! Все страны будут умолять меня приехать именно к ним. Каждый день почтальон будет приносить мешки телеграмм, открыток и писем с одной-единственной просьбой: приехать на гастроли!!!

Да... Учиться мне будет некогда... Прощай, школа! Прощай, Мария Степановна! Прощай

русский язык с суффиксами и приставками и математика с таблицей умножения тоже!

Я представил, как схожу по трапу в огромном заграничном аэропорту. Перед трапом лежит длинная красная дорожка, и я иду по ней, скромно опустив глаза, а за мной строем ползут мои дрессированные черепахи! Штук двадцать! А может, сорок! А может, сто! Если сто, то их, конечно, нужно научить ходить шеренгами, как солдат.

Вокруг, разумеется, журналисты, репортеры! Щелкают фотоаппараты, мне протягивают

цветы, подносят хлеб-соль на вышитом полотенце — или что у них там? Бананы с ананасами на подносе!

А в это время где-то далеко ребята пишут диктант и мучаются, как правильно: «солнце» или «сонце», «агурец» или «огурец»? Да, пожалуй, до зимы мне уже не доучиться! Зимой я, наверное, буду где-нибудь на Занзибаре!

И тут мне стало жалко Егорку. И я решил взять его с собой. Он, конечно, не сумеет дрессировать черепах, но и ему дело найдется. Он может, например, их кормить. Собирать листья одуванчиков и варить кашу, резать яблоки на маленькие кусочки и тереть морковку.

Я тут же побежал ему звонить.

— Что делаешь? — спросил я.

— Природоведение. Календарь погоды заполняю. Не знаешь, какая вчера была температура?

— Не знаю и знать не хочу! — сказал я, торжествуя.

— Почему? — удивился Егорка.

— Потому что Занзибар! — ответил я таинственно. — Дуй ко мне!

Конечно, Егорка через пять минут прибежал.

— Какой Занзибар? — спрашивает.

Я его усадил на диван и подмигнул:

— Ты только не волнуйся! Успокойся!
Давно ты видел Машку?

— Давно... Что, все-таки Вовка выпросил?
Ему подарил, а мне нет?!!

Егорка обиженно засопел и надулся.

— Никому я ничего не дарил! Смотри!
Сейчас Машка под шкафом!

— Ну...

Я залез на стул, вытянул руки по швам и
с выражением начал:

— Пушкин! «Птичка»!

Егорка смотрел на меня как на ненормаль-
ного. Ничего, ничего, думал я, что ты дальше
скажешь! И продолжал:

В чужбине свято соблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

При слове «соблюдаю» лапки яростно за-
скребли, а после «выпускаю» Машка вылез-
ла вся и вытянула свою коротенькую шею,
стараясь получше услышать про «светлый
праздник».

А когда я дошел до слов «Могу свободу даровать», черепаха уже была около стула. Наверное, если бы Пушкин написал третье четверостишие, Машка как-нибудь бы и на стул вскарабкалась!

— Видал? — торжественно спросил я Егорку.

— Ага... Чего это с ней? Стихи, что ли, любит?

— При чем тут стихи?! — удивился я. — Это мой голос!

— Чего голос?

— Слышит мой голос, ей нравится, и она вылезит!

— А раньше чего ж не вылазила?

— Раньше я ей так много не говорил. Просто звал ее «Машка, Машка!», и все! А сегодня она заслушалась.

Но Егорка сомневался:

— Что ж, ты раньше других стихов не учил?

— Конечно, не учил! Мы ж всего две недели в школе! Ты, что ли, летом учил стихи?

— Не-а, — согласился Егорка.

— А мне черепаху папа в первый день лета подарил. Так она и жила без поэзии!

— Теперь понятно... — кивнул он.

Пока мы разговаривали, Машка спряталась под шкаф опять.

— Можно я попробую? — спросил Егорка.

— Давай. Только не про птичку. Про птичку — я ее сам дрессирую.

Егорка наморщил лоб, что-то забормотал, задумался... Потом влез на стул и начал:

Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу,
Все равно его не брошу
Потому что он хороший!

Под шкафом было тихо.

Егорка подумал-подумал и продолжил:

Валенки-валенки!
Не подшиты, стареньки!

Машка даже не шевельнулась.

— Какие валенки, какая лапа?! — набросился я на Егорку. — Черепахи триста лет живут! Может, моей сто пятьдесят, а ты ей какую-то ерунду рассказываешь!

Егорка слез со стула, сел на пол и стал ерошить волосы обеими руками, будто там стихи прятались и он надеялся их оттуда

вытащить. Он кусал губы, морщил лоб, ложился на живот, тер уши, нос, вытягивал губы трубочкой. И наконец все это помогло!

— Вспомнил! — закричал Егорка.

И снова залез на стул.

Однажды в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел, был сильный мороз.
Смотрю, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.

Под шкафом было так же тихо.

— Да она заснула, твоя черепаха! — с досадой сказал Егор. — Ты ее «Птичкой» замучил. Она теперь неделю не покажется.

— Ха-ха! — сказал я.

И даже на стул залезать не стал.

— Пушкин! «Птичка»! В чужбине свято соблюдаю...

Машка заскребла лапками

— Святой обычай старины...

Машка наполовину вылезла.

— Дальше не буду! — сказал я ей. — Устал!

Но черепаха не сводила с меня влажных глаз.

— Ух ты! — протянул Егорка. — Как это ты ее выдрессировал?

— Само собой получилось, — сказал я честно, — учил себе учил, прыгал-прыгал, а она вдруг выползать стала.

— Может, она Пушкина любит? — предположил Егорка. — У тебя есть Пушкин? Давай ей другие стихи почитаем!

Мы стали искать на полках книги Пушкина, и, пока искали, Машка скрылась под шкафом.

— Нашел! — закричал Егорка. — Вот я ей сейчас чего-нибудь расскажу...

У Лукоморья дуб зеленый
Златая цепь на дубе том...

Он долго читал и с выражением, но черепаха будто не слышала.

— Видишь, дело не в стихах и не в Пушкине, а в моем дрессировщицко-черепашеском голосе! Теперь, Егорка, у меня другая жизнь начнется. Если ты умеешь морковку тереть — поедem на Занзибар!

Егорка глаза вытаращил:

— Какая жизнь? Какая морковка?

И я ему все-все рассказал: и про черепах, идущих строем, и про мешки писем

и телеграмм, и про то, что я, может, брошу школу, чтобы посвятить себя дрессировке!

— Не может быть! — ахнул Егорка.

— Может, — сказал я грустно, потому что мне уже жалко было расставаться с классом, мамой, папой, Сережкой, который, в общем-то, когда подножки не ставит, хороший человек.

И я заученно, без выражения, даже не оборачиваясь на шкаф, начал снова:

— Пушкин! «Птичка»!

— Да что ты одно и то же заладил, как попугай? Ты ей что-нибудь другое расскажи. Проверь, как она реагирует.

— Еще как реагирует! — хмыкнул я и, не глядя, открыл книгу Пушкина. — Вот:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет...

Под шкафом — ни шороха. Уснула она там, что ли? Я залез на стул и с выражением продолжил:

То заплачет, как дитя!!!

Я еще долго читал: стихотворение было длинным. Но Машка так и не появилась.

— А ну, начни «Птичку»! — посоветовал Егорка.

И я начал. И заскребли лапки, и Машка просто пулей вылетела из-под шкафа! Чудеса!

И тогда мы с Егоркой стали экспериментировать. Мы читали, стоя на стуле и лежа около шкафа. Мы перебрали всех поэтов, книги которых нашли дома, а потом перешли на прозу.

Мы читали ей смешные рассказы Носова и упражнения из учебника. Мы пели ей песни. И поодиночке, и дуэтом! Но Машка вылазила только на «Птичку».

— Ничего! — сказал я Егорке, когда мы, устав, легли с ним на ковер. — С «Птичкой» тоже можно выступать. Хоть на утреннике.

Мы лежали среди разбросанных книжек и устало дышали.

— Слушай... — прошептал Егорка, — а если она все понимает?!

— Кто?!

— Машка твоя. Она очень хочет, чтоб ты ее выпустил. И когда ты читаешь эти стихи,

она думает, что вдруг и ты можешь «свободу даровать»? И вылезит, и смотрит на тебя во все глаза: дошло ли до тебя, как это здорово кого-нибудь выпускать на волю?!

Я тогда лег на живот и вытащил Машку из-под шкафа. И, держа ее в руках, тихонечко стал рассказывать ей про птичку. А она смотрела на меня так грустно, так устало, такими измученными тоскливыми глазами!

— Видишь? — сказал Егорка. — О детках своих думает.

— У них, может, бабушка есть и папа, — объяснил я, — а с ней мы бы на праздниках выступали. Она бы знаменитой артисткой стала!

— Эх ты! — с презрением сказал Егорка. — Если бы у тебя маму украли, хорошо тебе было бы с папой и бабушкой?

— Дурачок, что ли?!

— А если б ты знаменитым артистом стал?

— Да не хочу я артистом! Я маму люблю!

— И она не хочет, — задумчиво сказал Егорка. Он забрал черепаху и спросил ее: — Не хочешь?

И нам обоим показалось, что черепаха кивнула. Или моргнула? Или шеей дернула?

Ну, в общем, поняли мы вдруг, как ей тут плохо: среди шкафов и стульев.

— Как же я ее выпущу? — стал объяснять я Егорке. — Папа же ее за тридевять земель подобрал. На какой-то дороге. Если я ее около дома выпущу, она к той дороге еще сто пятьдесят лет ползти будет.

— А ты папу попроси ее туда же отвезти! — предложил Егорка.

И мы побежали звонить папе.

И оказалось, что папа помнил, где подобрал Машку, что это даже недалеко.

— Папа! Папа! — закричал я в трубку. — Давай сегодня вечером ее туда отвезем! У нее черепашки. Ей плохо!

— Чего это ты вдруг? — удивился папа.

Но согласился. Он сказал, что, конечно, черепаха должна жить в норке, если она сухопутная, или в воде, если она пресноводная, и греться на солнышке, когда ей захочется, а не сидеть под шкафом.

И мы с Егоркой закричали: «Ура!» И стали прыгать, и бегать, и орать как дикари!

А вечером мы поехали все вместе: я, папа, Егорка и Машка за город. Папа сказал:

— Это близко. За заправочной станцией левый поворот.

И мы проехали заправочную станцию и повернули налево.

— Тут! — сказал папа уверенно.

Мы все вышли из машины.

— Куда она шла? — спросил я папу.

Папа показал. С твердого асфальта трассы мы ступили на мягкую землю Машкиного царства, усыпанную желто-красными листьями. Как здесь было красиво! Над головой шумели березы, осины, ели и всякие другие деревья, названия которых я не знал. Блестело солнце сквозь паутинки на ветках, где-то стучал дятел.

Под кустом в примятой траве мы увидели гриб с лакированной шоколадной шляпкой, с прилипшими мокрыми иголочками. Я присел, чтобы получше его рассмотреть, и обнаружил маленький муравейник, который, наверное, только-только начали строить. Мы разглядели паука, плетущего на осине кружевные домики. Увидели улитку, которая ползла по огромному листу лопуха, оставляя за собой влажную дорожку. Все жило и радовалось! Не хватало только Машки.

Я опустил ее на землю и думал, что она сразу побежит. Но Машка спрятала голову в панцирь и замерла.

Тогда мы ушли за куст, сели на корточки и оттуда следили, что она будет делать.

И Машка наконец сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее поползла по шуршащим листьям.

А мы поехали домой.

Ночью в кровати я все думал, как она добралась до норки, и представлял это. И от прочитанных за день стихотворений я сам вдруг стал думать в рифму. И сочинил стихи про Машку:

Я черепаху выпускаю
Сентябрьской теплою порой!
И от души я ей желаю
Скорее поползти домой!

Чтобы обнять черепашонков
И черепаху, мать свою!
А Черепах-муж скажет:

— Маша! Не покидай свою семью!

Я их долго сочинял, полночи. И получилось хорошо, не хуже «Птички», по-моему.

На следующий день я их в школе рассказал на уроке природоведения. И Мария Степановна похвалила, что я черепаху выпустил. И тут все стали кричать:

- А я вчера щегла отпустил!
- А я скворчонка!
- А я ужа!
- А я ежика!

Вот какой зверинец ребята летом вместе с грибами и ягодами собрали!

А Мария Степановна улыбалась и говорила, что у нас доброе сердце. Тут я понял, зачем она стихотворение про птичку учить задала.

Но почему Машка вылазила — осталось для меня загадкой. Папа говорит, что снача-

ла от прыжков моих, а потом и правда на это стихотворение выдрессировалась.

Теперь уже не проверить. Прощай, Машка!

ПРО СТЕПКУ, РЫБУ И КОРОВУ

У Вовы Петрова брат Степка в первый класс пошел. В нашу школу. Мы его на торжественной линейке видели. Егорка сказал:

— Смотри, вылитый Петров! Такой же рыжий и зубы как у зайца!

Я посмотрел: и правда, здорово похож! Как будто нашего Вову уменьшили в три раза! Лицо в веснушках, растрепанные волосы, рубашка такая, будто он ползком до школы добирался, — все как у Вовы. Мы побежали ему сказать, удивить думали. А Вова рукой махнул:

— Да это же мой брат!

Как мы сразу не догадались? Только Вова большой, толстый, и бицепсы — во! И на физкультуре первым стоит! А Степка — щуплый и маленький, даже кажется всех девочек-первоклашек ниже.

И с этого первого сентября Вова Петров стал очень важный: на каждой перемене бегает к своему Степке. Мы говорим:

— Петров, давай в пятнашки!

Или:

— Петров, айда в буфет!

А он:

— Не могу. Воспитанием надо заниматься!

И на первый этаж, где первые классы, спускается. Будто дома нельзя брата воспитывать!

Наша школа очень интересно устроена. Все младшие (не люблю это слово) школьники занимаются в пристройке. Первые классы на первом этаже, вторые — на втором, а третьи — на третьем. Я считаю, что это очень правильно! Учишься-учишься, а потом на других сверху вниз с третьего этажа смотришь. А там совершенно другая жизнь!

Как-то раз мы с Петровым пошли посмотреть на Степку. Всю дорогу Вова вздыхал и жаловался:

— Одни проблемы с ребенком! То забудет, как «Р» большую писать, то цифры с буквами перепутает. Вчера штаны порвал, рюкзак выпачкал. А родители меня ругают.

— Это почему? — удивились мы с Егоркой.

— Недоглядел, говорят, не проследил! А я у него каждую перемену. Вы же знаете!

— Да... — посочувствовали мы. — Трудно...

Пришли мы к первоклашкам, а по коридору пройти нельзя! Носятся эти малыши, как самолетики, быстро-быстро! В разных направлениях — вжик-вжик! И мальчики, и девочки туда-сюда снуют, друг за дружкой гоняются, кричат — ужас! Неужели мы в первом классе такими же были? Мы с Егоркой к стене прижались, а Вова удивился:

— Вы чего?

Приосанился, расправил плечи и давай всех расталкивать. Идет и, как ледокол, дорогу нам расчищает. Вдруг видим: Вовин Степка стоит у стеночки. Тихонечко так стоит, с книжкой. Даже мы так на переменках стоять не умеем, а он — пожалуйста! Тут я с уважением на Вову посмотрел: вот что значит его воспитание!

Только Вова совсем не обрадовался, что брат тихий. Потрогал ему ладошкой лоб и спросил басом:

— Ты чего, Степан? Заболел?

— Нет, — пропищал он. — Над загадкой думаю.

— Давно? — нахмутив брови, поинтересовался Вова.

— Два урока... — вздохнул Степка.

— Наказание ты мое! — сурово сказал Вова. — Показывай!

Степка опустил голову и покорно протянул книжку брату.

Вова достал блокнот, ручку и переписал. Мы с Егоркой переглянулись. У нас в карманах только фантики, кусочки «ЛЕГО» и игрушки из шоколадных яиц — «помойка», как говорит моя мама. А у Вовы, надо же, — блокнот с ручкой! Это, наверное, потому что у него брат есть, которому он должен пример подавать.

— Все! Хватит! Иди, бегай, как все! — страшным голосом приказал Вова. — Пусть голова отдыхает.

Степка посмотрел на него испуганно и мелкими шажками побежал по коридору, оглядываясь.

— Ты чего с ним такой грозный? — поинтересовались мы.

— Я старший брат, мне положено. Педагогика! — ответил он значительно и улыбнулся. — А я, получается, педагог!

Не знаю... Если бы у меня был младший братик, я бы его любил. И никогда-никогда бы не командовал, не обижал, не гудел басом. Но, может, я ничего не понимаю в воспитании? И в этой, в как ее? Пи... Пу... Педагогике. Мы пошли к лестнице. И, удивительное дело, с каждой ступенькой вверх, к нашему этажу, Вова Петров превращался из сурового пи... пу... Ну, в общем, старшего брата в обычного Вову, которого мы с Егоркой знали два года с хвостиком. На третьей ступеньке он стал насвистывать, на пятой скакать на одной ноге, на десятой двинул меня локтем в живот, чтоб я за ним погнался. И по коридору, как дикий бизон, поскакал. Я кинулся вдогонку, но Егорка крикнул:

— Стоп, Петров, а загадка?

— Зачем она тебе? — обернулся я на бегу. Какие-нибудь «Два кольца, два конца, посередине гвоздик». А Вова просто так переписал, для важности.

Тут он подбежал и, тяжело дыша, выпалил:

— Ничего не для важности. Не знаю я такой загадки, вот и переписал!

Достал блокнот и ткнул пальцем. Палец у Вовы был в зеленом пластилине. Потому что мы на первом уроке лепили огурцы с пупырышками. На белой страничке в клеточку остался зеленый след, как будто кто-то зеленый и маленький топнул ножкой.

— Ты чего руки не помыл? — спросил Егорка. — Все тетради завазюкаешь.

Но Вова его не слушал. Он задумчиво повторял то, что было написано кривыми, съезжающими вниз буквами:

Петух — 8

Конь — 5

Собака — 3

Кошка — 3

Корова — 2

Ослик — ?

— Цифры — это, наверное, уши! Или то, что на голове! — предположил я. — У коровы два уха, а у петуха восемь гребешков!

— А у коня пять! — засмеялся Егорка.

— А у собаки — три уха? — мрачно спросил Вова. — Нет, наверное, это ноги...

— Что ж, у коровы две ноги? — съязвил я.

— Ну, если она на задние встала, то две!

— А у коня пять?

— Ну, если он с палочкой ходит, как мой дедушка, то пять.

— А у петуха — восемь! — захохотал Егорка.

Чего ты все время насмехаешься? — напали мы на него. — Сам что-нибудь придумай!

— И придумаю, подумаешь! — заносчиво ответил он.

Но тут прозвенел звонок, и Егоркину догадку мы не услышали.

На уроке Мария Степановна рассказывала нам про второстепенные члены предложения. Только я ничего не понял, потому что про лошадей, собак и коров думал. Я тоже написал на листочке:

Петух — 8

Конь — 5

Собака — 3

Кошка — 3

Корова — 2

Ослик — ?

Я не сводил с загадки глаз, представляя себе, какие они, эти животные.

Петух у меня хорохорился и подпрыгивал, потому что у него ЧЕГО-ТО ТАКОГО аж 8, а корова лила слезы, потому что у нее ЭТОГО только 2. Собака с кошкой гуляли под ручку, потому что друг другу не завидовали, а конь кричал: «Иго-го! У меня 5, я — отличник!» А потом они все начинали танцевать, взявшись за лапы, крылья и ноги — у кого что было. Только ослик сидел в стороне и печально вздыхал.

— Ты безцифренный! — кричали все. — Уходи подобру-поздорову!

— Я умею танцевать польку-бабочку, рок-н-ролл и танго! — просился к ним ослик.

А они только смеялись над ним и продолжали водить хоровод.

Какие-то это были бессердечные, бесчувственные звери, и мне так захотелось помочь ослу! Очень-очень! Я смотрел-смотрел-смотрел на ряд цифр и скоро догадался, в чем дело! Совсем просто! Пустяки! Чепуха на постном масле!

Самая верхняя цифра — 8, а две под ней: 5 и 3. Если их сложить, будет как раз 8. Значит, с петухом, конем и собакой мы разобрались! Потом верхняя цифра 3, под ней 2. Сколько нужно прибавить к 2, чтобы получить 3? Единицу! Значит, ослик — это 1!

Первую половину урока я потратил на решение, а вторую радостно ерзал — так мне хотелось поскорее его рассказать! Я написал на листочке большую единицу и показывал то Вове, то Егорке. Но они так и не догадались, в чем дело.

Наконец на перемене я с гордостью объяснил Егорке с Вовой про ослика. И Вова мне руку пожал, а Егорка сказал:

— Да, Мишка, ты голова!

И мы снова побежали к первоклашкам. Там опять были гвалт и суетолока. Только Степка и еще трое мальчиков сидели в углу на корточках и молчали.

— Вы чего? — насупившись, спросил Вова. — Животы болят?

Степка торопливо поднялся и умоляющим голосом стал канючить:

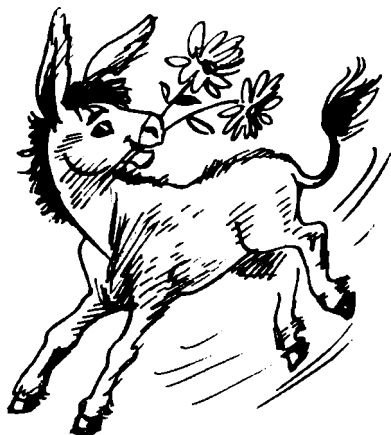
— Не разгоняй нас! Ну пожалуйста! Мы думаем! Учительница тому, кто додумается, два цветочка в тетрадь поставит.

До оценок они еще не доросли, так им цветочки печатью в тетрадях ставят! И ради этих цветочков бедный Степка все перемены то в углу, то у стеночки! Вот ужас!

— Ослик один! — торжественно сказал Вова и рукой махнул, как будто клетку невидимую распахнул. — Бегите!

— Не один, — вздохнул Степка, — у нас Митя Рогожкин тоже ответил, что один. А учительница сказала — неправильно.

Вова покраснел как рак и пробурчал:

— Ладно, на другой перемене приду.

Развернулся и ни на кого не глядя пошел к лестнице. А Степка за ним побежал. Он прыгал вокруг брата и пищал, как цыпленок:

— Вова, погоди! Ты погоди, Вова!

Но тот не оборачивался. Видно, здорово разозлился. Нам сзади были видны его уши, они были красные, как помидоры. Тогда Степка, почесывая затылок, объяснил нам:

— Учительница подсказку дала: рыба — 0.

Весь остаток перемены мы думали, почему рыба — ноль? А я и на уроке! Мария Степановна рассказывала теперь про смену времен года: как они чередуются и почему. А я думал, что теперь все животные танцуют в воде вместе с рыбой. Не очень глубоко,

так, по колено в воде. И корова уже не плачет. Чего плакать, если у рыбы ЭТОГО еще меньше, чем у нее. Только ослик сидел на берегу и кричал время от времени:

— Вальс могу! И ламбаду! И краковяк!

А ему отвечали:

— Безцифренный!!!

На следующей перемене мы снова стали советоваться.

— У рыбы нет того, что есть у других. Со всем нет, — задумчиво протянул Егорка.

— У нее нет ног. Она не может бегать по земле, как корова, — вздохнул я.

Все согласились. Но дальше ничего не пошло. Если у рыбы нет ног, то это не значит, что у петуха их восемь. К тому же ноги мы уже обсуждали.

— Она не умеет дышать! Дыхание — ноль! — выпалил Вова обрадованно.

— Под водой-то дышит, — возразил Егорка.

— То ж под водой. А на воздухе без воды не может и погибает!

— А что ж тогда собака — три? — удивился я. — Что же, собака три вдоха делает и погибает?

— Ну почему погибает? Она просто так часто дышит: уф-уф-уф! Три раза в секунду! — Вова высунул язык и показал, как дышит собака.

— А петух что? Еще чаще? — не поверили мы.

— Ну, наверное, уф-уф-уф-уф-уф-уф-уф-уф! — и Вова задышал часто-часто.

— Ерунда! — заявил Егорка. — Петух так дышит, только если он от кошки два километра улепетывал.

— Да и то незаметно. Я жил в деревне у тети: курицы с петухами незаметно дышат. Я даже и не замечал как! — попытался вмешаться я.

— Ты вообще невнимательный, — перебил меня Вова, — тебе Мария Степановна про это каждый урок говорит.

— А ты... Ты вообще... — рассердился я и быстро-быстро стал соображать, что бы такое к «вообще» прибавить обидное.

Только Егорка сказал:

— Стоп! — И руки расставил, как судья на ринге. — При чем же тут осел? Откуда первоклашки могут знать, как осел дышит?

— Может, они это учили по природоведению? — спросил я.

— Не учили... — вздохнул Вова. — У них его еще не было...

— Может быть, это скорость, с которой они бегают? — предположил я устало. — Корова три километра в час, а петух — восемь...

— Тогда получается, что петух бежит быстрее, чем лошадь! Сначала думай, а потом говори! — раскритиковал меня Егорка.

— Что ж ты сам ничего не придумаешь? — обиделся я.

— Я думаю. Просто впустую болтать не хочу!

— А мы, значит, впустую?! Болтаем?! — закипятился я. — Мы, значит, не думаем?! Да я вообще сегодня ничего на уроках не запомнил из-за этих коров и лошадей!

— А у меня они, как глаза закрою, стадами бегают! Сначала петух, потом лошадь, а за ними все остальные! — обиженно засопел Вова и кулаки сжал.

Ой, думаю, что же мне делать? Егорка не прав, но он же мой друг! Не могу же я с ним драться. Я его защищать должен! А как же защищать, если прав Вова?

И тут вдруг мы видим: по коридору несется Степка! Взъерошенный какой-то, рубашка на две пуговицы застегнута, штаны сползли. Бежит и тетрадкой размахивает.

— Решил! Решил! — кричит.

Мы переглянулись. Разве это возможно?!

Степка подбежал и показал нам тетрадку — в ней красовалось два больших цветка. Может, розы, а может, васильки, — я не разбираюсь.

— Собака говорит «Гав» — это три! Корова — «Му» — это два! — захлебывался он от счастья. — Петух «Ку-ка-ре-ку!» — это восемь! А ослик — два, потому что «Иа»!

— Вот это да! Буквы, значит, считать надо было... — протянул озадаченно Вова. — Вот это голова! А чего весь растрепанный?

— Это меня поздравляли, — смущенно заулыбался Степка и стал застегивать пуговицы, — чуть на части не разорвали от радости, потому что все думать устали.

— Вундеркинд! — восхищенно сказал Егорка.

А я вытащил из кармана блестящий болт, два фантика от жвачки с автогонщиками, лодочку и резинового водолаза. И протянул Степке:

— Бери!

Потому что два непонятных цветочка — это разве награда за такую загадку?

И Степка взял. И скорее, чтобы я не передумал, побежал к себе назад, на первый этаж.

— Ты не думай, что он неблагодарный. Это он от счастья «спасибо» не сказал, — сокрушенно объяснил Вова.

— И мы от счастья «спасибо» не сказали! — расстроился я. — Ведь если б не Степка, мы бы до вечера голову ломали! А может, и до утра!

И мы побежали за Степкой, хотели руку пожать. А он подумал, наверное, что я решил подарки забрать, и припустил быстрее.

— Ну его, — махнул рукой Вова, — я ему ваше «спасибо» дома передам.

— Повезло тебе с братом! — уважительно заметил Егор.

— А почему он такой? — спросил Вова и сам себе с гордостью ответил: — Потому что мое воспитание!

И поднял вверх указательный палец. Он был все такой же зеленый.

РАЗРЕШИТЕ ПОЗНАКОМИТЬСЯ!

Недавно Даша Котикова сказала, что Ирина Александровна, директор нашей школы, уходит от нас на пенсию.

А я ответил:

— Ну и что? Новый директор придет.

Тоже мне проблема! Я Ирину Александровну почти не видел, только в начале года, на общей линейке, и в конце года, там же. Лишь один раз мы с ней более тесно познакомились. Я по коридору бежал и на Егорку оглядывался, который меня догонял. И вдруг — бац! Головой в чей-то живот уткнулся! Поднимаю глаза, а это — наш директор! Я испугался, стою и ничего сказать не могу, только смотрю на Ирину Александровну во все глаза. А она взяла меня за плечи и ласково так сказала:

— Не бегай. Иди спокойно.

И дальше пошла.

Вот такая у нас директор! С этих пор я ее полюбил. Не так, конечно, как Марию Степановну, но все же. Понял я, что Ирина Александровна хорошая, не злая. Я терпеть не могу людей злых, которые без конца сердятся и кричат.

Котикова презрительно сузила глаза:

— Вот тебе все равно, Мишка! А Ирина Александровна в нашей школе двадцать пять лет проработала.

Я подумал: «Вот кошмар! И все двадцать пять лет такие, как я, ей с разбегу в живот стукались! Понятно, на пенсию захочется!»

А вслух сказал:

— Ну что нам директор? Мы же с ним не общаемся. Один уйдет, другой придет. В нашем классе все равно ничего не изменится.

И я побежал марки смотреть, которые Вова Петров принес.

Не понимаю, почему девчонки любят из всего проблемы создавать! Лучше бы Котикова про свои оценки по физкультуре думала! Кувыркаться до сих пор не умеет!

Ну вот, поговорили мы, и я забыл об этом. А девчонки каждый день стали небылицы про нового директора приносить и ахать! То рассказывают, что новый директор всех, кто на урок опаздывает, заставляет три круга вокруг школы бегать, то, что он родителей без конца вызывает, то, что он кричит так, что стекла лопаются. Как Джельсомино. А некоторые дети, у кого барабанные перепонки

в ушах слабые, от этого даже глохнут. Откуда они все эти новости узнавали, не знаю! Вроде бы то ли у Даши, то ли у Нasti Павлышко родственница какой-то знакомой учится в школе, откуда этот новый директор к нам переходит.

И каждый день весь класс обсуждал что-нибудь новое, и каждый день этому новому ужасался. Даже я в конце концов поверил, что спокойная жизнь с уходом Ирины Александровны для нас закончится. Особенно

меня поразило то, что новый директор — то ли генерал, то ли спортсмен, и что всех, у кого по физкультуре тройка, он из школы выгоняет. Совсем!

А еще он математику любит. И всех, у кого по математике тройка, выгоняет тоже! А еще природоведение ценит... И русский язык... И чтение...

Когда Котикова дрожащим от страха голосом все это рассказывала, я сказал ей:

— Стоп! Если всех повыгонять, кто же в школе останется?

А она, не моргнув глазом, отвечает:

— Ничего ты не понимаешь, Черкашин. Этот директор из той школы образцово-показательную сделал. И из нашей сделает. В нашу школу отличники побегут со всего района. Им же в своих школах тоже неприятно с отстающими учиться!

Посмотрел я тогда на родные стены своего класса, желтые, в голубенький цветочек, и понял, что дни мои сочтены. На Егорку покосился... Лучше бы не глядел... Он такой расстроенный сидел, вот-вот расплачется. Все дело в том, что Егорка почти круглый отличник. А у меня тройка по математике.

Не всегда, конечно. В некоторых четвертях бывает четверка. Но разве такой ужасный человек, как этот новый директор, на это посмотрит? Выгонит, и все! Навсегда!

И не будем мы больше с Егоркой за одной партой сидеть и домой вместе возвращаться. Егорка говорит:

— Ты, Мишка, не расстраивайся! Если тебя директор выгонит, я с тобой тоже в другую школу уйду.

А Настя Павлышко заявляет:

— Нетушки! Отличникам директор никуда уходить не разрешает. Они ему самому нужны.

А Егорка отвечает:

— Тогда я стану троечником. С завтрашнего дня.

Я ему:

— Ты что?! А по какому предмету?

— Да хоть по русскому!

Вот как все кувырком пошло! Кто бы мог подумать!

И столько Егорка троек на следующей неделе по русскому нахватал, что Мария Степановна его даже после уроков оставила заниматься. Пришлось мне в тот день самому домой идти.

Выхожу я на улицу. Погода замечательная! Солнышко припекает, как летом. Клен, что около крыльца растет, золотыми листьями мне машет приветливо. Мол, не грусти, Мишка, все наладится!

И вдруг смотрю, навстречу мне генерал идет! Настоящий! Пожилой, прихрамывает. Фуражка с кокардой, погоны и золотые пуговицы! Посмотрел на меня сурово, нахмурился и в школу пошел. Он только посмотрел, а у меня мурашки по спине пробежали! Я сразу догадался, что это тот самый!

И тут прямо во дворе я увидел машину, на которой этот генерал приехал, — «жигули» зеленого цвета. И водителя увидел. Он сидел на корточках и снимал блестящий колпак с колеса. А я, наверное, больше всего на свете колеса люблю помогать менять. Даже больше, чем рисовать, даже больше, чем жареную картошку есть и мультики смотреть!

У нас с папой тоже «жигули», и мы всегда колеса вместе меняем. Я еще в детском саду был, а уже знал, как это делается!

Вот повезло, думаю! Надо бы познакомиться с этим водителем генерала. Может, он мне расскажет, что за человек — наш новый

директор? А главное, может быть, разрешит колесо поменять?

Посмотрел на дяденьку. Он молодой, как мой папа, высокий, как мой папа, и, кажется, такой же веселый. Только мой папа в джинсах и рубашке ходит, а этот дяденька в костюме гайки откручивает. Еще бы! Самого генерала возит, который образцово-показательные школы делает!

Я подошел и говорю:

— Можно, я вам помогу? Я умею.

Он удивился:

— Действительно?

— Ага, — киваю, — я это раз сто делал или двести. У меня папа дальнобойщиком работает. А «жигули» у нас такие же. Шестая модель. Вы сейчас гайки до конца не откручивайте. Только немного. А до конца потом уже, когда домкратом поднимем.

А дяденька говорит:

— Ты и в самом деле специалист. Вставляй тогда домкрат, а я запаску возьму.

Я сел на корточки и домкрат под порог поставил. А дяденька принес запасное колесо и говорит:

— Ну, молодец! Поднимай!

И я стал осторожно домкрат подкручивать. Тогда машина, такая большая и тяжелая, послушно поползла вверх. Когда это происходит, я себя всегда таким силачом чувствую! И волшебником немножко. Домкрат крутить совсем нетрудно, а машина, которая тонну весит, поднимается! Не знаю, как домкрат, а я этим горжусь.

Водитель улыбнулся:

— Ловко все это у тебя получается! Просто отлично! А как в школе учишься?

Я вдруг я ни с того ни с сего говорю:

— Отличник.

Посмотрел дяденьке прямо в глаза, а потом скромно потупился. Сказал и удивился, зачем я соврал? Как-то это помимо моей воли получилось. Может, потому, что шофер этот уж очень меня хвалил, и мне захотелось, чтобы он и дальше во мне не разочаровывался, не знаю. Ладно, думаю, соврал, и ладно. Не во мне совсем и дело, нужно про генерала узнавать. И чтоб перевести разговор на другое, спрашиваю:

— Можно, я гайки дальше сам откручу?

Дяденька дал ключ и говорит:

— Откручивай. А настроение как?..

Я ключом гайку поворачиваю и отвечаю как можно бодрее:

— Ничего!

Только водителю этот ответ не понравился:

— Что значит ничего? Ничего — это ноль, дырка от бублика.

Тогда я объяснил:

— Понимаете, раньше все хорошо было. Потому что у нас Мария Степановна хорошая. И потому что мы с Егором, другом моим, за одной партой сидим и вообще всегда вместе. У нас дружба мужская, настоящая, понимаете?

И дяденька головой кивнул:

— Понимаю.

С уважением кивнул, не как-нибудь.

Я уже одну гайку открутил и на асфальт рядом с собой положил. Посмотрел на нее и подумал, что, когда меня из школы выгонят, я такой же одинокий буду, как сейчас эта гайка.

И захотелось мне этому шоферу все рассказать. Все-таки он уважительно со мной разговаривает, все-таки разрешил колесо поменять. И главное, может быть, он сможет генерала переубедить не идти в нашу школу.

Я еще одну гайку открутил и говорю:

— Все было хорошо. Да вот только новый директор к нам приходит, и нашей спокойной жизни конец.

Дяденька очень заинтересовался:

— Это почему же?

— Да про него говорят, что он родителей каждый день в школу вызывает.

— Это ерунда, — говорит водитель, — не верь. Когда же ему работать, если он будет все время с родителями разговаривать.

— Не знаю, — вздохнул я, — понимаете, он страшный человек.

— В самом деле? — удивился дяденька. — Что же, у него нос кривой, или зубов нет, или шрам поперек лица?

— В другом смысле страшный. Он всех троечников из школы выгонять будет.

— Так не бывает, — говорит водитель, — троечники тоже нужны.

— Все говорят, не бывает, — говорю я и третью гайку на асфальт кладу, — а только он такой, этот новый директор.

— Ну тебе-то чего бояться? Ты ведь отличник!

— Да, — отвечаю, — но товарищей-троечников жалко. Привык все-таки.

А сам, думаю, хорошо, что я спиной к водителю сижу. Потому что если бы он увидел, как я покраснел, сразу бы догадался, что я вру.

Тут я последнюю гайку открутил и говорю:

— Можно снимать?

А дяденька засмеялся:

— Нет уж, давай я сам, а то ты весь перемажешься. Видишь, какое оно грязное.

Он сам снял колесо и сам надел запасное. Наверное, он тоже очень это любил делать и ему было жалко всю работу мне отдавать. А мне было жаль уходить, вдруг водитель еще домкратом опустит машину позволит? И главное, я про генерала почти ничего не узнал!

Дяденька стал гайки прикручивать и опять нашим новым директором заинтересовался. Будто бы не он генерала возит, а я.

— Сколько же ему лет, — спрашивает, — что он такой грозный?

— Да старик, — говорю, — лет семьдесят.

— Почему же он до сих пор не на пенсии? — удивился водитель.

— Не отпускают, — вздохнул я. — Он из всех школ образцово-показательные делает.

— Ух ты! — восхитился дяденька.

— Конечно! Всех опаздывающих заставляет три круга вокруг школы бегать.

— А зимой?

— И зимой, — говорю, — в шубах и шапках.

— Да ребята тогда совсем мокрые будут, — удивился водитель.

— Конечно, только наш новый директор об этом не думает, — объяснил я, — такой уж он есть, этот генерал. Сами, наверное, знаете.

— А видел его кто-нибудь?

— Никто, — отвечаю, будто я тоже не видел, — только говорят, что он хромает и то ли с костылем, то ли с палочкой ходит. И если кто по коридору бежит — раз, и костылем по макушке!

— Ужас! — сказал дяденька. — Это как же его, такого больного, с костылем в школу пустили?

— Да он же из всех школ образцово-показательные делает, — напомнил я и заглянул в машину: не лежит ли там этот самый костыль?

— Это я забыл, брат... — сказал водитель и поднялся с корточек. — Крути домкрат.

Я немножко покрутил и опустил машину. Потом сам домкрат вынул и дяденьке отдал.

— Спасибо, — говорю, — а вы давно генерала возите?

Водитель засмеялся и говорит:

— Это тебе спасибо. Здорово ты мне помог! А я даже не знаю, как тебя зовут.

А про генерала промолчал почему-то, как будто бы не услышал. Может, военная тайна? Я не стал переспрашивать, а представился:

— Разрешите познакомиться, Черкашин Миша!

Это я в энциклопедии этикета вычитал, что так говорить надо. А он мне руку протянул и сказал:

— Сергей Сергеевич.

И мы пожали друг другу наши грязные руки.

Я говорю:

— Пойдемте, их вымоем. Знаете, какое у нас в туалете мыло пахучее?

Водитель согласился. Мы вымыли руки, а потом ходили по этажам, и я рассказывал, какая у нас школа замечательная. Раньше я не очень-то над этим задумывался. Но теперь, когда приблизился час мне с ней расставаться, понял, что очень-очень ее люблю.

И я рассказал про наши утренники, и про столовую, про конкурсы песни, и про библиотеку. А потом спохватился и стал все ругать, и сказал, что для генерала такая школа совсем-совсем не годится.

— Это еще почему? — удивился Сергей Сергеевич.

— Дует отовсюду, а он старенький... Ступеньки скользкие — упадет. А в библиотеке недавно стеллаж сломался, и, может, еще другой развалится, знаете, какие они хлипкие?

А если все книжки на генерала свалятся?
Ужас!

Тут я передохнул и сделал страшное лицо.

— В актовом зале крыша течет. На переменах все орут и бегают! Восьмиклассник позавчера ужа принес, а он уполз — во всей школе переполох был! Уж то в одном, то в другом кабинете вылазил, а потом в столовой на меню повис, как веревочка. Тетя Маша, повариха, чуть в обморок не упала! Да что там — уж! Мышей, хомяков приносят и даже тараканов в коробочке! Разве выдержит тут сердце у генерала? К тому же дети совсем учиться не хотят. Совершенно! Бестолковые — ужас! Из такой школы, как наша, ни за что образцово-показательную не сделать!

— А дети — неужели все бестолковые? — удивился водитель.

— Как один! — сказал я убежденно.

— А ты как же отличник?

— Ну, у нас учительница хорошая, — промямлил я. Не наговаривать же на себя, что и я бестолковый.

И чтоб перевести разговор, я стал рассказывать, какая хорошая Мария Степановна, какой у нас красивый кабинет и выставка поделок

на подоконнике. А самая лучшая поделка Леши Герасимова — избушка из спичек.

А Сергей Сергеевич говорит:

— Очень интересно, неужели из обыкновенных спичек? Пойдем, посмотрим?

Я засомневался:

— Там Мария Степановна с Егором занимается. Нам, наверное, не разрешат войти.

— А мы попросим, — сказал Сергей Сергеевич и спросил, почему же Егор так плохо учится, что остается после уроков.

— Что вы! — объяснил я. — Это он специально тройки получает. Чтобы со своим другом троечником вместе из школы уйти, когда новый директор придет.

— А что, у него еще один друг есть, кроме тебя? — спросил Сергей Сергеевич.

Но тут мы как раз к нашему кабинету подошли, и это было кстати, потому что мне ничего выдумывать не пришлось. Мы постучали, и Мария Степановна нам почему-то очень обрадовалась:

— Здравствуйте, Сергей Сергеевич, — радужно сказала она, — проходите.

И даже не спросила, почему я домой не пошел.

Заглянул я Егорке в тетрадку, а он там старательно ерунду выводит:

Унылая пара! Ачей ачараванье!
Прятна мне твая прашальная краса —
Люплю я пыжное природы увиданье,
В баgreц и золото адетые лиса.

— Ты что? — шепчу я ему тихонько. — Так ты двоечником станешь.

А он отвечает:

— Ну и пусть.

Мария Степановна в это время Сергею Сергеевичу класс показывала, а потом подошла к нам и взяла у Егора тетрадь.

— Вот занимаемся. Мальчик учился прекрасно, а теперь просто не знаю, что делать!

А Сергей Сергеевич прочитал Егоркино «Ачей ачараванье» и говорит:

— Да, плохи дела!

Ой, думаю, вдруг он сейчас Марии Степановне проговорится, что Егорка специально так пишет? И чтобы перевести разговор на другое, говорю громко:

— А вот наши поделки на подоконнике! Посмотрите, какого Егор коня из соломы сделал! А эту собачку из скорлупок ореховых —

Женя Тарасова, а я — вот этот небоскреб из спичечных коробок. А вот и Лешина избушка!

И Сергей Сергеевич все внимательно рассматривал, как будто тоже поделками увлекается. А мой небоскреб похвалил, сказал, что очень аккуратно коробки склеены. Мне их мама, конечно, склеивать помогала, но я промолчал, чтобы его не разочаровывать.

Потом Сергей Сергеевич сказал:

— Спасибо, Мария Степановна, за экскурсию. А этого мальчика, — и на Егора показывает, — отпустите. Я их с Мишей домой отвезу. Задержал я вашего ученика, дома, наверное, родители волнуются.

И рассказал, как я помог ему колесо на машине поменять, а потом школу показывал.

— Хороший человек, — говорит, — у вас Миша. И замечательно, что отличник к тому же.

Я покраснел как рак, а Мария Степановна ничего не сказала, потому что увидела, что мне и так стыдно.

— Ну ладно, — говорит, — отвозите этих отличников. Хотя сколько я в школе работаю, никогда такого не было, чтобы директор домой ребят возил.

Мы с Егоркой рты раскрыли и смотрим на Сергея Сергеевича.

А он улыбнулся:

— Ты уж прости, что я тебе сразу не сказал. Очень было интересно про генерала послушать.

Я посмотрел директору прямо в глаза. Он не шутил. Ему и правда было интересно.

А потом Сергей Сергеевич повез нас домой на своих зеленых «жигулях». Мы с Егоркой сидели на заднем сиденье счастливые и смотрели в окно. Теплый ветер дул нам в лицо,

мимо проносились желто-красные деревья, большие дома и радостные пешеходы.

Как хорошо, что никого не выгонят из школы, как хорошо, что родителей вызывать не будут, как хорошо, что Егорка теперь свои тройки по русскому исправит!

Жалко, что ехать нам было недолго, всего два квартала.

Шуршали под колесами листья, и мне казалось, что то колесо, которое мы поменяли, крутилось лучше остальных. Как-то веселее, что ли? А в голове таким же веселым колесиком вертелись строчки:

Унылая пора! Очей очарованье!

Приятна мне твоя прощальная краса —

Люблю я пышное природы увяданье,

В багрец и золото одетые леса...

ПОДАРОК ДЛЯ МАМЫ

— Вот уже и октябрь на дворе, — сказал папа и подошел к окну.

Я думал, что он будет ругать меня за беспорядок в комнате, но папа не обратил на него внимания.

— Ага! Скоро снег выпадет, — сказал я, чтобы поддержать так хорошо начавшуюся беседу, — санки там, снежные бабы и все такое...

— Октябрь! — повторил папа значительно. — Октябрь!

И поднял вверх указательный палец.

— Октябрь, ну да, — поправился я, — это значит, грибы собирать и листья для гербария.

— Эх ты! — укоризненно покачал головой папа. — Листья для гербария. Такое впечатление, что ты не у нашей мамы, а у березы родился.

— Это еще почему у березы? — удивился я.

— Потому что у нашей мамы в октябре день рождения! Через неделю, девятого. Начинай готовить подарок.

Папа ушел, а я задумался. Что бы такое подарить маме? Лучше всего, конечно, модель автомобиля «тойота» с открывающимися дверцами, капотом и багажником! У нее еще руль вертится, и если нажать на кнопку, — мигают фары. Мы такую с Егоркой в магазине видели. Вот бы мама обрадовалась! Наверное, весь день бы фары включала и выключала. А я бы ей сказал:

— Ну что ты как маленькая! Посадишь батарейки!

Хорошая вещь такая машинка. Жаль, стоит дорого. А у меня денег всего десять рублей тридцать копеек.

Я позвонил Егорке и спросил:

— Ты не знаешь, что подарить моей маме? У нее скоро день рождения.

— Знаю! — обрадовался Егорка. — «Тойоту» из «Детского мира»! У которой фары мигали, помнишь? Мы б под моим столом гараж для нее построили!

— Нет, Егорка! — вздохнул я. — У меня столько денег нет.

— А ты займи у кого-нибудь! — предложил он. — А отдашь потом. Пирожки в столовой есть не будешь и отдашь постепенно! А мы у меня гараж построим!!!!

— Что ты... — снова вздохнул я. — Если я столько денег займу, то до одиннадцатого класса голодным ходить буду. Ты что-нибудь другое придумай...

— Ладно, — пообещал он, — обязательно!

Я обрадовался и перестал голову ломать. Зачем мучиться, когда все придумает Егорка?

И так прошел день, потом второй, потом третий. И еще несколько пробежало.

А потом Мария Степановна написала на доске красивым почерком: «Девятое октября»...

И я подпрыгнул! И толкнул Егорку локтем. А он ошалело посмотрел на меня и дал сдачи.

Мария Степановна сказала:

— Третья парта! А ну-ка тихо!

И вызвала меня к доске разбирать слова на запчасти. У слов их немного: корень, приставка, суффикс и окончание. Это вам не «тойота»!

Я думал — пятерка в кармане, маму порадуя, но учительница ничего не поставила.

— В конце урока! — кивнула она. — Посмотрю, как ты будешь работать.

А как можно работать, когда домой хоть не возвращайся? Вот если бы Егорка попросил меня придумать подарок для его мамы, я бы обязательно придумал. Я б ночами не спал, все думал бы! А может, и не ел бы, и телевизор не смотрел бы, и на компьютере не играл!

Потому что ответственность — главная черта моего характера!

Еле-еле я перемены дождался и наскочил на Егорку в коридоре:

— Эх ты! — крикнул. — Болтун-дудка, на голове будка!

Егорка посмотрел на меня как на ненормального.

— Забыл про подарок!

— Про какой подарок? — изумленно спросил Егорка.

Я чуть не заплакал.

— У моей мамы! Сегодня! День рождения! А ты!!! Что я теперь делать буду?!

Егорка присвистнул и треснул себя по голове:

— Точно!

— Трепач ты, Егор! — выдохнул я презрительно. — Пустомеля, тараторка!

Вова Петров и Юра Мухин рядом стояли, наклейками менялись и сразу в альбомы клеили. Казалось, что больше на свете их ничего не интересует. Только вдруг Вова хлопнул альбом и сказал решительно:

— Твоя мама, ты и думай!

Юра поправил очки и добавил:

— А Синицын тут ни при чем!

И Дашка Котикова подбежала. У нее уши как локаторы. Издалека услышала и примчалась.

— А я не удивляюсь! — затараторила она. — Вот нисколечко!!! Ты все всегда забываешь! Все-все-все!!! И не жалко тебя ничуточки!

«Какие черствые люди! — подумал я. — Как позавчерашняя булка!» И ушел от них и стал смотреть на березу под окном. У нее были золотые листочки, мелкие и блестящие, как монетки из пиратского сундука.

Мне было стыдно, что я забыл про маму. Но казалось, во всем виноват Егорка. Я дулся на него весь день и на математике в его тетрадь не подглядывал, и сужал глаза, когда встречался с ним взглядом, а потом гордо отворачивался.

Но когда мы пошли домой, Егор сказал смущенно:

— Ты того, Мишка... Этого... Не очень... Я знаешь, сколько уже подарков придумал? Восемь штук!

— Ага! — хмыкнул я и даже не посмотрел в его сторону. — Знаю я твои подарки. У меня денег нет.

Это я честно сказал. Потому что у меня уже не было десяти рублей тридцати копеек. Я на них ватрушку купил. Мне так сильно хотелось есть после второй перемены, так сильно, что я ни о чем думать не мог. Даже о том, что у моей мамы день рождения! После ватрушки думалось отлично, только впустую.

— Не надо денег! — успокоил меня Егорка. — Бесплатные подарки!

Я с сомнением посмотрел на него.

— Подарок первый!

Егорка остановился, загнул палец, прищурил глаз и торжественно объявил:

— Торт! Мы сами испечем торт!

Я вспомнил, как мы делали папье-маше, и покачал головой.

— Ни за что! — отрезал я. — Сегодня у мамы праздник! Пусть придет домой и будет чисто.

— Не хочешь — не надо! — с деланным равнодушием согласился Егорка. — У меня этих подарков — завались!

Я с надеждой посмотрел на его стриженую голову с хохолком на макушке.

— Подарок второй! — сказал он с воодушевлением, — Халат! Мы сами сделаем халат!

— Как это мы его сделаем? — подозрительно спросил я. — Ты что, умеешь на швейной машинке шить?

— Чтоб сделать халат, никакой машинки не надо! — свысока заметил Егорка. — Нужно взять покрывало или плед, вырезать по середине дырки для рук, а снизу отрезать полосочку — поясок будет. Засунул руки в дырки, пояском подвязался и ходи! Здорово я придумал?!

— Нет! — сказал я твердо. — Это ты своей маме такие халаты дари! А моей — плед без дырок нужен.

Егорка пожал плечами:

— И подарю! Обязательно подарю! Подумаешь! Моей маме пледа не жалко!

Некоторое время мы шли молча. Я думал изо всех сил, но кроме цветов, на которые у меня не было денег, — ничего не придумывалось. Я пытался внушить себе, что цветы — это плохой подарок: так, завянут, и ничего не останется. Я старался о них не думать, но они вертелись у меня перед глазами, как заводные машинки.

— Подарок третий... — задумчиво произнес Егорка. — Большой...

Я заинтересованно на него посмотрел. Большие подарки все любят.

Егорка подмигнул мне и заявил:

— Напиши на стене в зале или на кухне большущими буквами: «Мама, я тебя люблю!» Тут, главное, буквы побольше. Чтоб в глаза бросались!

— Прямо по обоям? — уточнил я.

— Прямо по обоям!

— Ты что! — возмутился я. — Какие-то дурацкие подарки предлагаешь!!! Чтобы их сделать, что-то обязательно испортить надо! Мы совсем недавно обои клеили. Они красивые и без моих поздравлений!

Егорка засопел и надулся.

— Просто ты ничего не понимаешь! — обиженно сказал он. — Что лучше: мама в халате или валяющийся плед? Что лучше: пустая стена или стена, на которой написано, что ты любишь маму? Что лучше: торт, который ты сделал своими руками, или торт из магазина?!

Мне почему-то казалось, что магазинный торт лучше. Но я промолчал. Я думал об одуванчиках. Я когда-то дарил их маме охапками. А сейчас они уже отцвели, разлетелись

легкими пушинками по белу свету! Не повезло! Как чудовищно не повезло — опоздала моя мама родиться!!!

— Подарок четвертый! — пробурчал Егорка. — Сумочка для дрели. Их в строительном магазине за углом бесплатно раздают. Рекламная акция какая-то.

Он полез в карман, вытащил помятую листовку и протянул мне.

— Видишь, — тыкал он пальцем, — вот тут отделения для сверл, вот здесь для насадок. И для шуруповерта место тоже есть.

— Зачем моей маме шуруповерт с дрелью?! — прошипел я. — Ни к чему ей такая сумочка!

Егорка насупился и зашагал быстрее.

— Ты что? — побежал я за ним. — Подарок, он же полезный должен быть! И радостный! Какие у тебя еще остались?

Егорка надвинул кепку на глаза, посмотрел куда-то мимо и сказал:

— Цыпленок!

— Какой еще цыпленок? — удивился я.

— В яйце... — оживился Егорка. — Очень полезный подарок! Даришь яйцо, высиживаешь, а из него потом цыпленок вылезит.

А из цыпленка вырастает курица, и в магазин потом за яйцами ходить не надо.

— Это, конечно, хороший подарок, — сказал я, старательно подбирая слова, чтобы опять не обидеть Егорку, — но кто это яйцо высиживать будет? Я же в школу хожу, а мама с папой на работу.

— Тоже мне проблема! — хмыкнул он. — Кота на яйцо посадите, и все дела!

— Так он убежит!

— А вы привяжите!

— Нет, Егорка. Не подходит нам цыпленок. Если он вылупится, Тишка его слопают сразу.

— Ну ты глупый! — присвистнул Егорка. — Ну как же он его слопают, когда сам его высидит?! В нем материнские чувства проснутся, понимаешь?!

— А если не проснутся? — нахмурился я. — Нет, Егорка! Ты как хочешь, а я цыпленком рисковать не стану.

— Ладно! — махнул рукой Егорка. — У меня еще три подарка есть. Шестой, седьмой и восьмой. Закачаешься.

Я и правда чувствовал в ногах какую-то слабость.

— Подарок шестой! Бусы из сливовых косточек!

— Что это еще за ерунда?

— Ну почему ерунда? Очень красивые бусы. По телевизору показывали, как их делать. Косточки нужно помыть, высушить и дырки шилом проковырять. А потом раскрасить золотой краской. Знаешь, какая сумасшедшая красота?

— А где мы косточки возьмем?

— Так у тебя есть дома сливовое варенье! — напомнил Егорка.

— А сколько на бусы варенья съесть нужно?

— Сколько нужно, столько и съедим! Хоть две банки, хоть десять! — сказал он твердо. — Я тебя в беде не оставлю.

— Спасибо, конечно! — поблагодарил я. — Только маме, наверное, не понравится, если мы столько варенья стрескаем. Оно ведь на зиму заготовлено.

Егорка стал доказывать, что на то оно и варенье, чтоб его ели, что варенью все равно, когда его откроют...

— Маме не все равно... — вздохнул я. — Расстроится она.

Егорка почесал затылок:

— Ладно... Подарок седьмой.

Он победоносно посмотрел на меня и зачем-то притопнул ногой.

— Диплом в рамочке!

— Какой такой диплом? — удивился я.

— Что ты самый лучший сын. Маме будет приятно.

— Чего приятно? Что ж, я сам о себе напишу, что я лучший?

— Ну это же шуточный диплом! — объяснил Егорка. — Если хочешь, давай в школу назад сбегает, Марию Степановну попросим подписать.

— Нет, Егорка! Такой диплом только мама подписать может... Я же ее сын, а не Марии Степановны...

— Ладно... — махнул рукой Егорка. — Тогда подарок восьмой.

Он поднял вверх указательный палец:

— Шарики! У меня знаешь сколько сдутых? Мы их снова надуем и подарим! И желтые, и красные, и зеленые! Какие хочешь! И круглые, и сардельки! И с Микки-Маусами, и без!

Я разочарованно посмотрел на него.

Разноцветные шарики — это, конечно, всегда праздник! Егорка здорово про них придумал... Только если одни шарики дарить — это надувательство, а не подарок. К шарикам еще что-нибудь нужно — такое, что не сдуется.

Мы уже подошли к нашему дому. Я уныло посмотрел на окна и вдруг... увидел то, что мне нужно!!! Подарок для мамы!!! Он стоял в окне у бабушки Фени и не знал пока о том, что он подарок. Их было много, не сосчитать! Все окно бабушки Фени было заплетено цветами!

— Смотри, Егорка! — воскликнул я. — Как много цветов! Ведь бабушка Феня может дать отросточек? А я его в ведро посажу. У меня с детства одно ведро сохранилось.

— Зеленое. Пластмассовое. С трещиной, — кивнул Егорка.

— Ничего, что с трещиной. Я ее лейкопластырем заклею! — крикнул я и со всех ног помчался к бабушке Фене.

Она мне очень обрадовалась. После истории с подушками бабушка Феня почему-то считала, что я самый добропорядочный ребенок в нашем дворе.

— Вот умница, вот молодчина, — приговаривала она, когда вела меня на кухню, — выбирай, Мишенька!

Цветов было много. Одни плелись по стенам, как африканские лианы, другие стояли по стойке «смирно», как солдаты на плацу. Были высокие, почти деревья, и низенькие, похожие на травку. Были развесистые кустики и игольчатые столбики. От листьев всех форм и размеров рябило в глазах. Они тоже были разные: салатного цвета и темно-зеленые, и в крапинку, и в полосочку, и пятнистые, как шкура леопарда. Но мне больше всего понравилось растение с длинными упругими листьями, похожими на сабли, только не из-за них, а потому что оно цвело. На верхушке толстого ствола раскинулось

четыре огромных ярко-оранжевых колокольчика.

— Можно вот такой? — спросил я бабушку Феню.

— Амариллис! — гордо сказала она. — Вот я тебе вырою отросточек с бутоном.

Бабушка Феня взяла маленькую лопатку и стала подкапывать часть цветка.

— Весь растет из луковицы, видишь? — приговаривала она ласково. — Ты уж ее поскорее в другую землю. Опасно пересаживать, когда готовится цвести. Может и передумать, родимый...

Бабушка Феня откопала чуть ли не половину растения, уже взрослого, с длинными листьями, на стебле которого действительно виднелся бутон. Она бережно положила в пакетик это чудо — коричневую луковицу, из которой росли и сабли, и ствол с зеленым, пока что закрытым домиком, где пряталась КРАСОТА.

И я помчался, накопал в палисаднике земли, засыпал ее в ведро и посадил туда амариллис. Скорее, чтоб не передумал!

А потом заклеил ведро лейкопластырем, смазал клеем и обмотал туалетной бумагой с цветочками. Горшок получился — загляденье!

Я полюбовался и написал фломастером: «Мама, я тебя люблю! Твой сын Черкашин Миша!»

Цветок в горшке не завянет, как те, что в кулечках дарят... А будет расти, расти и расти до самого потолка!

Затем я вытащил из рамочки фотографию какой-то сосны и аккуратно вставил туда чистый лист бумаги. И вывел большими буквами: «ДИПЛОМ САМОЙ ЛУЧШЕЙ МАМЕ».

А пониже написал прописными: «Ты самая моя дорогая и любимая мама! Ты вкусно варишь суп и жаришь картошку! И еще я люблю, когда мы вместе смотрим мультики!»

В дверь позвонили. Это пришел Егорка с шариками и сумочкой для дрели.

Он сказал, что в отделения для сверл можно складывать губную помаду.

ОДИНАКОВЫЕ СНЫ

Эта история случилась давно, еще в первом классе. Я ее и забыл совсем: мало ли бывает в жизни глупых историй! Но сегодня мама сказала:

— Мишка! Из-за фантиков и пластилиновых человечков на полках уже книг не видно. Убирай, или все полетит в помойку!

И я стал там убирать. Хорошие фантики вкладывал в книжки, ерундовые бросал на пол, а из человечков лепил шарики и клал в коробку с пластилином — потом сделаю жирафа.

И вдруг из какой-то книги вывалился листок. Я пригляделся — таблица снов 1-В класса!

Эх, когда я ее чертил, то и представить не мог, что спустя два года буду разгребать фантики...

Тогда я думал, что до окончания школы буду ездить по разным странам и выступать на научных конференциях, рассказывая об удивительном открытии, сделанном в нашем 1-В классе.

В то время я не знал, что большинство открытий происходит случайно и нужно ждать их с минуты на минуту. Вот, например, по телевизору говорили, что одному дяденьке на голову яблоко упало, и он закон выдумал, что яблоки, груши и все остальное к земле притягивается. Конечно, если по голове стукнуть, она, наверное, лучше соображает. Как телевизор у моей бабушки: если

показывает плохо, она по нему стучит, и изображение улучшается.

Но мне на голову ничего не падало. Все выяснилось случайно. Мы с Егоркой в раздевалке куртки вешали, а Петухов Илья, который рядом стоял, вдруг стал своим полосатым шарфом размахивать и кричать:

— Змеи атакуют!

И этим шарфом всех, кто рядышком, — по макушкам, по макушкам!

Я тогда и сказал Егорке:

— А мне сегодня сон про змею приснился! Огромная такая змея, как лошадь! И я катался на ней по улице!

— Ничего себе дела! — воскликнул он. — И мне змея снилась! Она за мной гонялась на катере, а я от нее уплывал. Морская! Зубы — во!

Он раздвинул руки и показал, какие зубищи.

Илья покосился на них и испуганно спросил:

— Может, мы все одинаковой болезнью заболели? Я ведь почему стал шарфом махать? Мне снилось, что я генерал и воюю с кобрами!

А тут Павлик Алешкин подходит, снег варежкой с пальто стряхивает и говорит:

— Мне тоже змея снилась. Маленькая. Неядовитая. Ужик.

— Это, — удивился я, — что-то совершенно непонятное. Давайте сейчас у всех ребят спросим, что им снилось!

И мы скорее в класс побежали. А там — кутерьма, как всегда до урока бывает. Даша с Настей песни поют, Вовка с Сережкой линейками дерутся, как мушкетеры. И остальные прыгают, скачут, самолетики пускают, Юра Мухин на стул залез и ногами машет — показывает, как во вчерашнем фильме полицейские с бандитами дрались.

А Костик ему кричит:

— Не так! Не так!

И еще выше ногу задирает. Как у него штаны не лопнули, не понимаю!

Только Женя Тарасова ладонями уши закрыла, книжку читает и жует что-то. Она всегда жует и читает, мы привыкли уже.

Я тогда на парту залез, чтобы все меня видели, и закричал:

— Эй! Важное открытие! Мы! Сделаем! Слышите?

Только на меня никто не посмотрел даже. Я ору что есть силы:

— Внимание! Внимание!

А они все скачут и скачут! Как сумасшедшие!

Тут Егорка подошел к двери, выглянул в коридор и сказал испуганно:

— Слезай, Мишка! Мария Степановна идет.

Это он специально сказал, чтобы все успокоились. Вот молодец, а я не догадался!

Я слез и сел за парту, будто поверил, все остальные тоже сели. И такая тишина наступила, удивительно даже! Только было слышно, как Тарасова быстрее жевать стала.

И тогда Егорка сказал почти шепотом:

— Мы сейчас в раздевалке выясняли очень важную вещь. Только надо еще проверить. Скажи, Женя, что тебе снилось?

А она поняла, что про Марию Степановну пошутили, еще кусок булочки откусила и отвечает с набитым ртом:

— Жмеи какие-то толжтые.

И тут все опять закричали:

— А мне удав приснился!

— А мне змей с крыльями!

А Юра Мухин рубашку задрал и живот показывает:

— А меня змея во сне за пузо укусила!
Вот!

Я тогда говорю:

— Представьте, какие чудеса! И нам с Егором, и Илье с Павликом тоже змеи снились! Как это могло случиться?!

Женя Тарасова поправила очки и сказала строго:

— Я вам авторитетно заявляю! Это от питания!

Я говорю:

— Мы же все разное едим!

А Егорка меня перебил:

— Но в школе-то одно и то же!

И тогда Илья Петухов сказал, что слышал по радио, что вроде бы и правда продукты на сны влияют.

Тут все задумались.

В это время в класс братья Мышкины зашли, а с ними Аля Селикова.

Мы спрашиваем:

— Что вам снилось?

Мышкины отвечают хором:

— Удивительное дело! Один и тот же сон! Огромная анаконда!

Тут все закричали, что это чудеса какие-то, что так не бывает, что это антинаучный факт и все такое!

А Аля Селикова вдруг говорит тихонько:

— А мне собачки...

— Что? — спрашиваю я ее. — Какие еще собачки?

— Снились, — отвечает она и учебники на парту выкладывает.

Только ей тогда никто не поверил.

Я вышел к доске, чтобы меня лучше видели, и говорю:

— Может, мы научное открытие сделаем? Про то, как сны от питания зависят. Вот

вчера мы ели манную кашу! Может, все, кто ее ест, видят во сне ужей и удавов? И нам Нобелевскую премию за это открытие дадут! Знаете, сколько это денег? Можно всем вместе земной шар объехать, и еще останется!

Ребятам эта идея очень понравилась. Все стали снова шуметь, еще громче прежнего! Но теперь они не просто так шумели, а меня хвалили, и я уже тишины не требовал.

Я всегда мечтал куда-нибудь поехать, но ездил только в деревню к тете да два раза на неглубокое Азовское море. Я всегда знал, что люблю кататься на верблюдах и дельфинах, только меня на них не катали.

Я подумал, что возьму с собой маму и папу — покатаю их сам. А то все работают и работают, а отдыхают только дома перед телевизором.

И когда я все так хорошо придумал, наша отличница Котикова вдруг спросила:

— А маленьким детям разве дают Нобелевские премии?

Я возмутился:

— Нобелевские, а не Нобелянские! Маленькие дети, вроде тебя, могут не участвовать! А мы, которые взрослые, сейчас

комитет изберем по изучению снов первого «В». Я председатель. Заместитель Егор Сидницын. Кто еще хочет, записывайтесь.

Тут все закричали:

— Это еще почему ты председатель?!

А я отвечаю:

— Потому что я уже придумал, как мы будем проводить исследование! Нужно таблицу составить и каждый день отмечать, что нам снилось. Список фамилий написать, как в журнале, и около каждой фамилии сон записывать. И отмечать в другой таблице, что мы в столовой ели.

Все прямо ахнули.

— Ну ты молодец! — говорят.

А Женя Тарасова, которая в это время дверью орехи колола, заявила:

— Это он от питания такой умный!

И опять свое «авторитетно заявляю» встала. Наверное, вычитала где-нибудь.

А потом говорит:

— Ой, Мария Степановна идет!

Схватила орех и к парте побежала.

И тогда я быстро сказал самое главное:

— Взрослым — ни слова! А то себе открытие присвоят и премию заберут!

Тут зашла Мария Степановна, и начался урок математики. Только я почти ничего не слушал и на листочке змей рисовал. А еще корабль, на котором мы вокруг света поплывем. И еще себя в смокинге и бабочке, будто мне как председателю Комитета премии вручают. Я по телевизору такое вручение видел, оно в Стокгольме бывает.

Все перемены мы обсуждали, как здорово будет, если мы сделаем открытие, как прославимся и о нас в газетах писать будут. А Женя Тарасова говорила:

— И кино снимут! Я вам авторитетно заявляю!

А когда уроки закончились, мы в раздевалке договорились, что все сны будем утром записывать. Чтобы не забыть до школы.

— Особенно это Али касается, — важно сказал я, как председатель.

На следующий день оказалось, что всем снилась какая-то чепуха: кому черепахи, кому ромашки, кому милиционеры, кому поросята с велосипедами... Жене Тарасовой почему-то хлебобулочный комбинат приснился.

— А тебе, Селикова, что? — спросил я Алю.

— А мне — собачки...

В общем, ничего не понятно. И на следующий день все разное снилось, и на следующий! Мы уже разуверились, что у нас что-нибудь получится.

— Это потому что манную кашу нам больше в столовой не дают, — объясняла всем Женя Тарасова, — как ее поедим, всем одинаковое и приснится.

— Может, давайте ее дома попросим сварить? — предложил я. — Всех мам сразу попросим. Одновременно.

— Нет! — запротестовал Егорка. — Вдруг мама подумает, что я эту кашу люблю?!

— Фу! — скривился Юра Мухин. — Мам только попроси. Тогда нас каждый день манкой пичкать будут!

Пришлось идти в столовую, выяснять, когда варят манную кашу. Оказалось, что только по понедельникам.

Еле-еле мы понедельника дождались! Приходим в столовую, а там! На ослепительно белых тарелках дымится она: белая густая манка! Наконец-то!!!

Но Аля Селикова посмотрела, что каша манная, развернулась и назад, в класс,

пошла. Я ложку бросил и побежал Селикову догонять.

— Стой! Ты куда? — кричу.

А она мне так спокойно отвечает:

— Я ее не люблю. — И дальше себе идет.

— Ты что?! — кричу. — А эксперимент?

Тут все ребята сбежались и начали Алё уговаривать. И просили ее, и стыдили, а она все свое твердит:

— Не буду! — Даже хныкать начала.

— Ладно, — махнул я рукой, — может, дело совсем и не в каше. Пусть идет.

На следующий день, как только проснулся, я кинулся Егорке звонить.

— Ну что? Что тебе снилось?

— Крокодил! А тебе?

— И мне тоже!

Ничего себе, думаю! Вот оно, открытие!!!

Кое-как оделся, схватил кусок хлеба и бегом в школу. А на улице уже Егор стоит, булочку жуёт, тоже дома не завтракал.

В школу мы самые первые прибежали, и самые первые у ребят узнавали, что кому снилось. И все приходили лохматые, не на ту пуговицу застегнутые, как и мы с Егором,

потому что тоже сломя голову в школу мчались! Мы спрашивали:

— Ну что — крокодил?

Все удивлялись и говорили:

— Точно!

За Ильей Петуховым крокодил на мотоцикле гнался, Настя Павлышко с крокодилами рок-н-ролл выплясывала, Юра Мухин в шахматы с ними играл, а Женя Тарасова во сне конфеты ела. Да не простые, а такие, у которых на фантиках крокодилы нарисованы.

Еле-еле мы дождались, когда Аля придет.

— Ну, — говорю сурово, — что тебе снилось?!

А Аля испуганно отвечает:

— Собачки!

В следующий понедельник мы повели ее в столовую за руки. Потому что она знала уже, что манная каша будет, и упиралась. Я тащил ее за правую руку, как председатель Комитета снов, а Егор за левую, как заместитель. Всю дорогу я втолковывал, как здорово путешествовать вокруг света.

— Селикова! — говорил я. — Ты что, не хочешь на дельфинах кататься?!

— Нет, — отвечает она со слезами, — не хочу... Они мокрые...

— Ну не хочешь на дельфинах, не надо, — не сдавался я, — а на верблюдах хочешь?

— Нет, — мотает головой, — они плюются!

Ну о чем можно с таким человеком разговаривать!!!

Все ребята возмущались, а Але хоть бы что.

— Я эту кашу ненавижу, — говорит, — с самого детства!

Можно подумать, что я ее люблю!

Егор заявил:

— Не хочешь вокруг света — не надо! Но на твою часть премии знаешь сколько можно радиоуправляемых машинок купить?

Настя подхватила:

— И кукол с платицами, домиками, чайными наборами! И куклиными женихами в придачу!

Женя протерла очки и добавила:

— И мешок чипсов! И сто ящиков шоколада! Конфет «Мишка на Севере» целый вагон!

А Аля отвечает всхлипывая:

— Не нужно мне ничего. У нас квартира однокомнатная, мне это все складывать некуда.

И тут я прямо увидел, как из-за этой капризной девчонки ныряет и не выныривает мой дельфин, улепetyвает верблюд, а родители опять сидят у телевизора! Я стукнул за чем-то себя кулаком в грудь и воскликнул:

— Не хочешь себе счастья, не надо! Но ради счастья двадцати человек съешь пару ложек!

Аля испуганно вытаращила глаза, попятилась и согласилась.

На следующий день выяснилось, что всем почему-то снились мыши. Мне — Микки-Маус, Егорке — крысы, Насте — платье с мышатами, а Илье — мышеловка.

Аля пришла в класс самой последней.

— Ну что? Что тебе снилось? — закричали мы хором.

А Аля потупилась и отвечает еле слышно:

— Собачки!

Я сделал страшное лицо:

— Ты, Селикова, нам эксперимент срываешь! Подумай хорошенько! А то мы тебя вокруг света не возьмем!

А она как разревется:

— Я хорошо помню, что собачки! Разве я виновата!

И ладошками слезы еле вытирать успева-
ет, потому что они у нее льются, как у кло-
уна в цирке, фонтанчиком!

Я тогда еще подумал, что ей уже и учиться не
надо, а сразу в цирк поступать. Что ее обяза-
тельно с таким талантом огромная слава ждет.

Только хотел ей об этом сказать, порадо-
вать, но тут Мария Степановна зашла и по-
здоровалась с нами.

Мы тоже поздоровались, только Аля всхли-
пывать продолжала.

— Аля, что случилось? — спросила Ма-
рия Степановна.

А она молчит. И правильно, зачем нас выдавать?

— Ребята, почему плачет Аля?! — строго спросила учительница.

А мы тоже сидим и молчим.

— Ну хорошо, — сказала Мария Степановна и зачем-то указкой по парте постучала, — давайте молчать и урок математики проводить не будем.

Лично я обрадовался, а Аля поднялась и говорит:

— Я плачу из-за собачек. Если они мне снятся, то Миша Черкашин меня вокруг света не возьмет!

— Куда, куда?! — удивилась Мария Степановна.

— Вокруг света! А я же не виновата, что им то мыши, то крокодилы, то удавы снятся, а мне только собачки! — выдавила Аля и еще сильнее заплакала.

— Объясни, в чем дело, — обратилась ко мне учительница, — я что-то ничего не понимаю. Какие удавы, какие мыши?

Я тогда встал и заявил:

— Мария Степановна! Мы почти что сделали научное открытие. Нам, может, за него

Нобелевскую премию дадут. Я таблицу черчу, кому что после манной каши снится. Вы только никому не говорите, ладно?

Мария Степановна кивнула. И я все-все рассказал. И таблицу ей на стол положил, немножко помятую, я ведь ее уже шестнадцать дней заполнял.

Мария Степановна в таблицу посмотрела, засмеялась и сказала:

— Я все поняла. В понедельник у нас был урок внеклассного чтения. Мы говорили о писателе Киплинге, и я задала вам прочесть дома «Рикки-тики-тави». О чем там говорилось, Миша?

— О мангусте, который победил змею!

— Вы прочитали эту сказку перед тем как ложиться спать, вот вам и приснились змеи! А на позапрошлом уроке мы говорили о какой сказке?

— О Чебурашке и крокодиле Гене! — закричали все.

— Вот вам и приснились крокодилы! — улыбнулась Мария Степановна.

— А почему же всем снились только одни крокодилы, а не другие герои? — спросил я, отказываясь верить в такую простую разгадку.

— Но ты же спрашивал только про крокодилов! — закричали ребята.

И выяснилось, что кое-кому вместе с крокодилами снились Чебурашки и даже старухи Шапокляк. До чего мне тут обидно стало! Хоть плачь, как Аля, фонтанчиком!

— А на прошлом уроке, — продолжила Мария Степановна, — мы читали «Мышонка Пика». А дома вы ее дочитывали. Помните, кто написал эту сказку?

— Виталий Бианки! — закричали мы все.

— Вот вам и приснились мыши, понятно? А манная каша тут совсем ни при чем.

— А как же Аля Селикова? — возразил я. — Почему ей снились собачки?!

А Аля потупилась и прошептала:

— Я все эти книги, что на уроках, еще летом прочла.

— Что же ты читаешь сейчас? — спросила Мария Степановна.

— Книжку про собачку, которая была вся белая, а одно ухо черное... Три главы осталось....

— «Белый Бим Черное ухо»? Молодец! — похвалила ее Мария Степановна. — Это очень, очень хорошая книга.

И я подтвердил, что хорошая — картин-ки на каждой странице. У меня такая кни-га на полке стоит, после уборки пластили-новых человечков и фантиков ее хорошо видно.

Так я перестал быть председателем Коми-тета снов первого «В» класса.

И где-то в море плавает мой дельфин, а по пустыне неторопливо шагает верблюд. Стран-ное дело! Я не прочел о них ни строчки, а они снятся мне каждый день...

ЗАКОЛДОВАННОЕ ПРОШЛОЕ

Когда мы с Егоркой были маленькими, мы грозы боялись. Ну, когда совсем малень-кими были: до школы и в первом классе еще две четверти. Как только гроза начиналась, мы в туалете прятались. Сядем друг против друга на корточки и книжки вслух смешные читаем или мечтаем о чем-нибудь. Тогда и весело, и интересно, и грома совсем не слышно.

Егорка читать в то время еще не умел, так, по слогам немножко. И я себя рядом с ним просто профессором чувствовал. Не то

что теперь. У него по математике пятерки, а у меня — когда как.

А в те далекие времена приведут нас мамы в детский сад, а там куча-мала: ребята, как обычно, игрушки поделить не могут. Егорка к ним бежит какой-нибудь самосвал отвоевывать. Только я никогда из-за чебурашек с кубиками не дрался, а брал книгу и читал себе тихонько. На стульчике, около шкафа, где воспитатели одежду вешают. Все книжки в нашей группе одолел, в соседнюю ходить начал. А потом уже во всех группах все прочел, даже в младшей. У них там книжек, по правде говоря, и не было почти, так только, «Колобок» и «Репка».

А когда наша воспитательница Елена Федоровна куда-нибудь уходила, я оставался за старшего, как самый образованный.

— Вот сказка,— говорила Елена Федоровна,— почитай всем вслух.

И я читал, трудно что ли?

Вот какой я был в детском саду.

А сейчас мы с Егоркой грозы не боимся. Чего ее бояться? Электрический разряд и все! И в туалете вместе не помещаемся — колени мешают.

Всё в прошлом.

И в последнее время полюбил я это прошлое вспоминать. А Егорка нет.

Вчера получил он по математике пятерку, а я только вопросительный знак, это значит — совсем чепуха написана. Идем мы из школы — мне грустно, а Егорка снежки лепит и на дорогу бросает: ему хорошо.

— Егор, — говорю, — ты помнишь, как ты в детском саду сметану на себя вылил?

А он отвечает:

— Не помню и вспоминать не хочу!

— А помнишь, как ты в углу стоял, а я тебе туда конфету принес?

А Егор снова:

— Не помню!

— Ты что, Егор, — удивился я, — по телевизору ученый сказал, что без прошлого нет будущего! И настоящего тоже нет!

— Ну его, это прошлое, — усмехнулся он и в забор снежком залепил со всей силы, — чего ты, Мишка? И с настоящим у меня все в порядке!

Я тут вспомнил, что у меня с настоящим плохо, и мне совсем разговаривать расхотелось.

А ведь в детском саду, когда Егорку на прогулке наказали и заставляли отсидеть на лавочке десять минут, я упросил Елену Федоровну, чтобы я вместо Егорки отсиживал. И сидел наказанный. Целый час сидел, потому что Елена Федоровна про меня забыла и Егорка тоже. Он снежную бабу с ребятами лепил, а Елена Федоровна с другими воспитательницами разговаривала.

Только я сидел, одинокий, и смотрел на них издалека. У меня тогда и ноги замерзли, и руки, и нос, и щеки, и все-все-все, даже глаза.

Потом, когда мы в группу пошли, Елена Федоровна спросила:

— Ты чего плачешь? Потому что про тебя все забыли, да?

А у меня слезы от мороза катились. Я и не знал, что так бывает.

А Егорка теперь говорит, что не нужно ему никакое прошлое! Конечно, он же за меня на лавочке не сидел!

— Егор, — говорю я ему, — помнишь, как я вместо тебя замерз?

— А зачем ты мерз? — отвечает он. — Пошел бы и сказал воспитательнице, что десять минут прошло.

— Ты что? — возмутился я. — Как же я мог с лавочки встать?! Я же наказанный был. Вместо тебя!

— Ну и зря! — махнул он варежкой. — Что ж получается, если бы мы до вечера гуляли, ты бы до вечера там сидел?

— Наверное, — сказал я неуверенно.

— Закоченел бы и с лавочки бы свалился?

— Не знаю, — еще неувереннее сказал я.

Кому же хочется коченеть так, чтоб с лавочки валиться?

— Получается, что ты о себе не думал, — поучительным тоном сказал Егор.

— Конечно. Я же о тебе! За тебя...

— Обо мне нужно было думать десять минут, — заявил он, почему-то растягивая слова, — те самые десять минут, на которые меня наказали!

Мне тогда так обидно стало, так обидно, хоть плачь. Потому что Егорка о моем благородстве забыл, и получалось, что я просто глупый был, как какой-то грудной ребенок!

— Эх ты! — сказал я. — Друг называется! Что же ты тогда Елене Федоровне не сказал, что десять минут прошло?

А Егорка взял палочку и стал с кустов снег сбивать.

— Зачем же мне говорить, если у тебя самого язык есть? Я тогда постройкой снежной бабы командовал. И наша баба получилась лучше, чем в соседней группе. Потому что я придумал из веточек ей волосы сделать! Помнишь?

— Получается, тебе снежная баба меня дороже! — сказал я и даже перестал смотреть в его сторону.

Постройкой он командовал! Строят дома и заборы, а снежных баб просто лепят!

— При чем тут «дороже»? — пожал плечами Егорка. — Я думал о чести группы!

— Ни о чем ты не думал! — сказал я. — Тебе просто весело было!

И через дорогу перешел, чтобы по другой стороне улицы идти, без Егорки.

— Ты что, Мишка! — кричит он с той стороны. — Из-за какой-то снежной бабы?

А я молчу, потому что обиделся.

— Мишка! — кричит он снова. — Это же давно было!

Будто я не знаю, что давно!

Тогда он через дорогу перебежал и говорит миролюбиво:

— Не обижайся, Мишка! Мы же друзья.

— Были, — сказал я и сам испугался.

Егорка тогда тоже надулся и быстрее зашагал. А я на его зеленый рюкзак с мотоциклистом смотрел и думал: почему так, прошлое прошло, а мы из-за него сегодня поссорились? Это ведь, наверное, неправильно...

А он уходил все дальше и дальше, и красный помпон на его шапке обиженно подпрыгивал.

И было мне жаль нашей с Егоркой дружбы. И я опять вспоминал, как мы грозы боялись, как дом на шелковице строили, как с балкона друг другу на веревке машинки

передавали... И сколько вообще всего у нас хорошего было!

Пришел домой, Тишка ко мне подбегает, о ноги трется. А ведь Тишку мы тоже вместе нашли! Тогда он крошечный был и глупый, а сейчас вон какой здоровый котище!

Я сел на диван и вдруг опять про лавочку вспомнил, как мне тогда холодно было. Почему я не мог Егорке крикнуть, чтоб он про меня Елене Федоровне сказал?

Не знаю!

Начал я делать уроки и решать задачки, под которыми вопросительный знак стоял. Долго решал, но они были какие-то неподдающиеся. Был бы Егорка, он бы мне объяснил, думал я. И еще думал, что никогда к нему первый не пойду мириться. До самой старости! Даже когда умру!

А за окном пошел снег и стало темно. Настоящая метель началась, просто буран! Я решал задачи и думал, что мама придет через четыре часа и, может, тогда снег перестанет валить, а ветер успокоится и будет на улице красиво, как в сказке. А потом меня мучила мысль, как плохо сейчас в дороге одинокому путнику. В домах люди зажигают свет, пьют

чай и читают книжки. А кто-то бредет в метель, колющий снег царапает лицо миллионом злых иголочек и сыплется за воротник, ветер продувает до самых косточек и сбивает с ног. Я выглянул в окно: может быть, этот кто-то бредет совсем-совсем рядом?

Смотрю, а на лавочке около нашего подъезда Егорка сидит! Весь согнулся калачиком: руками колени обнял и голову туда спрятал. Видно, он здорово замерз! И лавочку замело, и его замело прилично. Если бы не красный помпон на шапке, я бы совсем Егорку и не узнал.

Я тут же про свою обиду забыл! Будто ее и не было! Залез на подоконник, открыл форточку и кричу:

— Егорка! Егорка! Ты что, ключи потерял? Иди ко мне!

А он не слышит, потому что метель свистит, и деревья шумят, и ветер ухает.

Я тогда схватил шапку, куртку накинул и со всех ног прямо в тапочках на улицу побежал. Хорошо, что мамы не было!

Выскочил из подъезда и кричу:

— Егор!!! Ты что!

А он голову поднял и на меня смотрит, как будто не узнает!

Совсем замерз, думаю, вот так с лавочки и падают!

— Ты что, — кричу, — пошли домой!

А он говорит:

— Я специально здесь сижу. Как ты тогда в детском садике!

— Зачем?! — испугался я. — Вставай!!

Только он будильник из кармана достал и головой помотал:

— До часа еще двадцать минут осталось!

А снег метет холодный и колючий! И я подумал, что на Северном полюсе его, наверное, совсем не осталось. Потому что я еще никогда столько снега не видел.

Я тогда говорю Егорке:

— Пошли домой, ну пожалуйста! Знаешь как мне в тапочках стоять холодно?

И мы пошли.

— А если бы ты замерз? И тебя замело снегом? — спросил я Егорку, когда мы у меня дома чаем отогревались.

— Ты бы посмотрел в окно и меня спас!

— А если бы не посмотрел?

— Посмотрел бы! Я же знаю: ты, когда уроки делаешь, всегда в окно смотришь.

— Враки!

— Правда!

И мы стали тузить друг дружку, а потом бегать по квартире, а потом кидаться подушками.

И я подумал: прошлое, как заколдованное, возвращается!

И еще подумал: какой Егорка глупый! Еще глупее, чем я, когда из благородства, маленький, мерз. Но что-то было в его поступке хорошее и правильное, как и в моем когда-то, только я никак не мог понять что. Может, потом пойму? В будущем, когда все станет прошлым?

Снег растаял, и вокруг тапочек натекла лужица. Я отнес их сушиться на батарею.

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Сегодня Мария Степановна раздала нам тетради с проверенным диктантом.

— Будем делать работу над ошибками, — сказала она. — Помните, что это такое?

Все загалдели, что да, помнят. А Даша Котикова руку подняла.

Встала и как затараторит:

— Работа над ошибками — это когда все слова с ошибками надо выписать и возле

каждого написать правило, по которому была сделана ошибка!!!

Это она на одном выдохе сказала, быстро-быстро, как пулемет: тра-та-та-та-та-та!

Мы с Егоркой считаем, что Дашка — выскочка. Ведь мы тоже знали, что это за работа, но не стали руку тянуть!

Однако Мария Степановна Котикову похвалила, а затем, вздохнув, показала нам помятую тетрадку.

— Как вы думаете, ребята, чья эта тетрадь?

— Егора! Егора Синицына! — закричали все.

Я глянул, а у Егора и правда на парте тетради нет! У меня лежит, а у него нет!

Егорка смутился, голову наклонил и стал рассматривать царапину на парте.

— Как вы догадались? — снова спросила учительница.

И тут все опять загалдели, каждый свое, только Даша Котикова руку подняла.

И Мария Степановна опять ее вызвала.

— Это тетрадь Синицына, потому что она без обложки, грязная и у нее загнуты углы! — с вдохновением зачастила Даша.

А Егорка, бедный, еще ниже голову опустил...

— И знаете, чем еще эта тетрадь не похожа на остальные? Я не смогла поставить Егору оценку.

Весь класс ахнул, и даже Егорка искоса посмотрел на учительницу.

Как же так? Почему вдруг Мария Степановна не сумела то, что у нее раньше запросто получалось?!

Я тогда руку поднял и сказал:

— Мария Степановна! Если у Сеницына в диктанте все так здорово, что пятерки с плюсом для него мало, то ведь можно пятерку

с двумя плюсами поставить! И с тремя! Или вообще — сколько не жалко! Plusовать пока тетрадка не кончится и рука не заболит!

Я победоносно оглядел класс, как будто сам такой замечательный диктант настрочил, а Котиковой показал язык.

— Дело в том, что я не знаю, как написал Егор, — грустно сказала наша учительница. — Буквы у него наезжают одна на другую, часть их — большие, так что можно подумать, что это заглавные, а часть — такие маленькие, что ничего понять нельзя. В диктанте всего 65 слов, и 25 из них я не смогла прочитать.

— Но ведь это диктант, — заступился я за Егорку, — вы и так знаете, какие там слова! Вы же сами нам их с книжки диктовали!

— Но я не знаю, правильно ли они написаны... — возразила Мария Степановна.

— Конечно правильно! Синицын без ошибок пишет! — закричали все.

— Я прочитаю вам, что написал Егор, — сказала учительница и снова взяла в руки тетрадь:

«Мы принесли елку в дым. На ней висели красивые шашки. За окном летали белые

машки. Мы стали елку заряжать. Повесили на нее клопушки, разноцветные фары и флажки. На красном шаре был нарисован Бед Мороз».

Весь класс прямо покотился от хохота, даже я пару раз улыбнулся, даже Егорка, хотя ему совсем не до смеха было.

А Мария Степановна сказала строго:

— Вот что, Синицын, возьми тетрадь домой и все перепиши!

— А работу над ошибками делать? — пробормотал Егорка.

Он вжал голову в плечи и стал похож на нахохлившегося воробья.

— Конечно, только не такую, как всем. Твоя главная ошибка — это почерк. Это даже не почерк — а безобразие!

Тут прозвенел звонок, и мы пошли по домам. И в раздевалке, и на улице все над Егоркой смеялись. Эх ты, говорили, Бед Мороз с клопушками!

А Егор ни на кого внимания не обращал. Он был грустный и задумчивый.

— Не расстраивайся, — утешал его я, — эти все клопушки только от почерка! На самом деле ты грамотнее всех в нашем классе.

Но Егор только рукой махнул:

— Какой толк, что я знаю, как писать правильно? Голова знает, а пальцы непонятно что выводят.

— Ну-ка, покажи, — встревожился я, — может они у тебя особенные?

Егор снял варежку, и я стал рассматривать его пальцы. И не увидел ничего удивительного. Пальцы как пальцы. Средний — красный, потому что нам в столовой свекольник давали, указательный — желтый, потому что йодом помазанный, а большой в чернилах. Обыкновенные. В нашем классе у всех такие.

— Знаешь, — говорю, — обычные пальцы, не в них дело! Я тебя сегодня же научу писать красиво.

Егорка опять рукой махнул:

— Смеешься...

— Нет, — твердо сказал я, — вот увидишь!

У лифта мы долго препирались, к кому поедем делать работу над ошибками. И решили к Егорке, потому что у него на обед кукурузные хлопья с молоком, а у меня борщ.

Пришли, а Егор говорит:

— Есть потом будем, сначала научи меня писать! Чтоб как в прописях!

И тогда я пожалел, что к нему пошел, потому что у меня хоть и борщ, но сразу.

Сели мы за стол. Он у Егорки красивый, весь в переводных картинках и наклейках от жевательной резинки. По наследству от какого-то троюродного брата достался. Только тогда стол был наполовину оклеенный, а сейчас весь! Мечта, а не стол! Жаль, моя мама этого не понимает и ничего на мебель клеить не разрешает.

Ну вот, достали мы чистую тетрадь, два стула к столу приставили, и я сразу сказал Егору:

— Ты только не смейся и никому не говори.

— А чего смеяться-то?

— Ну потому что — это игра такая, в человечков.

— Писать и играть? — удивился Егорка.

— Ну да. Тут главное понять, что каждая буква — это человечек или солдатик. И каждый особенный, только приглядеться надо. Вот смотри.

Я написал буквы «А» и «Е».

— Видишь, «А» добрая, а «Е» ехидная.

— Не вижу, — сказал Егор, — буквы как буквы.

— Ну ладно. Это даже не важно, — загорячился я, боясь, что Егорка раздумает учиться, — понимаешь, ты им как мама. Вот ты родился красивый и здоровый, а у нашей дворняжки хромой щеночек был, помнишь?

— Да, — сказал Егорка, — я ему колбасу носил.

— Ну вот вспомни, ты носил, а он, когда подбегал, — хромал. Его ведь жалко было...

— Жалко, — кивнул Егор.

— И вот буквы... Понимаешь, ты их можешь сделать любимыми: хромыми, косыми и кривыми, но у каждой буквы только одна жизнь. И какую ты ее нарисовал, так ей и жить.

— Это как? — вытаращил глаза Егорка.

И я понял, что кукурузных хлопьев придется ждать долго.

— Ну вот твоя некрасивая «Х» всю жизнь будет мучиться, что она сгорбленная и на «К» похожа! А все другие буквы будут над ней смеяться и говорить, что она слово «хлопушка» испортила.

— Да они же не могут смеяться, — возразил Егорка, — и жизни у них никакой нет. Написал и забыл.

Тут я даже рассердился, до чего же он бес-
толковый!

— Это игра! — говорю. — Или ты пове-
ришь, что они живут, ходят друг к другу в
гости и плачут, как мы с тобой, или я тебя
учить не буду!!!

И уходить собрался. Ну их, эти хлопья,
думаю, у мамы борщ тоже вкусный!

Но Егор согласился:

— Ладно, ладно, садись, пусть живут!

— И вот когда ты их поешь, — обрадо-
вался я, — они все хотят быть красивыми и
со строчки не падать. Потому что, тот, кто
упал, к другим в гости пойти не сможет.

— Что ж, эти буквы — плохие товарищи
и не могут ее вытащить?

- Не могут, — сказал я, — такие правила!
- А кто их придумал?
- Я! Дальше больше: если у тебя буква за поля вылезла, значит, она погибла.
- Это еще почему?! — возмутился Егорка.
- Потому что правила!
- Плохие у тебя правила! — сказал Егор и насупился.

Только я его не слушал:

— А если буква получилась длинная, то ее жирафой дразнят, а если маленькая, то лилипутом! А если толстая...

— Бочонком, — уныло продолжил Егор, — а если худая — шваброй.

— И они все любят строем ходить! Красиво, друг за другом, как солдаты на плацу, чтобы все на них любовались. Понял?

— Понял, — сказал Егор и открыл свою тетрадку.

И мы оба посмотрели туда. Буквы галдели, толкались, смеялись друг над другом, корчили рожи и без конца выпадали за поля. Часть цеплялась за строчку, а оставшиеся, как будто им мало места, пытались спихнуть их вниз. Какие-то буквы скрючились, как будто у них болел живот, какие-то прыгали,

как мы на перемене, какие-то кувыркались, а некоторые лежали вповалку — куча-мала!

— Видишь? — спросил я.

— Ага! — протянул Егорка восхищенно. — Вижу! Они и правда как живые!

— Все! — сказал я. — Я тебя выучил. Пошли есть хлопья!

— А тренироваться?

— Никакой тренировки, — сказал я убежденно, — помни, что они живые, и все.

— Гениально! — восхитился он.

И мы пошли есть! И радио включили! И вентилятор! И телевизор! Потому что нам обоим весело стало. Мне потому, что Егорка все понял, да еще «гениально» сказал, а Егорке потому, что он поверил, что красиво писать будет.

— Знаешь, — волнуясь, говорил он, — мою тетрадь будут вместе с Дашкиной показывать, как образцовую!

— Да, — говорю, — только ты новую заведи. И обложку надень.

Но оказалось, что у Егорки они давно закончились, еще в сентябре. Тогда мы пошли ко мне, и я подарил ему новенькую прозрачную обложку с розовым поросенком.

— Ух ты! — обрадовался Егорка и умчался.

А я сел свою работу над ошибками делать. Потому что у меня одно слово было написано неправильно «нарезать» вместо «наряжать». Я стал думать, почему так? И ничего придумать не мог. А тут Егорка звонит:

— Я к тебе! С тетрадкой! Ставь чай!

И прибежал через две минуты.

Глянул я в его тетрадь — чудеса! Все буквы стройные, одного роста! Все написаны ровно, красиво. И правда не хуже Котиковой.

— А у меня, — говорю, — «наряжать» не получается.

— Чего наряжать? Вы же елку еще не купили! — удивился Егор.

Я вздохнул и показал свою тетрадку.

— Гляди-ка, — говорит он, — какая у тебя «у» злая получилась, кажется, что она «ш» укусить хочет. А «а», как зазнайка, не дает руку «р».

— Ты не туда смотри, — прошу я его, — объясни, почему слово «наряжать» через «я» пишется.

А Егор свое твердит:

— «Ж» какое-то унылое, наклонилось, «в» взлетело куда-то, как воробей!

Тогда я пальцем ему слово показал.

— А это слово, — говорит Егорка, — написано красиво!

Я даже ахнул. Надо же, чтобы человек за какие-то полчаса так изменился!

Егор мне всегда сразу на ошибки указывал, если видел. А тут буква красной ручкой перечеркнута, а ему хоть бы хны.

Ладно, думаю, в учебнике потом сам правило посмотрю.

Забрал у Егорки тетрадь и повел его чай пить. А на кухонном столе записка мамина лежала «Не забудь разогреть борщ». Это потому что я его, бывает, холодным ем. Мне всегда лень борщ разогревать, ведь потом кастрюльку, в которой он грелся, мыть надо.

Егорка взял записку и внимательно ее рассматривать начал.

— Гляди, — говорит, — как слова написаны, будто они вприпрыжку друг за дружкой скачут, а «б» какое-то обиженное!

Говорит, говорит, а на вазочку с вареньем даже не смотрит! И на бублик, который я пополам разломал, — тоже!

— Егор, — говорю я, — ты что?!

А он отвечает:

— Знаешь, Мишка, передумал я чай пить. Пойду лучше домой, дневник на месяц вперед заполню!

— Чего там! — нахмурился я. — Заполняй до мая, долго, что ли? Декабрь на дворе!

А он даже не заметил, что я обиделся.

— До мая, — говорит, — еще лучше!

Забрал свою тетрадь и ушел.

Сел я пить чай без Егорки — скучно! И варенье несладкое, и бублик невкусный.

Книжку про дядю Федора, свою любимую, на кухню принес. Нет, все равно скучно!

И вдруг я понял, чего мне сейчас хочется! Правило про слово «наряжать» найти и дневник до мая заполнить!

Мне даже страшно стало! Вот до чего работа над ошибками доводит! Знала бы Мария Степановна!

ЕГОРКИНЫ СТИХИ

Я болел и не знал, что Егорка стал поэтом. А сам он мне из скромности не сказал. Тоже друг называется! Только через неделю все выяснилось.

Оказывается, шел Егорка в школу. И так как меня с ним рядом не было и разговаривать было не с кем, он рассматривал все, что вокруг делается. А вокруг, прямо сказать, происходило что-то непонятное: на календаре 3 февраля, а никакого снега нет, только дождик, как весной, накрапывает, на деревьях даже почки наклюнулись. Егорка, конечно, очень удивился, и сами собой у него стихи получились:

На ветвях набухли почки,
Дождик капает два дня.
Я прошу ответ скорее:
Что же это за зима?!

Он пришел и Марии Степановне их рассказал. А она на доске записала. Потому что первым уроком было как раз природоведение и проверка календарей погоды. И такие хорошие стихи были очень даже кстати. Ведь те ребята, которые компанией в школу ходят, вполне могли этих странностей не заметить.

Затем Мария Степановна стихи в другие классы передала, потому что там тоже природоведение было. В 3 «А» и в 3 «Б». А потом, не знаю как, оно попало в школьную радиопередачу. Представляете?!

Только я все это пропустил, потому что лежал дома с ангиной.

А через неделю в школе был конкурс рисунков «Моя любимая сказка». Мария Степановна мне об этом заранее по телефону сказала, а Егорке поручила, чтоб он мой рисунок принес, а заодно и стихи к ним придумал. Что это очень хорошо будет: и рисунок, и стихи.

Егорка прибежал из школы и сразу позвонил мне по телефону:

— Ты что нарисовал?

Я спрашиваю:

— Когда?

Потому что я все время что-то рисую, а когда болею — особенно.

А он говорит:

— К конкурсу! Понимаешь, мне к твоему рисунку нужно стихи сочинить.

Я удивился: почему стихи, какие вдруг стихи? И Егорка мне все рассказал про непонятную зиму.

Я еще больше удивился.

— Ух ты! — говорю. — Когда вырастем, книжки будем вместе делать. Ты будешь писать, а я картинки к ним рисовать.

— Иллюстрации, — важно заметил Егорка. — Рассказывай скорее, а то по русскому много задали.

Из-за того, что я болел, мамы строго-на-строго запретили нам видаться, чтоб я Егорку не заразил. Я не мог ему сам рисунок отдать, но рассказать запросто!

— Сидят семь гномиков около костра и поют песенки, — начал я и пояснил: — Это к сказке «Белоснежка и семь гномов».

Егорка сказал:

— Ага, пока!

И позвонил через пять минут:

— Все, сочинил, слушай:

Гномики пели задорно и весело —
Там у костра их целое месиво!

Я прямо ахнул:

— Ты что! Какое месиво? Что они, салат, окрошка или тесто? Первая строчка годится, а вторая — ерунда!!!

Егорка говорит:

— Правда? Ну, это я не подумал. Просто я хотел сказать, что их много. Подожди.

И через три минуты позвонил снова.

— Вот, слушай:

Гномики и тут и там маячат,
Они песни распевают, значит!

Я говорю:

— Ты что, Егор, издеваешься? Где это они у меня маячат? Сидят себе около костра, и все. И к чему тут это «значит»? Что же, если они маячат, то обязательно с песнями? Ерунда опять.

А Егорка отвечает:

— Понимаешь, когда не видишь картины, ее описывать трудно.

— Ну и не пиши сейчас, — поддержал его я, — вечером сочиняй. Придет моя мама — заберешь рисунок.

— Нет, — возражает Егорка, — не могу. У меня сейчас вдохновение.

По тому, как значительно он последнее слово произнес, я понял, что это серьезно.

— Ладно, — говорю, — звони еще.

И подробно описал свою картину. Сидят, значит, гномики около костра. У одного колпачок розовый, у другого красный, у третьего желтый, у четвертого синий, а у ос-

тальных в разноцветную полосочку. Над костром висит котелок. А гномики сидят и ждут ужина.

— Очень хорошо, — сказал Егорка, — наконец мне все понятно.

И позвонил еще через пять минут:

— Ну, слушай, теперь здорово получилось!

Гномики и пляшут, и поют!

Значит, они весело живут!

Я ушам не поверил!!! Только что я рассказывал, что гномики сидят, а они у него танцуют!

— Ты что! — кричу. — Как это они пляшут?! У них на это сил нет. Они голодные, ужина дожидаются!

— Подумаешь, — говорит Егорка, — петь у них, значит, силы есть, а плясать нету!

— Нету! — отвечаю твердо. — Поют из последних сил.

— Ну ты еще гномиков нарисуй, которые пляшут. Пусть одни поют, а рядом, которые не такие голодные, пляшут.

— Ты чего! — возмутился я. — Это значит: одни поют еле-еле, с трудом, им голодно

и плохо, а другие танцульки устроили? Если б я голодный сидел, ты б рядом приплясывал?

— Нет конечно... — задумчиво протянул Егорка. — Я как-то не подумал. Подожди.

И снова звонит:

Песню унылую, грустную
Гномики в поле поют.
Из котла пахнет капустою.
Как наедятся — заснут.

— Это почему в поле? — удивился я. — У меня гномы в лесу сидят.

— Ты же не сказал, что в лесу.

— Ну так говорю: в лесу! Елки вокруг косматые и кусты с грибами.

— А ты зарисуй эти елки — поле и получится.

— Еще чего! Как же я зарисую? Ты лучше другое сочини.

— Ага! — обиделся Егорка. — Ты, значит, перерисовать не можешь, а я пересочиняй и пересочиняй!

— Так у меня же краски высохли. Я ж не на холсте рисую, как настоящий художник, а на бумаге. Не могу их смыть.

— Сверху закрась! — настаивал он.

— Так бумага покоробится. Некрасиво будет. И вообще, Мария Степановна сказала, чтоб ты к моему рисунку стихи сочинял, а не наоборот.

— Ладно, — вздохнул Егорка. — Жди.

Только я трубку положил, опять звонок.

— Слушай!

Песню унылую, грустную

Гномы в лесу распевают.

Из котла пахнет капустою.

Кто съест ее — засыпает.

— Это еще почему? — удивился я. — Получается, что у тебя капуста сонная и волшебная. Про это в сказке ничего не написано.

— Нет, — объяснил Егорка, — просто они наелись, и их в сон потянуло.

— Так бы и написал, что потянуло. А то у тебя «трах-бах!»: кто капусту съел — тот и заснул. И песня почему унылая? Они у меня веселые.

— Как это? — возмутился Егорка. — Ты ж сам говорил — голодные!

— Голодные, но веселые, — не унимался я, — еще какие веселые!

— Ну, знаешь, — обиделся Егорка, — что я ни сочиню, все тебе не так. С тобой просто невозможно работать!

— И с тобой тоже! Все какую-то чепуху выдумываешь!

И мы так разозлились, что трубки бросили. И это из-за одной картинки, а что, если бы целую книгу вместе делали! Подрались бы, наверное!

Вечером, правда, Егорка все-таки пришел, и мама ему отдала этих несчастных гномов.

Этот рисунок потом второе место в конкурсе занял. И когда я выздоровел, мне вручили блестящую грамоту с узорами по краям и флагом нашего государства сверху. А Егорка так ничего и не сочинил.

Он вообще перестал писать стихи. Совершенно. Мария Степановна спросила на каком-то уроке: почему?

А Егорка только плечами пожал и голову опустил.

Тогда Мария Степановна сказала, что у поэтов бывают перерывы в работе, но это совсем не означает, что они перестают быть поэтами.

— Настоящий поэт постоянно мыслит как поэт, — добавила она и попросила Егорку не расстраиваться.

Егорка кивнул. А когда мы шли домой, сказал:

— Подумаешь... Очень мне нужно быть поэтом... Я хочу быть аквалангистом и больше никем. Вот представь: северное солнце маленькой лагуны, в море затерялся белый островок... Я в скафандре... Плыву...

— Постой, постой! — замахал я руками и остановился. — Послушай, что ты сказал:

Северное солнце маленькой лагуны.

В море затерялся белый островок...

Это же стихи, понимаешь?

— Ага, — заулыбался Егорка, — сейчас до-сочиняю...

Он посмотрел вверх, чего-то там пошептал, подумал, а потом продекламировал:

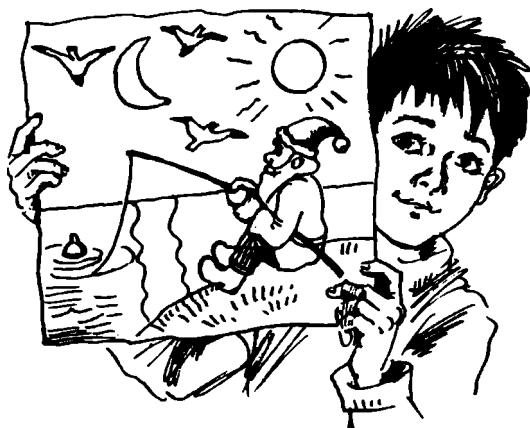
Северное солнце маленькой лагуны.

В море затерялся белый островок...

Гномик держит удочку, и в дорожке лунной

Плавает веселый красный поплавок.

Это было немножко глупо: тут тебе и луна, и солнце — все одновременно. Но я не стал Егорке надоедать с замечаниями, потому что стихи ведь хорошие. Я к ним потом рисунок нарисовал, и Егорка его дома над кроватью повесил. Там все: и островок, и гномик, и поплавок. И луна, и солнце.

СОДЕРЖАНИЕ

КАК Я УЧИЛСЯ РАЗГОВАРИВАТЬ ПО ТЕЛЕФОНУ . . .	5
СОКРОВИЩА МОЕЙ БАБУШКИ	27
ВЕСЕННИЕ ПРИЗНАКИ	42
8 МАРТА, ИЛИ ПАПЬЕ-МАШЕ	52
ПОХИТИТЕЛЬ ДОМОФОНОВ	64
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЛЕТА	81
СПАСЕНИЕ БАБУШКИ ФЕНИ	91
КАК МЫ ПУТЕШЕСТВОВАЛИ	109
ЕСЛИ БЫ У МЕНЯ БЫЛА СВОЯ ПЛАНЕТА	139
ПРОЩАЙ, МАШКА!	146
ПРО СТЕПКУ, РЫБУ И КОРОВУ	167
РАЗРЕШИТЕ ПОЗНАКОМИТЬСЯ!	183
ПОДАРОК ДЛЯ МАМЫ	202
ОДИНАКОВЫЕ СНЫ	218
ЗАКОЛДОВАННОЕ ПРОШЛОЕ	237
РАБОТА НАД ОШИБКАМИ	247
ЕГОРКИНЫ СТИХИ	260

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

СЕРИЯ «НОВАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Ракитина Елена
ПОХИТИТЕЛЬ ДОМОФОНОВ

Ответственный редактор *Мария Ершова*
Художественный редактор *Юлия Колесникова*
Технический редактор *Елена Антонова*
Корректор *Татьяна Шапиро*
Верстка *Алексея Положенцева*

Директор издательства *Максим Крютченко*

Подписано в печать 27.10.2008.
Формат издания 60 × 84 1/16. Печать офсетная.
Гарнитура «NewtonC». Усл. печ. л. 15,8. Тираж 5000 экз.
Изд. № 246. Заказ № 0826340.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.006894.07.08 от 04.07.2008

Издательский Дом «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Larisa_F

